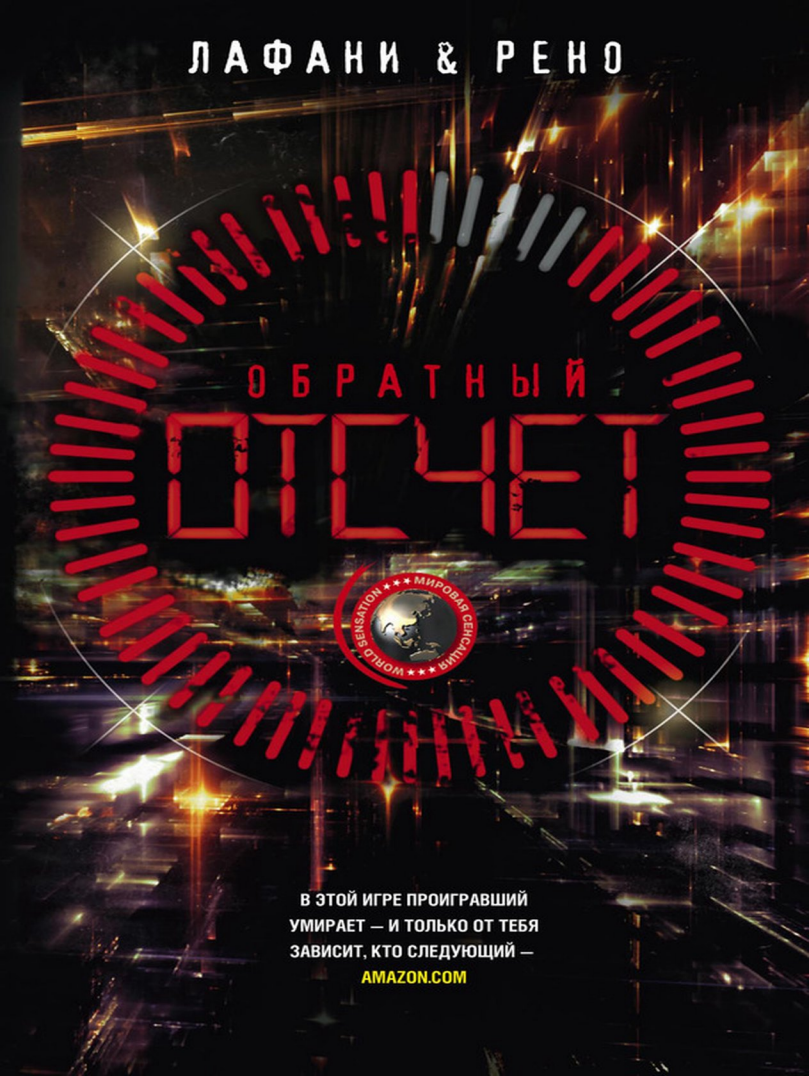
ЛАФАНИ & РЕНО
ОБРАТНЫЙ
ОТСЧЕТ
WORLD SENSATION
МИРОВАЯ СЕНСАЦИЯ
В ЭТОЙ ИГРЕ ПРОИГРАВШИЙ
УМИРАЕТ — И ТОЛЬКО ОТ ТЕБЯ
ЗАВИСИТ, КТО СЛЕДУЮЩИЙ —
AMAZON.COM

# Обратный отсчет

## Флориан Лафани, Готье Рено

Аннотация
Ф. Лафани, Г. Рено. Обратный отсчет
Пролог
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Эпилог

## Аннотация

Профессор Колин Стирл, англичанин, работающий в Токио, обвинен в убийстве своей студентки. Спустя некоторое время неизвестный захватывает заложников. Он не выдвигает каких-либо требований и не идет на контакт с полицией. Используя социальные сети, преступник предлагает публике сыграть в зловещую игру – проголосовать в Интернете за одного из заложников. Причем набравшего минимум голосов ждет смерть. Полиция и спецслужбы не верят в серьезность намерений преступника. Однако, когда появляется первый труп, им приходится признать, что это не игра и не глупая шутка.

Неожиданным образом два этих дела оказываются связанными между собой…

*Книга содержит нецензурную брань.*

# Ф. Лафани, Г. Рено
# Обратный отсчет

Florian Lafani
Gautier Renault
TROUBLE[S]

© Librairie Generale Francaise / Editions de l’ Epee, 2014

© Перевод и издание на русском языке «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление «Центрполиграф», 2017

# Пролог

***Лондон, Хаммерсмит. Дождливая апрельская ночь.***

***Альбан, высокий, стройный. Черные джинсы.***

***Без зонта***

Альбан бежал под проливным дождем, огибая лишь самые глубокие лужи и даже не пытаясь укрыться от струй воды. Минут через десять он остановился под козырьком подъезда. Шел второй час ночи. Метро было закрыто. Ветер гнул кроны деревьев в Равенскорт-парке.

Альбан осмотрел свою мокрую одежду. Капли дождя стекали с его светлых волос на лицо, отчего казалось, что он плачет. В кармане завибрировал телефон. Он вытер правую руку о живот, достал мобильный и, увидев высветившееся на экране имя звонившего, ответил на вызов:

— Тут настоящий потоп. Я буду на месте через пятнадцать минут. Можете начинать съемку кино, всё готово.

Голос звучал решительно, несмотря на то что после этой ночи уже ничего не будет так, как

было прежде. Поздно задавать вопросы, разве что самому себе.

Его грудь высоко вздымалась. Он никак не мог восстановить нормальный ритм дыхания. И причиной тому было не проделанное им физическое усилие, а нехорошее предчувствие. Прежде чем возобновить пробежку, Альбан извлек из телефона батарейку и сим-карту, которую несколько секунд вертел в пальцах, а затем бросил в прорезь водостока, чтобы лишить себя возможности дать задний ход.

# Глава 1

***Япония, скала Тодзимбо. Мартовская ночь. Ветер с моря.***
***Колин, 36 лет, 1 м 82 см. Черная замшевая куртка. Короткая стрижка***

Колин пришел на скалу самоубийц с намерением прыгнуть вниз. Бушевавшая вокруг стихия — порывы ветра и проливной дождь — не могли его остановить. С комом в горле, чувствуя дыхание смерти, с искаженным от боли лицом, Колин смотрел в даль. Перед глазами у него мелькали тени, на которые он не обращал внимания. После долгих дней страданий он был совершенно измучен, оказался на краю земли на пределе сил.

Всего месяц назад он читал лекции в Институте общественных наук в Токио, где жил уже восемь лет. Азия притягивала его, лондонца по рождению, потому что радикально отличалась от Европы. Он хотел изучить новую для него цивилизацию. На тот момент, когда он сходил с самолета, его представления о Японии ограничивались тремя «С»: суши, сумо, самураи. Ни одно из этих понятий ему не пригодилось, иеро-

глифическое письмо оставалось непонятным. Поскольку английский язык очень мало используется японцами, ему пришлось объясняться знаками, прежде чем он освоил японский, что облегчалось доброжелательным отношением окружающих. Несмотря на лихорадочный ритм, в котором Токио живет круглые сутки, японцы остаются вежливыми людьми. Его сразу покорила их культура. А однажды на ужине он встретил свою будущую жену. И мало-помалу стал привыкать к новой жизни.

Но из-за его ошибки обычная жизнь уважаемого университетского профессора, которую он вел, превратилась в муку. Все началось с настойчивых взглядов одной студентки. С этим рано или поздно сталкивается каждый преподаватель. Смесь желания и восхищения в ее глазах. Обычно Колин отвергал подобные авансы, скрывая в душе тщеславное чувство, вызванное проявленным к нему интересом. Но не в этот раз. Без видимой причины, сам не понимая, как это произошло, он вдруг обнаружил, что его принципы куда-то подевались, и согласился на ужин с ней. Потом был поцелуй. И в один момент он перешел все границы, даже забыл, что у него есть жена.

В ту ночь его жизнь перевернулась. Вернув-

шись домой далеко за полночь, Колин постарался открыть входную дверь бесшумно, но петли, по закону подлости, скрипнули. Он в бессилии замер в гостиной. Вдали с равными интервалами рычали моторы автомобилей. Он разулся и почувствовал холод плитки на полу. Прислонившись спиной к двери спальни, он всматривался в тусклую темноту.

Колин вздрогнул, почувствовав, что его головы коснулась рука Юкио. Он не слышал, как она подошла. «What happens to you, honey?»[1] — прошептала она, в ее голосе угадывалось понимание. Колин говорил по-японски, но языком их общения наедине, их интимных игр, был английский. Увидев слезы в глазах Колина, она замолчала и села рядом с ним. Возможно, она уже знала, что произошло. Чувство вины делало его параноиком, его, считавшего себя неспособным утаить от нее даже какую-нибудь мелочь. Колин положил голову на колени жены. Он почувствовал запах ее тела и припал губами к ее животу, прикрытому ночной рубашкой. Она погладила его волосы, потом взяла за руку, отвела в спальню и заснула в его объятиях, как бывало почти каждую ночь.

---

**[1] Примечания: 1**
Что с тобой, дорогой? (англ.)

Утреннее прощание прошло молча. Перед тем как пойти на работу, Колин на мгновение замешкался, прежде чем поцеловать Юкио в лоб, — обычное действие, которое отныне составляло часть его лжи.

Придя в университет, Колин встретил секретаря его факультета — сурового вида женщину, которая с упреком сообщила ему, что его разыскивают полицейские, они хотят с ним поговорить и ждут его в кабинете президента университета. Его снова охватило неприятное тревожное чувство, связанное с воспоминаниями о прошлой ночи, но это было нелепо. Супружеская измена не делала его преступником.

Колин вошел в комнату. Трое полицейских в форме и один в штатском обернулись и мрачно посмотрели на него. Ему показалось, что даже персонажи двух картин, висевших над дубовым столом, смотрят на него обвиняюще. Мужчина в штатском назвался комиссаром Мацухитой и без околичностей объявил, что сегодня рано утром была убита его студентка Асами Миюзу. Колин никак не отреагировал, ожидая следующей фразы. Его руки висели вдоль туловища, дыхание стало прерывистым. Асами… Убита… Он вдруг понял, что его интимная связь с ней станет

центральной темой разговоров. Внутренний голос молил повернуть время вспять. Он был так сосредоточен на мысли, что следующий вопрос донесся до его слуха словно издалека. Он попросил повторить, что комиссар с неохотой сделал:

— Где вы были прошлой ночью, мистер Стирл?

И тут в памяти Колина всплыли все последние часы: ужин, поцелуй, его жена. Не было ли лучшим выходом снять с себя подозрения и во всем признаться? Он растерянно поглядел по сторонам, ища помощи. Комиссар начинал терять терпение, но Колин, совершенно выбитый из колеи, был не в силах ответить. Молчание сыграло против него, и по пути к полицейской машине ему пришлось встретить обвиняющие взгляды преподавателей и студентов. Его бесцеремонно заставили нагнуться, чтобы посадить на заднее сиденье автомобиля. Он бросил последний взгляд на красное кирпичное здание университета. Бой курантов, прозвонивших одиннадцать часов, показался ему погребальным звоном.

Пока они ехали, комиссар связался по рации с управлением и велел приготовить комнату для допроса, а Колин тем временем смотрел в окно, не узнавая того яркого и оживленного города, который его привлек. Он видел только толпу, суету,

бетон, забытые в Мэйдзи-Шрин-Гарден гинкго — деревья, чьи высота и красота уравновешивали лихорадочный ритм жизни японской столицы. Все это снова казалось ему чужим. *В конце концов, я здесь всего лишь иностранец.*

Дальше начался кошмар. На допросе Колин признал связь с Асами, но отрицал, что убил ее. Ему было трудно сдерживаться, он был возмущен тем, что его решили сделать козлом отпущения, поскольку он оказался идеальным подозреваемым. Конечно: профессор соблазнил и убил одну из своих студенток; газеты и широкая общественность будут довольны.

Подавленный целым потоком вопросов, затрагивавших самые интимные моменты его жизни, он в конце концов произнес единственную фразу, которая снимала с него все подозрения, но которую ему было невыносимо трудно выдавить из себя:

— Моя жена подтвердит вам, что я был дома в два сорок пять.

— Мы ее вызовем и допросим. Вы давно женаты?

— Пять лет.

— Вы родились в Харрогейте, в Англии. Почему вы переехали в Японию?

Колин мало рассказывал о своем прошлом даже друзьям. Он не считал это интересным и предпочитал сосредоточиться на той жизни, которую выстраивал в Японии.

— Не вижу, какая связь…

— Я повторяю свой вопрос.

Ответ на этот вопрос повлек бы за собой множество новых.

— Потому что мне больше нечего было делать в Англии.

Комиссар молча смотрел на него, не выдавая своих эмоций.

— Мистер Стирл, я запросил сведения о вас у моих английских коллег. Не сомневаюсь, что они смогут мне ответить менее загадочным образом, чем вы.

Колин вздрогнул, как будто под порывом холодного ветра. Прежде чем стать профессором, он служил в армии. Его отец был военным и потребовал, чтобы он не уклонялся от воинской службы, а пошел, когда ему исполнится 18 лет, в армию. Это было во время войны в Югославии. Тогда как раз требовались люди в контингент войск ООН. Он вступил в их ряды и вернулся домой с кошмарными воспоминаниями о смертях, шальных пулях, криках и стонах. Несмотря на

полученную награду за храбрость, он отказался от дальнейшей службы в армии и, несмотря на энергичные протесты отца, поступил в университет, надеясь, что с помощью книг он вернется к нормальной жизни.

С самого начала допроса в полицейском управлении Колин постоянно думал о Юкио, о том зле, что он ей причинил. Он даже не спросил о подробностях смерти Асами, пытаясь своим молчанием отстраниться от убийства. Но как ее могли убить? И почему именно в этот момент?

После допроса Колина отвели в застекленный зал. Хорошо еще, что не в камеру, эту прихожую позора. В начале второй половины дня он услышал шаги и узнал походку жены. Юкио обернулась и с презрением посмотрела на него. Он выдержал ее взгляд, пораженный заключенной в нем силе. Он ожидал увидеть гнев, но ее глаза выражали нечто другое.

Юкио пожала руку комиссару и села за стол. Разговор между ней и полицейским продолжался четверть часа. Колин не мог ни слышать, ни догадаться, о чем они говорят. Ожидание усиливало его тревогу, которую он скрывал, потому что не позволял себе проявлять свои чувства.

Когда Юкио вышла, не взглянув на него, комис-

сар вошел в зал. Вид у него был серьезный.

— Мистер Стирл, ваша жена утверждает, что ночью вы домой не возвращались. Поскольку вы не имеете алиби, становитесь подозреваемым в убийстве Асами Миюзу.

***Скала Тодзимбо.***
***Ощущение уже виденного. Душевная рана***

На краю скалы завывал ветер, волны с ревом разбивались о камни и вихрями поднимались вверх. Колин сидел как оглушенный, заново прокручивая в памяти слова комиссара. В тот момент он даже не попытался защититься, оправдаться, настолько сильной была нанесенная ему душевная рана. Почему Юкио солгала? Из гордости? Из мести? Неужели она способна бросить его вот так, вдруг, без единого слова? Через несколько часов он заявил, что ему нечего скрывать, и откровенно ответил на все вопросы. Это было проявление гордыни человеком, знавшим до этого момента лишь хорошие стороны системы. Но первые дни в тюрьме, пусть даже предварительного заключения, стали для него крестной мукой. Камеры были старыми, стены облезлыми, с пятнами плесени, воздух влажным и холодным, пол жестким и неровным. Его много раз обыскивали, заставляя раздеваться догола, что еще больше усиливало

его чувство унижения.

Пока он трясся от холода в полумраке тюремной камеры, единственные картинки, всплывавшие в его памяти, были образы его жены. Несмотря на ложь Юкио и ее предательство, он не забыл счастливых моментов пяти лет их совместной жизни. В глубине души он понимал ее желание наказать его, но цеплялся за надежду, что Юкио поймет, что не сможет продолжать лгать на суде. Ведь ему грозило многолетнее тюремное заключение. Могли ли его осудить на основании одного лишь заявления Юкио? Он надеялся, что им понадобятся другие доказательства, поскольку отсутствие алиби не означает, что преступление совершено им. Он доверял японской судебной системе и хотел верить в ее беспристрастность. Прямой контакт со служителями этой системы оставил у него горький привкус, ощущение обмана, потерю иллюзий. Полицейские с ним не церемонились, заботясь больше о том, чтобы выбить его из колеи, нежели об установлении истины, что демонстрировали первые же вопросы, заданные ему в кабинете президента университета. Колин стал жертвой того, чему много лет учил: хоне и татемаэ — личного мнения индивида и общественных обязанностей, чести и сокрытия

правды. Полиция старалась закрывать дела как можно скорее, чтобы все продолжали верить, что она успешно исполняет свои функции по обеспечению правопорядка. Опасность юридической ошибки в ее глазах значила гораздо меньше, чем гордость, которую она испытывала, показывая, что она очищает общество от всякой скверны.

Первое заседание суда стало катастрофой. Перед судьей Юкио, державшаяся с большим достоинством, немного осунувшаяся, взволнованным голосом повторила свои прежние показания: «В ту ночь мой муж не ночевал дома. Я не знаю, где он был. Он мне сказал, что в университете будет важное собрание. Такое случается время от времени, и у меня не было никаких оснований не верить ему. Но я не привыкла спать без него, поэтому я несколько раз за ночь вставала, однако он отсутствовал». Она сделала небольшое ударение на последнем слове, как будто отсутствие дома было равнозначно его вине. По переполненному залу суда пробежал ропот. Разве мог неверный муж не быть убийцей?

Колину следовало опровергнуть слова Юкио, кричать о своей невиновности, но заявить перед столькими людьми, что его жена лжет, выступить против нее оказалась выше его сил.

Колин наконец осознал, что доказать свою невиновность, просто рассказав, как все было, он не сможет; суды — это место, где существует свой порядок, свой особенный язык, и он должен найти помощника, который этот язык расшифрует и избавит его от роли жертвы. Он должен бороться, и прежде всего — нанять адвоката, чтобы не встретить свой тридцать пятый день рождения в тюрьме.

Что Колин и сделал. Немалое профессорское жалованье позволило ему нанять настоящего специалиста по уголовным делам. Всегда одетый с иголочки, мэтр Накамура каждое утро приходил с «дипломатом», чтобы обсудить стратегию защиты, соответствующую правилам и обычаям японской системы правосудия. У Колина было ощущение, что мэтр Накамура так и не поверил в его невиновность. Они не испытывали никакого взаимного доверия; между ними были чисто деловые отношения, основанные на крупных гонорарах, выплачиваемых клиентом своему защитнику.

Они договорились, что в суде Колин будет молчать, предоставив выступать адвокату, тот должен подчеркивать, что его клиент очень сожалеет о своей неверности, но никоим образом не

причастен к убийству. Сидя рядом с защитником, Колин смотрел в пустоту, слушал мало, поворачивал голову, чтобы тут же быстро опустить глаза. У него было ощущение, что он попал в какую-то инсценировку, служащую не для установления истины, а исключительно для успокоения толпы. Дело не занимало первых полос в газетах, но СМИ все-таки интересовались этим эпизодом криминальной хроники, ведь речь шла не только об убийстве, но и о супружеской измене. Общественное мнение заранее объявило подсудимого виновным, и противоречить ему было трудно, так что судье пришлось выставить публику из зала, когда адвокат Колина попросил отпустить его подзащитного по причине его невиновности. Это вызвало приступ ярости у зрителей, раздались крики, нетерпимые в суде ни одной страны: «Преступник! Убийца! Никакой пощады!»

В конце процесса судье ничего не оставалось, как объявить о прекращении дела и освободить Колина за недостатком улик. Оправданный, но с погубленной репутацией, он остался в глазах всех виновным. Колин попытался не обращать внимания и вернуться к нормальной жизни. Безуспешно.

Его лишили права преподавания под пред-

логом того, что университетскими правилами запрещены интимные связи между профессорами и студентами. Буквально в одночасье он превратился в отверженного. У него не было друзей вне его профессии, не было никого, кто бы выслушал его, кто продолжал бы относиться к нему, как прежде. Ощущение того, что он здесь чужой, исчезнувшее много лет назад, стало теперь доминирующим.

Адвокат, пока все не успокоится, снял ему маленькую комнату и передал ключи и шифр от камеры хранения на складе в мрачном предместье Токио, где хранились его вещи. Никакой коробки, все свалено прямо на пол: одежда, книги, посуда — вещи, на которых лежала печать измены. Это уже была не жизнь, а ее разрозненные обломки.

У него возникло искушение взять билет на самолет куда угодно и улететь далеко-далеко, но не хватило смелости начать жизнь с нуля.

Чтобы восстановить свою честь, Колин решил не опускать руки и попытаться выяснить, что же на самом деле произошло в ту ночь. Он вознамерился провести собственное расследование, пройти по своим следам и найти то, что полиция, возможно, упустила из виду.

***Ресторан «Каикайя». Широкая застекленная***

***витрина. Темно-красная вывеска. Позолоченные***

***фонари***

Вечером перед убийством Асами они ужинали в ресторане рядом с Шибуей. Полицейские реконструировали времяпрепровождение и маршрут Колина. Они просмотрели записи камер видеонаблюдения на улицах вплоть до ресторана, где он встретился со своей студенткой, а затем и записи с камер наблюдения в самом ресторане. У Колина сложилось ощущение, что эта работа была проделана халтурно, наспех. Во всяком случае, видеозаписи к делу приложены не были. Его адвокат не стал настаивать на предоставлении ему копий. Колин хотел начать свое расследование с этого момента. Подойдя к ресторану, он мысленно спросил себя, какой предлог придумать, чтобы получить доступ к видеозаписям. Ресторан закрывался, зал был пуст. С нескольких столиков еще не убрали посуду.

— Здравствуйте, я бы хотел узнать, оборудован ли ваш ресторан системой видеонаблюдения, — начал Колин.

— Да, я ею очень доволен и менять не хочу, —

ответил хозяин, сразу уходя в глухую оборону.

— Конечно, я понимаю. Но я не коммивояжер. Я ничего не хочу вам продавать. Дело в том, что два месяца назад я ужинал у вас вместе с моей невестой. Я собираюсь сделать ей сюрприз, но для этого мне совершенно необходимо точно знать, как она была одета в тот вечер. Вам это может показаться странным, но для меня это очень важно.

— Вообще-то система видеонаблюдения создается не для этого… — начал хозяин, несколько удивленный.

Он помолчал несколько секунд.

— …но для влюбленных я могу сделать исключение, — договорил он с улыбкой. — Следуйте за мной.

Он отвел гостя на второй этаж, в комнату, где размещалось различное оборудование, и быстро объяснил Колину, как найти нужную ему запись по дате, а затем по часу, после чего оставил его разбираться самостоятельно.

Через несколько минут Колин нашел соответствующую папку и запустил видео. Он очень четко увидел себя, входящего в ресторан вместе с Асами. Он стал внимательно рассматривать других посетителей, сидевших вокруг их стола. Одни

уходили, другие приходили, туда-сюда сновали официанты.

И вдруг взгляд Колина остановился на одной детали — на светящейся точке в правом нижнем углу экрана.

— Вот оно, — лихорадочно бросил он, указывая на силуэт позади них.

Колин обратил внимание на этот отблеск, очень необычный, потому что отбрасывал его камень с дефектом. Кольцо Юкио! Его жена сидела позади них! Он не различал никаких других примет ее облика, но это могла быть только она. Как она узнала про это свидание?

Колин вышел из ресторана потрясенный, отгоняя созревавшую в нем мысль. Хотел ли он узнать больше? Он боялся, что полная правда окажется еще более мрачной. Случайность исключалась, а значит, убийство Асами внезапно приобретало окраску преступления на почве ревности. Юкио отомстила за измену способом, который выходил за рамки его понимания.

Решится ли он добавить к публичному позору образ доведенного до крайности человека, который пытается переложить собственную вину на жену? Нет, история закончится на этом.

***Скала Тодзимбо. На краю пропасти.***

***Сжав кулаки***

Каждое воспоминание приближало Колина к пропасти, к морю. Сантиметр за сантиметром он приближался к моменту, когда рухнет или не раздумывая прыгнет вниз, рассчитывая на отчаяние, как на детонатор. В это мгновение он вспомнил фигурки, выпрыгивавшие из объятых пламенем башен Всемирного торгового центра, людей, оказавшихся перед таким выбором, когда прыжок, неминуемо ведущий к смерти, казался им менее страшным вариантом.

В глубине души он смутно надеялся на то, что скала спасет его, вспоминал об ангеле-хранителе, который бродит по округе, пытаясь убедить самоубийц остаться жить. Это был полицейский в отставке, который неустанно патрулировал несколько километров побережья, чтобы отговаривать людей, пришедших свести счеты с жизнью, от рокового шага, который даже добился установки кабины телефона-автомата для тех, кто захотел бы позвать на помощь.

Колин нагнулся, и порыв ветра, принесенный волнами, едва не сбил его с ног. Он остановился перевести дух, потому что ему не хватало воздуха, как на большой высоте. Что он услышал: плеск воды или крики? Несколько секунд в нем боро-

лись страх и чувство чести. Наконец определился бесспорный победитель. Колин прыгнул, закрыв глаза, чувствуя, как бешено, едва не разрываясь, бьется его сердце. Он ощущал приближение неотвратимого, приближение конца. На сей раз ангел-хранитель ничего не смог сделать.

***Лондон, несколько дней спустя, агентство «Артандко». Опенспейс, компьютер задней стенкой к стеклянной перегородке.***

***Том, 29 лет, комьюнити-менеджер. Очки, брюки и пиджак от разных костюмов***

В просторном опенспейсе Том пока что был один. Он взял себе за привычку, избегая часа пик в лондонском метро, приезжать в агентство первым, благодаря чему имел спокойный час перед лихорадочным рабочим днем. Хотя напряженный ритм Лондона его не раздражал, он все-таки хотел бы вернуться к спокойной жизни в Степлфорде, близ Ноттингема. Родители мечтали, чтобы он стал профессором, но Том, блестяще отучившись два курса на факультете истории искусств, проявил больше склонности к коммерции и ушел в сферу новых технологий. Ему нравилась возможность работать в секторе, переживающем бурный расцвет. Его рабочей

площадкой стал Интернет.

Личная почта, информационные сайты, спортивный онлайн-тотализатор, реклама турпоездок — вот что было на его компьютере с самого утра. Он любил эти минуты, когда не надо было опасаться, что начальство увидит, что высвечивается у него на экране. Уборщица, с которой он всегда обменивался улыбкой, заканчивала свою работу. Приходили первые коллеги, почти сразу же начинались вопросы на служебные темы, и ему приходилось совершать усилие, чтобы вернуться в реальный мир.

— Ты не забыл? В девять тридцать встреча с новым клиентом, — бросил его начальник, даже не поздоровавшись.

Том не забыл. Он открыл на экране документ в Пауэрпоэнт рядом со своими персональными окнами: «Фейсбук», «Твиттер», несколько сравнительных таблиц по ценам, сайт «Дейли сан». Вообще-то все эти сайты он использовал также и по работе, заключавшейся в управлении новыми средствами коммуникации. Фирма «Артандко» была одновременно компанией — производителем графических программных продуктов и веб-агентством, занимающимся созданием, поддержкой и продвижением сайтов, а также

защитой личных данных клиента в Интернете. Именно второй аспект деятельности давал за последние два года максимум прибыли. Теперь художественных редакторов в компании было меньше, чем веб-аналитиков.

Том доделывал документ, над которым работал еще вчера. На встрече, которая будет проходить под руководством босса, он произнесет пару слов в качестве специалиста. Чтобы оправдать смету, он предлагал клиенту базовый пакет: защиту от выхода под его именем на интернет-сайты, закрытие сайта для рекламных окон и невозможность на основе анализа личных данных и покупательного поведения клиента в Сети присылать ему спам и рекламные рассылки. Сейчас достаточно один раз купить мужские часы, чтобы затем получить кучу предложений по приобретению других аксессуаров той же марки.

— Том, пошли, — позвал его коллега.

Он отсоединил ноутбук от базы и, неся его, словно официант поднос, направился в переговорную. На первых встречах с клиентами он обычно слушал вполуха. Основную часть времени занимало представление агентства. Бывало, что его вообще ни о чем не спрашивали, даже не просили изложить его веб-план. После обычных

приветствий он сел, но не напротив клиента, а немного в стороне, и положил рядом с собой телефон, отключив на нем звуковой сигнал звонка.

Его босс начал обычный рассказ о фирме и ее возможностях, а Том открыл на своем айфоне «Фейсбук». Прокрутил новости и остановился, заинтригованный статусом Эразма, одного из своих друзей. Они управляли своими страницами совершенно по-разному. Том давно уже прекратил гонку за наращивание количества добавленных в друзья, потому что не желал получать новости от людей, которые ему абсолютно неинтересны. Эразм же, напротив, имел более двух с половиной тысяч друзей. Частично это объяснялось его частыми поездками по всему миру; контакты в «Фейсбуке» позволяли ему найти крышу над головой даже в самом удаленном уголке планеты, в городах с совершенно непроизносимыми названиями вроде Ризаральда в Колумбии или Челябинска в России.

Они познакомились в Перудже, в Италии, где два молодых британца находились по студенческому обмену. Том сразу проникся симпатией к Эразму, получившему свое прозвище, ставшее практически его вторым именем, после сопровождавшейся обильными возлияниями ве-

черинки. После они вместе объехали несколько европейских стран и сдружились еще больше, но потом Том решил сменить учебу и путешествия на более упорядоченную жизнь.

**Эразм: «На помощь!»**

Статус высветился на экране телефона. Том улыбнулся, лайкнул и отправил комментарий.

**Том Л.: «Ты небось в Лондоне; отвык жить взаперти в крупном современном городе;)».**

Он закрыл приложение как раз вовремя, чтобы взять слово.

— Мы располагаем всеми средствами не только для того, чтобы обеспечить вам видимое присутствие в вебе, но также способны обеспечить эффективное продвижение в Сети. Все имеющиеся в нашем распоряжении рычаги будут задействованы для достижения поставленных вами целей.

Разговор шел по накатанной колее, Том и не ждал конкретных вопросов, которые обычно затрагивались на последующих встречах.

Сразу после окончания беседы с клиентом он снова заглянул в свой телефон. Красный индикатор «Фейсбука» показывал пятнадцать сообщений. Но тут клиент начал задавать вопросы, стремясь побольше узнать о возможностях

фирмы. Том отвечал автоматически, часть его мозга уже была занята этими тревожными сигналами. Всякий раз, когда он видел краем глаза, что появляются новые комментарии, он ощущал внутреннее возбуждение.

Вернувшись за свой стол, он, отложив на потом обещанные клиенту дополнительные сведения, поспешил войти в «Фейсбук». Все комментарии крутились вокруг статуса Эразма. Друзья поддержали ироничный тон, заданный Томом. Некоторые, хотя и не были знакомы друг с другом, обсуждали его и в этом обсуждении ушли далеко от изначального «На помощь!». В этой доверительной «дружеской» атмосфере Том позволил себе вернуться к теме:

«Мое мнение: он просто хочет знать, на кого из друзей может рассчитывать, когда позовет на помощь. Думаю, мы успешно сдали тест!»

Час спустя, когда он работал над медиапланом для сайта недорогих электронных книг, Том с улыбкой отметил, что Эразм снова изменил статус.

**Эразм: «На помощь! Подружитесь с Альбаном М.».**

Еще одна заявка. Когда они исходят от друга, к ним непременно относятся внимательнее, даже

если на «Фейсбуке» можно утонуть в заявках разного рода. Иногда бывает, что «друзья» по взаимному соглашению записывают кого-то в ту или иную группу, чтобы послать ему приглашение на игру, и т. д. Том всегда веселился, видя, что первым отвечает на подобные запросы, хотя прекрасно знаком с механикой этого дела: он целыми днями играл на этом, продвигая товары и услуги. Увидев новый статус, Том без лишних рассуждений кликнул на «Альбан М.», потом на «Добавить в друзья» и дал подтверждение. В следующую четверть часа он постоянно заглядывал в свой профиль, проверяя, принята ли его просьба.

**«Том теперь друг с Альбаном М.».**

Он кликнул, чтобы получить доступ к профилю неизвестного Альбана М. Ни фото, ни какой бы то ни было конкретной информации, только видео, выложенное тридцать минут назад, и загадочный статус.

**Альбан М.: «Альбан М. умеет быть в сумерках и на рассвете разговоров одновременно…»**

Когда видео началось, предвкушение веселой шутки уступило место смутной тревоге. Том проверил наушники — они работали нормально, однако видеоролик не имел звука. Человек,

снимавший сцену, совершал обход погруженной в темноту комнаты, напоминающей гостиную. Темная и нечеткая картинка позволяла увидеть какие-то растения и картину на стене. Камера опустилась и выхватила шесть человек, стоящих на коленях на полу со связанными за спиной руками. Она задержалась на каждом. У всех головы были опущены, словно они совершали покаянную молитву. Через сорок пять секунд просмотра видео Том содрогнулся. Его страх нашел ответ. Ему, несколько часов назад смеявшемуся над этим нелепым призывом о помощи, стало стыдно и страшно. Среди пленных неподвижно сидел Эразм.

# Глава 2

***Лондон, агентство «Артандко».***
***Биг-Бен бьет 11.30.***
***Друзья Альбана М. на «Фейсбуке»: 850***

Видео непрерывно крутилось на экране монитора Тома. Молодой человек нервно теребил мышку, не в силах избавиться от неприятного чувства, возникавшего от вида этих расплывчатых кадров. Мизансцена была удачной: нехватка света, отсутствие звука, силуэты стоящих на коленях людей, отрешенное лицо Эразма… Его появление в кадре потрясло Тома, несмотря на то что он отказывался верить в серьезность происходящего. Все сообщество друзей Эразма на «Фейсбуке» непрерывно обменивалось комментариями, пытаясь понять. Наиболее спокойные считали ролик шуткой, самые встревоженные позвонили в полицию.

Том в силу профессиональной деформации сознания искал признаки скрытой рекламы. Его друг никогда не любил подобные штуки, и он искренне сомневался в том, что тот мог принять участие в рекламной акции, да еще такой мутной.

Том знал фирмы, которые не стесняются шокировать публику, чтобы ее заинтриговать. Вот хотя бы на прошлой неделе он сам представил рекламную кампанию, рассчитанную на любопытство интернет-пользователей: в Сеть были выложены фильмы с острым и таинственным сюжетом; при этом коммерческая составляющая их не раскрывалась. Но несмотря на десятки просмотров, Том так и не сумел обнаружить ни единого логотипа, слогана, ни одной детали, позволяющей связать ролик, выложенный этим Альбаном М., с какой бы то ни было торговой маркой. И что за фирма решится выложить такой тревожный рекламный ролик? Вред, причиненный им, было бы трудно загладить, разве что откровенно комичным, юмористическим финалом. Но как раз его в данном случае не было. Оставалась гипотеза, что это трейлер нового телесериала, однако освещение и вся атмосфера нисколько не напоминали декорацию.

Томом постепенно овладевала уверенность, что его другу действительно грозит опасность, как вдруг высветился новый статус Альбана М.

**Альбан М.: «В основе всякой ритуальной практики, всякого мифологического смысла лежит реальное убийство» (Рене Жирар).**

С этого момента Том присоединился к встревоженным. Это не был язык рекламщиков, с которым он имел дело ежедневно. Даже если существовал один шанс на миллион, что эта история правда, Том заранее был согласен выставить себя на посмешище в 999 999 остальных. Он за несколько секунд создал на «Фейсбуке» группу, чтобы объединить все реакции и всю информацию, которая могла появиться: **«Те, кто хотят узнать больше об Альбане М.».** Он скопировал адрес группы на стену Эразма и части их общих друзей и пригласил вступать в нее всех желающих.

Реакция не заставила себя ждать. Первое сообщение было выложено на стену буквально через две минуты.

**Лаура Грист:** «Я позвонила в полицию, но они не стали меня слушать. Коп, кажется, вообще не знает, как работает «Фейсбук». Не буду вам рассказывать, как он отреагировал, когда я заговорила о Марке Цукерберге. Невозможно отыскать более некомпетентного человека. Мне кажется, каждый должен взять телефон и позвонить 999 или 112[2], чтобы они поняли, что это серьезно. Надо

---

**[2] Примечания: 2**
Номера телефонов служб экстренного реагирования. (*Примеч. ред.*)

их постоянно тормошить».

Том колебался, все еще пытаясь уверить себя, что реальность менее тревожна, чем то, что он видел своими глазами. Члены группы распространяли эту страницу так активно, что число заходящих на нее росло в геометрической прогрессии. Когда он пытался, используя все возможности поиска, собрать больше информации по видеоролику, на плечо ему легла рука. Он вздрогнул.

— Эй! Ты докатился до управления видеороликами на Ютубе? Нас ждут на совещании, — объявил ему коллега, всегда готовый подловить его на ошибке.

Тому пришлось встать из-за стола, но он никак не мог сосредоточиться на теме совещания, и начальник сделал ему замечание за то, что он сидел, уткнувшись в свой телефон.

**Друзья Альбана М. на «Фейсбуке»: 1992.**
**Группа на «Фейсбуке»: 1681**

***Лондон, Дворец правосудия. Серые тучи. Клара Капланд, 35 лет, 1 м 78 см. Длинные темные волосы. Туфли на каблуках***

— Ваши служебные полномочия не позволяют вам прибегать к методам, которые используют

те, с кем вы боретесь, мисс Капланд. Суд считает, что вы не имели права взламывать электронную почту мистера Энди Вуда, журналиста «Морнинг трибюн», даже под тем предлогом, что вы подозревали его в попытке подкупа сержанта полиции. В качестве сотрудника специальной службы Королевства, борющейся с правонарушениями в новой сфере высоких технологий, вы должны при любых обстоятельствах соблюдать закон, в данном случае — неприкосновенность личных данных в Интернете. Доказательства, представленные вами суду, не могут быть приняты в этом качестве и никоим образом не могут служить оправданием ваших действий. Суд не будет выдвигать никаких обвинений против мистера Энди Вуда и признает за ним право на гражданский иск. Суд признает мисс Клару Капланд виновной в использовании документов, полученных способом, нарушающим неприкосновенность частной жизни. Учитывая то, что общество вправе требовать от сотрудников полиции и спецслужб, в одной из которых служите вы, чтобы они являли собой образец для подражания, когда речь идет о следовании букве закона, а также желая подтвердить незыблемость принципа свободы печати в нашей стране, суд приговари-

вает мисс Клару Капланд к штрафу в пятнадцать тысяч фунтов стерлингов в пользу мистера Энди Вуда в качестве возмещения причиненного ему морального ущерба.

Клара старалась держать себя в руках, чтобы на лице не отразился ее гнев. Зал заседаний опустел, а она еще долгих пять минут стояла неподвижно в своем темно-синем костюме, который хотела бы приберечь для более приятных случаев. Адвокат с самого начала предупредил ее: неприкосновенность частной жизни стала такой священной коровой, что ни один судья не рискнет проявить к ней снисхождение. Дело приобрело особо щекотливый характер, поскольку затрагивало права журналистов и защиту данных в Интернете. Кроме того, газеты с особым удовольствием принялись обсасывать тему, указывая пальцем на методы, используемые специальной службой, призванной действовать в сфере новых информационных технологий. Эхо слов судьи, выносящего приговор, все еще звучало в ее ушах. Суд счел, что она показала себя недостойной своей должности и своих обязанностей перед обществом! На помойку были выброшены все ее заслуги: раскрытые дела, успехи в деле борьбы с киберпреступностью, выброшена ее группа,

которую британское правительство считало главной силой в противодействии новым формам терроризма.

Группа, возглавляемая Кларой Капланд, была создана несколько лет назад, когда на Даунинг-стрит, 10[3] было принято решение предоставить уголовной полиции средства для борьбы против новых форм правонарушений, процветающих в Интернете. Чтобы обеспечить быстроту в данном деле, правительство обратилось к опыту и знаниям спецслужб, точнее — Центра правительственной связи (ЦПС). Задачей этой службы, чья штаб-квартира расположена где-то в Западной Англии, является обеспечение британского правительства и других спецслужб страны — МИ-5 и МИ-6 — данными, полученными средствами радиоэлектронной разведки.

Клара была одной из первых сотрудниц, кому предложили организовать лондонское бюро службы, поближе к Главному управлению уголовной полиции. Несмотря на то что новая деятельность таила в себе много неизвестного, она согласилась, убежденная, что ей предстоит работать над важными делами и продемонстрировать

---

**[3] Примечания: 3**

Даунинг-стрит, 10 — по этому адресу располагается резиденция членов правительства Великобритании.

свою компетентность в области деятельности, которая считалась по преимуществу мужской.

В первые месяцы она не выходила из кабинета, буквально приклеившись к монитору своего компьютера, тратя драгоценное время на бесцельное хождение по бесконечной Всемирной паутине. Задача показалась ей тяжелой. Ее готовили к защите интересов страны в широком смысле, но здесь ее задача была расплывчатой. Следовало отслеживать как мелкие повседневные правонарушения в Интернете, сводившиеся к торговле кредитными картами и оскорблениям в социальных сетях, так и громить сети педофилов и террористов. И там, и тут победа казалась почти призрачной. Клара очень быстро сделала все, чтобы установить связь с реальностью, взяла себе привычку выезжать на место происшествия вместе с оперативно-следственными группами полиции и сталкиваться с жестокостями жизни.

Выходя из зала суда без своего адвоката, она столкнулась с несколькими журналистами, явившимися освещать дело и ожидавшими ее первой реакции на приговор. Она резко оттолкнула их и решительно проложила себе путь, тогда как Энди Вуд красовался перед микрофонами и камерами возле огромных дубовых входных дверей. Он

вызывающе улыбнулся ей, она ответила ему презрительным взглядом. Она расправила плечи и шла как можно ближе к нему, как бы напоминая, что она минимум на две головы выше его ростом. Уходя, Клара уловила несколько слов: «правосудие», «уважение», «некомпетентность», «свобода прессы»… Они подействовали на нее сильнее, чем она готова была признать. Эти слова ставили под сомнение все, во что она верила годами. И даже правильность выбора жизненного пути.

Юридическое образование сформировало у нее синтетический ум и привило честность. Работа в Центре правительственной связи несколько размыла ее принципы, поскольку ей довелось побывать в ситуациях, где граница между добром и злом оказывалась нечеткой. Она никогда не помышляла работать против киберпреступности.

Она вернулась на службу и не удивилась, узнав, что ее вызывает директор, под началом которого она работала в течение пяти лет. Неофициально Джеймс Маклейн поздравил ее с тем, что она доказала существование продажных полицейских, готовых продавать конфиденциальную информацию лишенным моральных принципов журналистам. Официально же он был вынужден ее наказать, чтобы его оставило в покое выше-

стоящее начальство: она отстранялась от работы на месяц. Клара на него не обижалась, зная, что он ей полностью доверяет. Вначале он относился к ней с некоторой настороженностью, потому что считал, что для данной деятельности больше подходит мужчина, но она сумела себя проявить. И никто больше не оспаривал ее статуса полноправного сотрудника службы, более того, в ней видели перспективного работника, способного пойти на повышение.

Выйдя из кабинета директора, Клара обратилась к своей группе, — воспользовавшись своим присутствием, — «живьем», чтобы придать больший вес словам. Она машинально одернула одной рукой жакет, а другой поправила выбившуюся прядь волос. Она кипела от негодования при мысли, что придется оставить работу, а ее взгляд пожирал стопки папок с делами, загромождавшие столы.

— Все мы знаем, что мы правы. Мы не могли позволить прессе заполучить конфиденциальную информацию и с ее помощью дискредитировать нас. Но это обернулось против нас. Я по-прежнему убеждена, что мы должны учиться противодействовать новым видам преступности, неустанно бороться против педофилии, пират-

ства, нелегального спортивного тотализатора, неонацистов. Для этого нам приходится искать новые методы, экспериментировать, рискуя совершить ошибку. Да, я считаю необходимыми уважение свобод и неприкосновенность личной информации. Я ни на кого не обижаюсь, но отныне мы должны быть одной командой, и я не потерплю никаких отклонений.

Эта уверенная речь произвела должный эффект, и каждый вернулся к работе, убежденный в том, что делает нечто нужное и полезное. Только один веб-аналитик был переведен в другое подразделение из-за своих контактов с журналистом Энди Вудом. Когда связь между Кларой и одним из ее начальников стала темой крупных заголовков в прессе, пытавшейся доказать отсутствие независимости службы, информационный контроль сумел выйти на этого аналитика. Еще Вуд упоминал о некоторых темных личностях, покрываемых отделом по противодействию киберпреступности, что бросало тень на всю их работу. Сознавая весь риск, Клара взяла на себя ответственность и в поисках источника утечки сведений вышла за рамки закона: она попросила Дэни взломать электронный почтовый ящик журналиста.

***Дэни, 25 лет. Постоянно в джинсах и кроссовках.***

***На майке надпись: «Я — хакер»***

Дэни, принявший предложение поставить свои «нелегальные» знания, умения и навыки на службу закону, сохранял полудетское лицо, которое могло принадлежать едва достигшему зрелости подростку. Именно эта детскость привлекла Клару, когда два года назад она приняла его на работу в их службу, чтобы избавить от тюрьмы, — он развлекался взломами компьютерных сетей министерств, чтобы тем самым показать уязвимость их защиты от несанкционированного проникновения; как и все настоящие хакеры, он любил саму возможность бросить вызов, испытывал возбуждение от того, что первым преодолел те или иные сетевые защитные меры. Его приход в службу произвел в некотором роде революцию в деле подбора кадров сотрудников информационной безопасности: он подал идею устроить конкурс по взламыванию кода, чтобы определить ценность соискателя. Те, кому удавалось взломать код, приглашались на собеседование. Наверху подобный метод подбора кадров сочли политически некорректным, но Клара взяла дело в свои руки и лично объяснила,

что, если руководство желает получать результаты, элементы конкуренции при приеме новых сотрудников просто необходимы. И печатные СМИ, и комментаторы в Интернете долго веселились, обсуждая этот способ набора людей на такую службу. Однако опыт оказался удачным. Дэни был ее подопечным. Она оставляла ему достаточно свободы, чтобы он не растерял свою энергию и сноровку.

В службе Дэни прижился не сразу. Первое время ему постоянно было не по себе, его преследовало ощущение, что он находится не на своем месте, и это ощущение усиливалось от того, что он с трудом входил в коллектив, а ведь в этом мире от неформальных связей порой сильно зависит карьера. К счастью, Клара его не бросила и помогала шаг за шагом преодолевать трудности, развивая в нем уверенность в себе. Разница в возрасте почти в десять лет не помешала им сдружиться. Даже слишком, как казалось кое-кому, кто, наблюдая за ними со стороны, искал знаки скрываемой интимной близости. Клара была для Дэни уважаемым, авторитетным человеком, с которым он мог не только обсудить рабочие вопросы, но и личные, со свойственными ему стыдливостью и робостью. Она же рассчитывала

на него в том, чтобы не отставать в информатике, которая с каждым днем становилась делом все более сложным, ведь в этом мире технологии и привычки меняются каждые три месяца.

Дэни тяжело переживал обвинительный приговор Кларе и ее отстранение от работы, тем более что это он взломал электронную почту журналиста. Чувство вины мешало ему смотреть ей в глаза, и он не отрывался от экрана. Клара ни разу не назвала его имени. Он избежал огласки и наказания, но весь кипел, потому что Энди Вуд не должен был заметить взлома своей почты. Дэни был достаточно опытен в таких делах! Но его подловил другой хакер, вот уже некоторое время преследовавший его, он был не в силах понять, почему Дэни согласился работать на полицию. Ему доставило удовольствие выдать Дэни. Но полицейский хакер не собирался утереться и промолчать, он уже обдумывал план мести.

***Ранчо площадью в несколько гектаров. Неизвестно где. Несколько холмов с густой растительностью. Жаркое солнце***

Колин проснулся весь в поту, волосы прилипли к подушке без наволочки. Солнце нагревало его постель, и он инстинктивно повернулся, ища тень. Это движение окончательно его разбудило.

Он подскочил, не понимая, где находится.

Последнее, что он помнил, была скала Тодзимбо. При этом воспоминании его сердце забилось сильнее. Его мозг остановился, когда правая нога не нашла под собой опоры и увлекла в падение все его тело. Он открыл глаза и, не шевелясь, поискал взглядом знакомые предметы. Он увидел свое отражение в зеркале, занимавшем целую стену. Он оперся на локоть левой руки и приподнялся. На нем была больничная одежда, стандартная ночная рубашка ниже колен, в тонкую синюю полоску. Нижнего белья нет, ноги босые, на матрасе нет простыни. Кровать стояла посреди квадратной комнаты без потолка, вместо которого он увидел небо. Никакой мебели, за исключением некоего подобия пластмассового ночного горшка в углу. Двери не было, во всяком случае, он ее не разглядел. Только четыре стены высотой метров четыре-пять. Колин заглянул под кровать, оказалось, что она привинчена к серому бетонному полу. При каждом движении головы он видел отражение своего осунувшегося лица и фигуры в зеркалах, занимавших высокие стены. Он поднялся и подошел к одной из них. Над ним было голубое небо без единого облачка. Не раздавалось ни звука. Колин снова сел на кровать и

стал изучать новый мир, в котором оказался. Куб. Ни единого предмета из его прошлой жизни. Несмотря на открытое небо над головой, им овладел приступ клаустрофобии, усиленный тишиной.

— Есть тут кто-нибудь? На помощь! Я Колин Стирл.

Долгие минуты Колин беспорядочно повторял только эти три фразы, словно страх ограничил его словарный запас, а они отскакивали от стен его тюрьмы. Он попытался передвинуть кровать — безуспешно. Половина площади помещения теперь находилась на солнце, отражение которого от зеркал вынуждало его, чтобы не страдать от жары, перемещаться вместе с тенью, исчезавшей по мере того, как текли часы. Губы пересохли. Не было воды. Ничего. Скоро усталость вынудила его прекратить призывы о помощи. Тяжело дыша, он лег в затененном уголке и заснул прямо на полу.

Когда он открыл глаза, начинало темнеть. Оранжевые отблески указывали, что солнце заходит, но стены не позволяли определить его точное местоположение. Теперь весь куб погрузился в тень. В нескольких метрах от себя он увидел пластиковый стакан с прозрачной жидкостью. Страдая от жажды, он подошел к нему, понюхал содержимое и выпил залпом. Во рту остался ка-

кой-то неприятный привкус. Рядом со стаканом стояла бумажная тарелка, а на ней — рубленый бифштекс и несколько белых фасолин. Колин почувствовал, как после первых же проглоченных кусков у него болезненно скрутило желудок. Он не знал, сколько времени он не ел. Это был один из многих вопросов, которые он начал себе задавать.

За ним следили, о нем заботились. Но кто? Невозможность ответить на вопросы тревожила. Кто мог быть заинтересован в том, чтобы держать его взаперти? Колин даже спросил себя, жив ли он. Может быть, все это лишь одно из проявлений смерти? От такого предположения ему стало плохо, как будто он оказался между двумя реальностями, сталкивавшимися между собой. После еды его мозг заработал интенсивнее. Эта пытка могла быть бесконечной. Он придумал целую теорию заговора, согласно которой семья убитой студентки после вынесения оправдательного приговора, решила отомстить ему таким способом. Его дыхание участилось, чему способствовал стресс, вызванный нахождением в замкнутом пространстве. Собственное отражение в зеркале вызывало отвращение. Ему хотелось посмотреть, что за стенами.

Колин снова начал кричать, но так же безуспешно. Он взял пустые тарелку и стакан и подбросил их в воздух. Ему пришлось много раз повторить эти броски, прежде чем удалось перебросить их через стену. Не было слышно ни единого звука, предметы словно поглотила неизвестность.

— Вы видите, я здесь! Я живой! Выпустите меня отсюда!

Кружась по кубу, он чувствовал, как растут в нем ярость и тревога, проявлявшиеся в физическом напряжении, ставшем неконтролируемым. Он стал колотить по зеркалу, но разбить не смог. Его кулак не причинил стеклу никакого вреда, только произвел глухой стук. Это было не стекло, а какой-то гибкий небьющийся материал. Зеркало казалось встроенным в стену, а не просто повешенным на нее. Сколько времени ему предстояло здесь пробыть?

Несколько раз сменили друг друга фазы сна и бодрствования. Когда он наконец нашел в себе силы встать, обнаружил у ножки кровати номер незнакомой ему токийской газеты; половина полосы была посвящена убийству Асами Миюзу. В написанной в обвинительном тоне статье было больше эмоций, чем фактов. И вдруг Колину

стало страшно. Это, казалось, подтверждало его теорию мести. Он должен выбраться, должен попытаться убедить своих палачей. За какое-то мгновение он вновь пережил все то, что испытал после окончания процесса, все насмешки, все шуточки. Он покончил с собой, чтобы положить конец всему этому. И тем не менее оказался здесь. Живой. У Колина стало возрождаться желание сражаться, он начал понимать, что слишком рано опустил руки в той ситуации, выставлявшей его виновным в глазах публики. В конце концов, что значило его недавнее прошлое перед грозным настоящим, где физическая боль соединялась с душевными муками? Он очутился в тюрьме нового типа.

— Я ее не убивал, если вы это хотите знать! Это не я! Моя жена соврала. Выпустите меня отсюда!

Он сорвал голос и начал хрипеть. А потом, терзаемый тревогой, потерял сознание.

Колин знал о моральных пытках, заключающихся в том, чтобы лишить заключенного ориентиров во времени, отрезать его от внешнего мира. Грубо напомнила о себе война, потребовав от тела и мозга снова надеть панцирь, который он научился прятать.

Ему уже доводилось выдерживать экстремаль-

ные нагрузки. Но прошлые знания и опыт не избавляли от неприятных последствий нынешних бед. Начались боли в животе. Страшные спазмы. Поскольку весь туалет оказался сведенным к пластмассовому горшку, он стал кричать еще громче, но по-прежнему безрезультатно. Тогда он подошел к этому унизительному предмету, взял его в руки и решил перешагнуть через свое достоинство. Затем он долго сидел у ножки кровати, закрыв глаза, надеясь, что, когда откроет их снова, увидит что-то знакомое. Хотя бы одну деталь, которую он узнает, которая напомнит ему, что он живой. Отказываясь снова столкнуться с пустотой, Колин лег.

На следующий день все было вычищено, а его ждал завтрак: чашка кофе, кусочек свежего хлеба, стакан апельсинового сока. В этом внимании было что-то нереальное. Сначала Колин не пошевелился, несмотря на то что в животе у него урчало от голода. В конце концов он подошел и понюхал каждый продукт. Как животное. Не уловив ничего подозрительного, он поднес хлеб ко рту и откусил маленький кусочек. Удовольствие от еды преодолело его настороженность. Но, еще жуя, он чуть не подавился. Неизвестно откуда появились крысы. Испуганные, они бегали во все

стороны, издавая нервирующие пронзительные крики, похожие на невнятный шепот.

Колин выплюнул все, что было у него во рту, и, ошеломленный, забрался на кровать. С десяток крыс метались во все стороны в поисках выхода. Они бегали туда-сюда под кроватью, стукались о зеркала. Некоторые набрасывались на хлебные крошки и выплюнутую им кашицу; голод вызывал их агрессию, направленную друг на друга. Колин поджал ноги и внимательно наблюдал за животными, чье внезапное появление превратило комнату в какую-то экспериментальную лабораторию. В нем ожили тайные страхи, не позволявшие ему двигаться, в памяти вновь всплыли сны, в которых он оказывался запертым в подземелье с крысами. Ему казалось, что таинственные тюремщики залезли ему в голову и теперь могли читать все его мысли. Начались непроизвольные подергивания ступней ног. Вдруг раздался более пронзительный, чем прочие, крик. Колин увидел, что одна крыса лежит на полу с окровавленным брюхом, явно став жертвой сородичей, до смерти грызших друг друга. Ожесточенная битва продолжалась несколько минут. Одна за другой тушки замирали в неподвижности в возвращавшейся в свои права тишине. Скоро осталась только одна

крыса, раненая, которая по-прежнему пыталась вырваться из этой камеры смерти. Колин неподвижно наблюдал за этим разгулом насилия. По его щекам текли слезы усталости и страха. Он больше не был способен думать. Не контролируя себя, он вскочил, схватил ночной горшок. Потом подошел к последней оставшейся в живых крысе, которая с трудом ползла, и уверенным движением обрушил горшок на голову бедного животного; этого оказалось достаточно, чтобы крыса испустила дух.

Опустив руки, Колин пустыми глазами смотрел на неподвижную тушку. Ему был противен вид крови на горшке, который он молча швырнул через стену. Потом он одну за другой перекинул трупы крыс туда же.

В его голове крутилось единственное слово: «кровожадный». Он понял, что ему надо организовать сопротивление, чтобы не сойти с ума. Его мозг и его воображение съеживались, как желудок, обреченный на голодание. Он не мог думать ни о чем, кроме ограниченного мира, окружающего его. Малейшая деталь вызывала агрессию. Цвет неба, тишина, зеркало, собственное отражение — все это кричало ему о его положении узника. Поначалу он решил, что достаточно будет

подождать, и ситуация прояснится. Теперь он отдавал себе отчет в необходимости защитить себя. Если он будет так реагировать на все события, долго ему не выдержать. Пол нес следы смертельной схватки, произошедшей здесь. Колин ходил по крови, словно доказывая себе, что это ему не приснилось, а затем оставлял кровавые отпечатки ступней по всему полу. Он кружил вокруг кровати долго, ища в своем мозгу все, что могло ему помочь найти взаимосвязь, схему, логику. Возник образ его жены, но он прогнал его из памяти, не желая углубляться в болезненные воспоминания. Запах крови делал воздух едким и тяжелым. Жара еще больше сгущала эту атмосферу, и у Колина закружилась и загудела голова. Он доковылял до кровати, совершенно измученный от нервной усталости.

В момент его пробуждения в чисто убранной комнате пахло ванилью и кокосовым орехом. Запах смутно напоминал о природе, но доминировали все-таки искусственные ароматы. Снаружи начинало светать, упали первые капли дождя. Кровать была недостаточно высокой, чтобы можно было спрятаться, забравшись под нее, а другого укрытия не было. Колин решил снять то, что служило ему ночной сорочкой, чтобы сделать

из нее зонтик, как вдруг послышалось урчание. Над его головой смыкалась состоящая из двух частей механически выдвигающаяся крыша. Только что появившийся подсвечиваемый потолок почти не отличался от неба, увиденного им в первый день: голубого, безоблачного, освещенного солнцем. Такое повторение напугало его. Он бросил ночной горшок вверх и убедился, что это ему не снится. Теперь, с неожиданно возникшей пятой перегородкой, его заточение приобретало дополнительное измерение. Он оказался в гробовой тишине, которую, по идее, должен был нарушать дождь. Он сосредоточился. Сомнений не осталось: он больше не слышал шума дождевых капель. Особый материал гасил их звук. То же самое происходило, когда он перебрасывал предметы через стены.

Колин почувствовал, что еще немного, и он потеряет над собой контроль, рухнет в бездну, из которой его мозг никогда уже не выберется. И тогда, чтобы удержаться, он стал читать стихи:

*Скажи, улетает ли иногда твое сердце, Агата,*

*Далеко от черного океана отвратительного города*

*К иному океану, где блестит девственная чистота,*

*Синева, прозрачность, глубина?*

*Скажи, улетает ли иногда твое сердце, Агата?*

Ритм стихотворения успокаивал. Он помнил эти строки с юности, со времени учебы и продолжавшейся несколько недель любви с веселой, может быть, немного даже слишком веселой, рыжеволосой Хейли, дочерью декана. Тайная страсть превратилась в большую любовь. Но внезапно она сказала, что уезжает. Он ничего не понял, стал ее расспрашивать, даже расплакался. После их разрыва стихотворение Бодлера показалось ему подходящим к его ситуации. Тогда он стал заучивать и другие, как будто слова могли помочь залечить душевные раны, принести утешение, которое ему не могли дать люди.

И вот теперь, закрыв глаза, Колин продолжал:

*Смерть утешает – увы! – и заставляет жить.*

*Она – цель жизни и единственная надежда,*

*Которая, как эликсир, нас бодрит, и опьяняет,*

*И придает нам мужество идти своим путем до самого вечера.*

Эти слова, как ему казалось, защищали его от внешнего мира. Требуемая сосредоточенность закрывала его мозг, не давая ему бредить. Никакого эха, его голос гасили стены. Через полчаса он остановился и стал слушать свое дыхание, которое опять участилось, мозг принялся строить различные сценарии смерти: утопление, удушение, от обезвоживания, отдание на съедение зверям. В памяти возникли картины службы в Югославии, образы всех этих бредущих по дорогам жертв невыносимых мучений — женщин и мужчин, которым он ничем не мог помочь. Даже если он очерствел, военное прошлое не отпускало. Он хотел разбить голову о стену, чтобы прекратить свое заточение. Ему необходимо было большим физическим усилием освободить от мыслей голову. Он сел рядом с кроватью, немного возвышавшейся над полом благодаря привинченным к нему металлическим ножкам, зацепился пальцами ног за нижний край матраса и начал упражнения по разработке пресса. Сериями по десять. Уже на второй серии он почувствовал боль, но не стал обращать на нее внимания. Он хотел устать, надеясь, что затем найдет отдых.

Наконец он рухнул. Боль разлилась по нижней части спины, и он долго лежал неподвижно. Тело ныло, дыхание было учащенным. Он не считал, сколько сделал упражнений, но понимал, что их было слишком много для университетского профессора, каждую неделю напоминавшего себе, что надо бы снова начать заниматься спортом, но так и не начавшего. Не вставая, он ухватился за кровать, сумел на нее забраться и лег.

***Лондонское бюро Центра правительственной связи.***

***Тяжелая атмосфера***

Середина дня была отмечена уходом Клары. Все молчали, слышны были только звуки нажимаемых клавиш и кликанье мышек, как свидетельство автоматизации рабочего процесса. Ни единого слова, только дыхание. Здание, в котором располагалось лондонское бюро Центра правительственной связи, находилось на Кенсингтон-роуд и было защищено от шума проезжающих машин большими белыми воротами. Бригада занимала четыре кабинета: в первом работали Дэни и двое его коллег, осуществлявших различные поиски в Интернете; в соседнем располагалась группа из четырех экспертов по безопасности, занимавшихся, в частности, ана-

лизом содержания жестких дисков, изъятых при обысках или обнаруженных на местах преступления; наконец, дальше были кабинеты директора и Клары.

***Джеймс Маклейн, 58 лет. Волосы с сединой. Регулярно занимается спортом***

Начальник бригады Джеймс Маклейн сожалел, что ему придется обходиться без Клары. Она хорошо работала, но она попалась, а это непростительно.

Когда пять лет назад его назначили на эту должность, Джеймс не думал, что заинтересуется борьбой с киберпреступностью после долгой работы в секретных службах, заставившей его немало помотаться по свету. Согласие он дал, главным образом чтобы сделать приятное жене, настаивавшей на том, что после пятидесяти он должен перейти на кабинетную работу. А главное — что им следует уехать из западной части страны и вернуться в Лондон. И вот когда представилась возможность, он ею воспользовался. Очень быстро он полюбил новую работу, заинтересовался созданием новых протоколов, находил удовольствие в разговорах с программистами, объяснявшими ему новые приемы хакеров, становившиеся все более изобретательными. К нему

вернулся энтузиазм первых лет службы вместе с желанием стать умнее противника.

Телефонный звонок отвлек его от воспоминаний. Тряхнув головой, чтобы отогнать картины из прошлого, он снял трубку. Секретарша сообщила, что пришел начальник уголовной полиции Марк Чемберс, с которым у него назначена встреча на пятнадцать часов. Джеймс быстро навел порядок на столе, прежде чем пригласить гостя. Они были знакомы уже четверть века; их знакомство состоялось в самый разгар обострения североирландского конфликта. Тогда спецслужбам и полиции пришлось объединить свои усилия, чтобы справиться с волной покушений, целью одного из которых должна была стать Маргарет Тэтчер: ее собирались убить в отеле в Брайтоне. Теперь они регулярно работали вместе по делам, требовавшим их кооперации. Марк приходил к нему не только затем, чтобы обсудить служебные дела. Порой они просто вспоминали старые добрые времена. Джеймс не смог уклониться от традиционных объятий и похлопываний по плечу — его старый приятель всегда бурно выражал свои эмоции.

— Я узнал о Кларе. Мне очень жаль, что это дело приняло такой размах.

Джеймс занял место за столом, а Марк удобно устроился в кресле напротив.

— Ты не хуже меня знаешь, как работает система и как действуют политики. Они хотят получать результаты, но не желают пачкать руки и — главное — всячески стараются избегать скандалов. Мне пришлось отстранить ее от работы на месяц. Какая нелепость! Теперь мне пришлют вместо нее некомпетентного человека неизвестно из какой службы, совершенно ничего не понимающего в том, чем мы занимаемся.

— Кстати о потерях. Терять придется не только время. Я пришел сообщить тебе, что правительство решило сократить в ближайшие месяцы бюджетные расходы. Наверху мне поручили предложить произвести перераспределение задач между полицией и ЦПС. Надо обсудить это с твоими людьми.

Джеймс не сдержался:

— Что?! Мы слишком дорого стоим? Они ждут результатов, но отбирают у нас средства их достижения!

— Послушай, то, что ты будешь нервничать, ничего не изменит. Окончательное решение пока не принято, я пришел только сделать предложение!

Оживленное обсуждение продолжалось в те-

чение получаса, а потом Марк ушел — у него была назначена другая встреча. Не успел Джеймс опуститься в кресло, как в дверь постучали. Это была Лайза, в чью задачу входило обобщение различных данных, непрерывно поступающих к ним в бюро.

— Прошу прощения за беспокойство, но, поскольку Клары нет…

— Прошу вас. Что случилось?

Со вчерашнего дня к нам обратились из трех различных полицейских участков в связи с полученными ими странными звонками по поводу одного видеоролика на «Фейсбуке».

— Видеоролика? А что с ним?

— Вроде бы речь идет о людях, которые несколько дней не подают признаков жизни, если не считать этого странного видео, выложенного на их профилях в «Фейсбуке».

— Насколько странного?

— Похоже на захват заложников.

— Уголовная полиция в курсе?

— Да, но, судя по всему, они не приняли это всерьез.

Джеймс встал, взял бумаги, принесенные Лайзой, и отправился в кабинет Дэни, читая по диагонали первые страницы досье. Новая иди-

отская шутка? С ума сойти, что могут выдумать люди, сидящие перед экраном монитора. Но что, если это не шутка… Он вошел без стука и положил досье на стол юного гения информатики.

— Дэни, найдите мне, пожалуйста, это видео, — сразу, в лоб, попросил он, показывая подчеркнутый фломастером электронный адрес сайта.

— Нет проблем, босс.

Джеймс попросил не называть его так, но наткнулся на неожиданный ответ: «Так мне кажется, что я играю в американском фильме». Директор лондонского бюро ЦПС по опыту и по долгу службы знал, что иной раз необходимо закрывать глаза на недостатки подчиненных, тем более на такие незначительные. Главное: он понимал, что никогда не следует раздражать специалиста, от которого зависит достижение конечного результата.

Дэни подвинулся, чтобы его начальник мог посмотреть видео. Внимательный к малейшим деталям, Джеймс оценил, какой шок подобный ролик мог произвести на знакомых тех людей, кто присутствовал в кадре.

— Это монтаж? — спросил он Дэни.

— Не знаю. Я не специалист… А с тем, что мы имеем здесь, невозможно быть уверенным на все

сто процентов.

— Свяжитесь с нашими американскими и европейскими коллегами и спросите, не поступали ли к ним аналогичные сведения от местной полиции. Я хочу знать, под чью юрисдикцию подпадает эта история, поскольку нет никаких указаний на то, что это британцы. И установите личности так называемых заложников, используя идентификацию по лицу.

— Мы попытаемся, но я не знаю, позволит ли качество изображения сличить эти лица с имеющимися фотографиями.

Джеймс протянул хакеру досье:

— О'кей, о'кей. Вот различные данные, собранные по этому делу Лайзой. Посмотрите, что еще вы можете добыть. И проверьте вместе с нашими аналитиками подлинность видео, используя все имеющиеся средства и возможности. Не удивлюсь, если это окажется дурацкой шуткой. Если это так, я не желаю, чтобы вы тратили на нее много времени.

— Босс, вы читали его последний статус?

Джеймс внимательно прочел: «В основе всякой ритуальной практики, всякого мифологического смысла лежит реальное убийство».

— Поторопитесь, — услышал Дэни в ответ.

Два часа спустя Дэни вошел в кабинет босса с первыми результатами своих поисков. Он нашел в «Фейсбуке» три профиля, на которых в одно и то же время были выложены одинаковые сообщения: **«На помощь!»**, потом **«На помощь! Подружитесь с Альбаном М.».** Профиль этого самого Альбана М. не содержал никакой иной информации, кроме двух статусов и странного видеоролика. Дэни попытался отследить соединения данного аккаунта, но выйти на первоисточник — компьютер, с которого Альбан выходил в Сеть, — оказалось невозможно. Его IP и MAC-адрес были умело спрятаны и пересылались с сервера на сервер. Зато было важно отметить, что все интернет-пользователи, откликнувшиеся на первый статус и видео, похоже, находились на территории Великобритании, что, вне всякого сомнения, выдвигало на первый план Центр правительственной связи.

Один пользователь даже создал в «Фейсбуке» группу «Те, кто хотят узнать больше об Альбане М.», и обсуждения в ней говорили о беспокойстве ее членов. Информация начала распространяться вширь. За два часа, ушедшие на розыск, предпринятый Дэни, у Альбана М. зарегистрировалось более трехсот новых друзей.

Джеймс записал все эти данные и связался со штаб-квартирой ЦПС, чтобы запросить более подробные сведения о видеоролике. Они были утвердительными. Никаких следов монтажа. Видео казалось подлинным. Качество изображения говорило, что съемка велась аппаратом массового производства, без специального объектива, вероятнее всего, мобильным телефоном. Учитывая, что на рынке таких аппаратов миллионы, выйти на владельца не представлялось возможным. Также невозможно было определить время, когда была сделана съемка, несмотря на то что эксперты обращали тщательнейшее внимание на все детали: количество пикселей, качество освещения, отсвет, пытались произвести идентификацию лиц по имеющейся базе данных…

***Агентство «Артандко».***
***Перед компьютером.***
***Обеденный перерыв. Суши, кока-кола***

Том следил за обсуждением, разворачивавшимся в группе на «Фейсбуке». Каждый высказывал свое мнение, но никто не имел никаких конкретных сведений. Альбан М. не отвечал ни на одно из личных сообщений, отправлявшихся ему через «Фейсбук». Зато не отвергал ни одной просьбы включить его в друзья.

На своем компьютере Том сделал несколько скриншотов видеоролика. Но из-за слабого освещения он с большим трудом различал детали, даже на неподвижных изображениях. Картинка оставалась размытой. Возможно, дело происходило на корабле, но он не был в этом уверен. Он нервничал из-за отсутствия конкретных данных и боялся за друга, воображая самое страшное.

Завибрировал лежащий на столе айфон. Номер скрыт. Ничего необычного, к этому приему прибегают многие фирмы. Но чаще такой вызов определяется как «Номер неизвестен». Увлекшись чтением информационной ленты «Фейсбука», он дождался окончания вибрации, чтобы привычным движением ответить на звонок.

— Алло?

Никто не ответил. Но он слышал дыхание звонившего.

— Алло? — повторил он.

Снова тишина. Снова то же дыхание. Он не мог решиться дать отбой, завороженный этой тишиной. Его внутреннее напряжение усилилось. Кто этот неизвестный на другом конце провода, который звонит и ничего не говорит?

Ожидание прервал незнакомый голос:

— Через два часа на «Фейсбуке».

Том не успел ответить, потому что собеседник положил трубку. Часы в опенспейсе показывали 17.30. Через два часа…

# Глава 3

***Агентство «Артандко», Лондон.***
***Том растерян.***
***Разрозненная информация.***
***17.30***

После странного звонка, назначавшего ему встречу через два часа в Интернете, Том пришел в себя и, отбросив колебания, позвонил в полицию. Ему тоже пришлось столкнуться со скептицизмом собеседника. Для непосвященных «Фейсбук» — это несерьезное дело, мистификация, выложенный на всеобщее обозрение личный дневник, и это нечто такое, что не может иметь отношения к преступному деянию. Напрасно Том напоминал, что в Интернете все серьезно — подростки кончают с собой в прямом эфире перед веб-камерами, через неконтролируемые почтовые системы назначаются встречи между преступниками и террористами, — полицейского, похоже, ему убедить не удалось. Тот лишь согласился передать сообщение соответствующей службе. Том иронично поинтересовался, какая именно служба занимается расследовани-

ем убийств на «Фейсбуке», и, разочарованный, положил трубку.

**Друзья Альбана М. на «Фейсбуке»: 3551**

***Лондонское бюро Центра правительственной***
***связи — 18.00. Этаж дирекции.***
***Джеймс Маклейн***

Джеймс почувствовал, как он устал за этот день, но очень быстро понял, что сегодня, пожалуй, не успеет домой к ужину. Его белая сорочка потеряла свежесть. Он встал, чтобы взять чистую из нижнего ящика своего рабочего стола, — со временем потребность регулярно переодеваться уменьшилась, но не исчезла совсем. Не успел он ее развернуть и вытащить все скрепки и иголки, как ему позвонила секретарша:

— Сэр, на линии журналист «Морнинг трибюн». Он советует вам зайти на интернет-сайт газеты.

— Простите?

— Он говорит, что это важно.

— Переведите его в режим ожидания.

Джеймс набрал адрес сайта и на главной странице с изумлением прочитал:

*«ФЕЙСБУК» –*

А дальше следовало подробнейшее описание информации, поступившей к Джеймсу в начале второй половины дня. Там же сообщалось, что полиция на данный момент отказывается относиться к этому делу серьезно, критика подкреплялась комментарием неизвестного пользователя, набранным достаточно большим шрифтом, как подзаголовок: **«Мы боимся, а полиция нам не верит».**

Взбешенный, директор снова схватил трубку телефона:

— Немедленно соедините меня с ним!

— Мне очень жаль, он положил трубку.

Джеймс тоже швырнул свою на рычаг, и звук от удара громко прозвучал в кабинете. *Этого не может быть, все опять сначала!*

Подпись под статьей выглядела как улика: Энди Вуд. Сеть врага Клары была заброшена глубже, чем предполагал Джеймс, если он был способен выложить в Интернет сведения, считающиеся конфиденциальными и предназначенными для специальных служб. И ему еще хватает наглости звонить и предупреждать! Это был вызов. Джеймс терпеть не мог журналистов, позволяющих себе

пугать публику, не желая понимать трудности работы полиции по розыску преступников. Метод был распространенным и вызывал отвращение. Когда Клара заподозрила Энди Вуда в получении информации путем подкупа сотрудников их службы, он оказал ей всю необходимую поддержку. Утечки информации представляли одну из главных забот полиции, поскольку попадавшие в открытый доступ сведения порождали панику или вредили системе защиты общества.

Джеймсу не понравились ни этот звонок, ни эта статья, ни ее скрытый подтекст. Значит, у Энди Вуда по-прежнему имелись осведомители в правоохранительных структурах. После предупреждения, каковым должно было стать расследование Клары, можно было ожидать, что журналист на некоторое время притихнет, а не начнет лобовую атаку на них. Директор ЦПС устал бороться против устойчивого стереотипа: дескать, разведслужбы и полиция всегда машут кулаками после драки.

Если другие СМИ или отдельные лица, провоцирующие скандалы путем вброса информации, подобранной где попало, — а есть немало примеров из недавнего прошлого, когда это приводило к катастрофическим последствиям, поскольку

слухи, подхваченные социальными сетями, разрастались, словно снежный ком, — пронюхают о данном деле, будет очень трудно сдержать волны дезинформации, которые непременно появятся. А если еще выяснится, что его служба не отнеслась серьезно к угрозе, способной занять первые полосы крупнейших ежедневных газет страны…

Необходимо было любой ценой заставить уголовную полицию принимать заявления граждан по данному делу, а приоритетами его бюро станут пристальное изучение странного видео и связи Энди Вуда. И для выполнения второй задачи у Джеймса имелся подходящий человек.

***В буше. Где-то на севере Австралии. Джордж, 38 лет. Всклокоченные волосы, один на всем свете***

Когда заходящее солнце окрасило оранжевым цветом горизонт, Джордж любовался деревянным домом, который строил на протяжении двух лет. Стройка такого масштаба могла бы свести с ума многих. Но не его. День за днем он строил, рыл и красил. День за днем работа его продвигалась, но он не имел никакого желания строить дом своей мечты. Для него не имело значения, жить здесь или в каком-то другом месте. Это занятие заставляло его сосредотачиваться на

простых повторяющихся движениях, мешавших ему думать о прошлом.

Вокруг строения, насколько хватало глаз, расстилался буш. В этой части Австралии среднего размера деревья, отстоявшие друг от друга на несколько метров, доминировали над высокой травой, зеленой зимой и выжженной летом. Поселившись вдали от дорог, Джордж никогда не слышал звуков моторов. Он намеренно ушел из мира, где человек постоянно окружен звуками автомобильных двигателей или урчанием разных приборов. Изредка он наведывался в ближайший город, расположенный в двадцати километрах, чтобы запастись продовольствием и инструментами, а в остальном довольствовался минимумом, решив вернуться к простой неторопливой жизни. У него было все необходимое, ни в каких развлечениях он не нуждался. Глядя на свой деревянный дом, он радовался, сравнивая свое сегодняшнее душевное равновесие с той жизнью, которую бросил пару лет назад.

Несмотря на жаркое солнце, Джордж вздрогнул. Он сходил за майкой, которую раньше повесил на ограду, и надел ее. После двух часов работы ему хотелось помыться — редкий момент, когда он ухаживал за собой почти так же, как прежде,

несмотря на то что отпустил длинную бороду и ходил с всклокоченными волосами, отказываясь подчиняться условностям, тем более что в радиусе многих километров никто не мог этого оценить. Несмотря ни на что, он сохранил привычку смотреться в разбитое зеркало: единственный предмет, взятый им из прошлой жизни, как последняя связь с внешним миром, чтобы не забыть, как он выглядит, чтобы не ощущать себя скатившимся до состояния животного.

Питьевую воду Джордж брал из небольшого ручья, протекавшего за его домом; благодаря бассейну из камня и песка он фильтровал воду и черпал столько, сколько ему требовалось. Свежая вода хранилась в деревянной бочке — такая тара была полезнее для здоровья и избавляла его от необходимости пользоваться пластиковыми бутылками, о которых он старался больше не вспоминать.

По пути к ручью он нашел кусок резины, брошенный, вероятно, каким-нибудь туристом; похоже, деталь от рюкзака. На обломке было кричащими буквами написано название широко известной фирмы, а на обороте: «Made in China». Подбирая обломок, он испытал глубокое отвращение и глухую злость, а потом окинул взглядом

окрестности, как будто хотел раствориться в природе…

***Нью-Йорк. Кабинет доктора Гриффина,***
***Башня из стекла и бетона в центре Манхэттена,***
***46-й этаж***

— Проходите, пожалуйста.

Кабинет психиатра, специалиста по психологии труда, совсем не напоминал традиционный врачебный кабинет. Обстановка была уютной, скорее напоминала комнату квартиры. Однако что-то странное все-таки присутствовало, но что — Джордж Ривлин определить не смог.

— Располагайтесь, где вам удобнее: в кресле или на банкетке.

Джордж не стал особенно выбирать и направился к креслу. Он испытывал неловкость при мысли о том, что должен лечь.

— Изложите мне вашу проблему подробно. Коллега, направивший вас ко мне, описал некоторые симптомы, но я предпочел бы все услышать от вас. Ваш род занятий?

Джордж вздохнул, понимая, что ему придется рассказывать о себе, и выпрямился в кресле в стиле ампир. В глубине души он надеялся на «здравствуйте и до свидания» плюс рецепт, а

не на полноценную консультацию, но в конце концов изложил ситуацию:

— Я — советник по связям, в основном работаю на «сильных мира сего»: политиков, крупных бизнесменов, топ-менеджеров крупных корпораций, адвокатов. На бумаге это означает всё и ничего. В глазах большинства людей эта профессия имеет неважную репутацию. В действительности моя работа заключается в том, чтобы быть в курсе всего и, главное, уметь соединять между собой различные куски информации, отыскивая общие места или различия. Одной детали может быть достаточно, чтобы построить дерево, которое затем будет использовано моими заказчиками. Главным в моей работе является быстрота. И состояние постоянной готовности. Поэтому мой мозг всегда должен быть бодрым.

Джордж был лучшим в своем деле. Каждое утро он вставал в семь ноль-ноль, надевал костюм-тройку — неизменно темно-синего цвета — и отправлялся на работу. По дороге он делал остановку в «Старбакс» на углу Пятой и Тридцать третьей авеню, на полпути между метро и его офисом, заказывал с собой маленький карамельный макиато и черничный кекс. Придя на работу, он проверял на всех своих почтах письма, при-

шедшие ночью от европейских партнеров, если не успевал их прочитать на планшете, пока ехал в метро, потом посещал все информационные сайты, занесенные в «Избранное», — самыми известными из них были «Твиттер», «Фейсбук», Би-би-си, Си-эн-эн, поисковик Гугла, — а также серию блогов и альтернативных сайтов экспертов, бывших, как он знал, намного информированнее иных редакций или агентств печати. Джордж внимательно отслеживал все новости: политические, экономические, спортивные, культурные, стремясь придать бóльшую эффективность своим аналитическим заметкам. Он читал, перечитывал, перепроверял, копировал и соединял воедино информацию, которая могла оказаться важной. А таковой была она вся. Его внимания постоянно требовали компьютер и телефон. Параллельно он в течение рабочего дня собирал все, что приходило от его друзей из разных групп и слоев, от политиков до финансистов. Единственной его задачей было быть в курсе всего и оставаться на связи. Живя в постоянном пьянящем шуме, он переходил от компьютера к смартфону, управляясь с непрерывным потоком сообщений.

Будучи хорошим специалистом и получая за

свою работу очень достойную плату, он занимался и очень деликатными вещами. В последние годы основной доход давали такие темы, как нефть, ядерные отходы и оружие, президентские выборы, а еще политические скандалы на сексуальной почве. Он никогда не разочаровывал клиентов. Ему можно было позвонить в любое время дня и ночи — он был доступен всегда. Если его спрашивали: «Ты слыхал о таком-то скандале?» или «У тебя есть данные по такому-то человеку?», он тотчас же отвечал: «Да, через десять минут вышлю вам справку». Благодаря ему многие люди выиграли свои сражения. Одни — мелкие, другие — крупные. Так незаметно шли годы.

Это продолжалось до тех пор, пока однажды утром, придя в офис, Джордж не понял, что не помнит название статьи, прочитанной по дороге. Он сделал множество телефонных звонков, не сумев сделать ни одного связного анализа. Его собеседники не заметили охватившей его растерянности, но с этого момента в нем поселилось сомнение. Вечером, когда он был вынужден признать, что не способен сосредоточиться, он почувствовал, как перед ним вырос психологический барьер, и на него тотчас накатил целый

рой черных мыслей. Он немедленно позвонил своему доктору. Диагноз удивил его: переутомление. Истощение сил. Единственное лекарство: отдых. И предложение посетить специалиста по психологическим патологиям труда.

Это было два дня назад. Сейчас, сидя напротив этого специалиста, Джордж, как ему показалось, уловил в его глазах искорку сочувствия, которая ему очень не понравилась.

— Однако вы, кажется, еще способны рассуждать? — наконец заговорил доктор вновь.

— Да, кажется, но я не могу вспомнить днем то, что прочитал утром того же дня, а уж тем более провести анализ.

— То есть вас подводит краткосрочная память?

— Да. А главное, я не могу найти точки соприкосновения между двумя информациями.

— Вы чувствительны к шуму?

— Да, вот уже несколько дней я страдаю от головных болей.

Врач сменил позу в своем кресле.

— В каких образах проявляется невозможность, о которой вы говорите?

— Как это?

— Дайте мне образ. У вас ощущение, что вы оказались в лабиринте? Падаете в глубокий колодец

и не можете зацепиться за стенки?

— Я бы сказал, что это скорее барабан стиральной машины, включенный на полную мощность.

— Вам удается устоять перед желанием посмотреть в ваш смартфон?

— Нет, это у меня уже на уровне рефлекса.

— Вы испытываете страх?

— Простите?

— Вы испытываете страх при чтении вашей электронной почты?

— Нет, — слабым голосом ответил он.

Однако доктор был прав. Джордж начинал испытывать тревогу при мысли о том, что надо читать письма, что надо обрабатывать информацию, полученную из них, чтобы не обмануть возлагаемые на него клиентами ожидания. Мир вращался вокруг него безостановочно, и он боялся, что от этого вращения потеряет все ориентиры. Он чувствовал, что больше не в состоянии выдерживать его ритм.

— За последние десять лет исследовательские институты много работали над патологиями, подобными вашей. Но результаты пока еще не применялись на практике.

— Я не понимаю. Вы знаете, что со мной?

— Это состояние получило название ИОС[4].

— Что? Как мой айфон?

Доктор не удержался от улыбки:

— Нет, это не имеет никакого отношения к операционной системе продуктов «Эппл». ИОС — Синдром информационной перегрузки.

— А это серьезно?

— Как сказать. Подобный синдром порой развивается у студентов в период экзаменационной сессии, но в меньшей степени и на короткий срок. Крупные компании обратили эту проблему в свою пользу; они предостерегают своих сотрудников о возможной опасности и тем самым проявляют заботу о них. Но вообще-то это серьезная проблема. Симптомы могут стать опасными с того момента, когда они затронут мозг. Боюсь, что в вашем случае избыточное количество информации, с которым вы имели дело в течение длительного периода, переутомило ваш мозг настолько, что вы прошли своего рода точку невозврата.

— Невозврата? — Джордж с трудом проглотил слюну.

— Вам придется к этому привыкнуть, мистер

---

**[4] Примечания: 4**

IOS — Information Overload Syndrom.

Ривлин. Вы не сможете вернуться к вашей прежней жизни, если будете просто больше спать и сидеть в одиночестве в темноте, ничего не делая. — Врач замолчал, давая пациенту время переварить полученную информацию. — У вас есть знакомые за границей?

— Да. В общем, деловые знакомства.

— Нет, вам необходим резкий и полный разрыв с прошлым. Полная смена обстановки.

— У меня есть знакомая, которая уехала куда-то в чащу канадских лесов.

— Великолепно. Забудьте ваш цивилизованный урбанизированный мир, ваш образ мысли. Вам будет трудно это принять, но вы должны стать другим человеком.

— А как быть с работой?

— Смените ее. У вас наверняка имеются сбережения. Не знаю, сколько времени вам потребуется для того, чтобы прийти в себя. Если это вообще произойдет. Не хочу вас пугать, но каждый день, который вы проживаете в Нью-Йорке, вы играете с вашим психическим здоровьем.

Домой Джордж вернулся пешком. Поначалу он воспринял слова врача болезненно, но тот разговор разбудил в нем давно и далеко спрятанные мысли. Подростковые мечты, с которыми, как

он считал, он расстался навсегда. Фактически он чувствовал, что у него не осталось выбора. Или уехать, или медленно умирать здесь.

Наконец он решил бежать из знакомого ему мира. В тот момент он еще не считал эту новую болезнь вторым шансом. Он обзвонил всех своих клиентов, перенаправил их к своим коллегам, перевел все свои деньги на один счет, купил билет до Сиднея, где у него действительно не было ни одного знакомого, побросал в рюкзак кое-какие вещи и ушел из квартиры, оставив свой выключенный мобильник на ночном столике.

***Австралийский буш.***
***Безмятежная тишина***

Придя к ручью, Джордж положил свои туалетные принадлежности на поваленный сухой ствол и стал умываться, но тут же остановился. Какая-то странная примесь придавала воде зеленоватый оттенок, и для ее фильтрования его системы очистки оказалось недостаточно. Сильные дожди могут замутить воду настолько, что она приобретает неприятный цвет, но за последние дни не упало ни единой капли дождя.

Заинтригованный, Джордж прошел несколько сотен метров вверх по течению и нашел причину. Кто-то выбросил в воду мусор: несколько пла-

стиковых мешков и бидонов из-под машинного масла. Некоторые из них плавали на поверхности, другие ушли на дно. Он не мог прийти в себя. Кто позволил себе загрязнять его воду? Вот уже год Джордж не встречал поблизости ни одного человека. Разве что несколько машин проехали, но их водители ни за что на свете не захотели бы остановиться на этой ничейной полосе. Он направился на север по течению ручья, который взбирался по склону невысокого холма. Примерно через километр он заметил, что у деревьев обломаны ветки, как если бы здесь прокладывал себе дорогу крупных размеров автомобиль или трактор. Два года одиночества сделали его нетерпимым к любому постороннему присутствию. Окружающая местность была для него священной. Не слишком обрадованный возможностью встретиться нос к носу с чужаками, он побежал к себе и вооружился ножом.

Затем он вернулся на прежнее место и углубился в узкий каньон, в котором еще ни разу не бывал. После сорока пяти минут ходьбы он вышел в долину, а когда поднялся на холм, увидел внизу какое-то поместье. Кто мог жить выше по течению ручья? Комплекс зданий образовывал букву «U», окруженную деревянным забором высотой

минимум пять метров. В центре располагался десяток бетонных кубов с открытым верхом. Совершенно одинаковые, немного углубленные в землю, они не были похожи ни на резервуары для воды, ни на хранилища для силоса… Заинтригованный, Джордж начал медленно спускаться с холма, скрываясь за стволами деревьев, чтобы не быть замеченным. Внезапно перед ним выросли двое мужчин. Оба они были выше его минимум на голову.

— Извините, господа, — настороженно заговорил он. — Вы живете здесь?

Оба типа, одетые во все черное, смотрели на него, игнорируя вопрос.

— Это частное владение. Вам лучше повернуть назад, — сухо произнес один, прятавший глаза за черными очками.

Его руки были начеку.

— Простите?

— Смотрите в другую сторону.

Джордж был насторожен и ни за что не хотел терять их из виду. Мышцы его напряглись, нож был под рукой, он был готов к любому развитию событий. Жизнь в одиночестве развила у него острое чувство опасности, пусть даже район был относительно спокоен.

— В ту, откуда вы пришли. Мне это кажется правильным направлением для вас, — пояснил его собеседник.

Джордж отказался уступать. Он вспомнил про отравленную воду. Неужели он смирится с риском лишиться источника своей независимости. Он попытался пренебречь запретом и продолжить спуск. Двое охранников помешали ему. Один положил руку на плечо Джорджа и резко схватил его за майку. Второй приподнял край своей куртки, показав висящий на ремне короткий автомат.

— Да кто здесь живет, черт возьми? И почему вы загрязняете воду в речке? — крикнул он, сбросив с плеча чужую руку.

— Ничего мы не загрязняли. А теперь убирайтесь отсюда.

Джордж не собирался удовлетворяться этим ответом. Он пошел обратно, чувствуя спиной взгляды охранников. Когда он обернулся, чтобы проверить, остались ли они на месте, раздался предупредительный выстрел, заставивший его взять ноги в руки. Пробежав по узкому каньону, приведшему его к окрестностям его дома, он остановился, ища какой-то тревожный признак, говорящий о постороннем вторжении, но ничего

такого не заметил.

Весь в поту, он ополоснулся холодной водой. Не в состоянии оставаться на месте, он кружился вокруг стола в единственной комнате, постоянно выглядывая в окна, чтобы заметить, если к дому будут подходить чужие. В его мозгу все перемешалось; образы бега, разговор с двумя вооруженными незнакомцами, гипотезы относительно причин их присутствия здесь; Джордж больше себя не контролировал. Он был сильно возбужден, ничто не могло его успокоить. Внезапно все признаки показались ему очевидными, но через несколько минут он мог бы рассказать эту историю всего в двух словах: я встретил странных людей в новом поместье. Неприятное ощущение возникло у него как от страха, так и просто от появления этих чужаков так близко от него. На этих бескрайних просторах десять — двенадцать километров — это совсем рядом.

***Лондон. Редакция «Морнинг трибюн». Стопки разных папок с досье. Непрерывно звонят телефоны***

Несмотря на то что здание, где размещалась редакция, стояло в центре Лондона, оно не привлекало к себе внимания прохожих: стены из красного кирпича, унылые шторы на окнах.

Никто из проходящих мимо даже не догадывался, что за этим фасадом находятся помещения крупной ежедневной газеты. Статьи, регулярно поднимавшие шум, писались в зажатом между редакцией иллюстрированного журнала и бухгалтерией опенспейсе. В Лондоне говорили, что тема дня задается утренним выпуском «Морнинг трибюн». Так оценивалась отличная работа в области журналистских расследований, а также чутье на скандальные истории, отличавшие сотрудников этой газеты, обычно опережавших своих конкурентов. Для этого журналистам приходилось действовать нагло и бесцеремонно, с единственной целью раскопать горячую тему, благодаря которой резко подскакивали продажи и, как следствие, тиражи.

В отличие от многих своих коллег, работающих дома, Энди Вуд большую часть времени, когда не работал «в поле», проводил в редакции газеты. Он любил свой офис, кавардак на столе — содержащие массу информации кучи бумаг, журналов, стикеров с заметками, записные книжки. Ему нравилась сама атмосфера редакции, непрерывно звонящие телефоны, снующие туда-сюда журналисты, боящиеся пропустить важный звонок и не получить информацию, которая может

стать сенсацией. Его мысли были сосредоточены на том, что произошло утром; выходя из суда, он не мог не ликовать. Ему доставило огромное удовольствие видеть, как Клара Капланд уходит посрамленной! Журналист рассматривал свою профессию как противовес всемогуществу полиции и секретности спецслужб, которые в совокупности защищали интересы политиков. Он знал, что реальность не так проста, что в ней имеется много нюансов, но верность принципу позволяла ему не стесняться в выборе средств, когда речь шла о возможности устроить очередной скандал.

Клара Капланд совершила ошибку, атаковав одного из его осведомителей, при том что он, как и любой его коллега в Великобритании, очень дорожил сохранением имени источника в секрете. Она попыталась поймать в ловушку его самого, отслеживая его деятельность в Интернете и шпионя за его электронной почтой. Хотя с течением лет Энди стал тонким знатоком социальных сетей, информатика оставалась для него сферой, сохраняющей многие тайны, в том числе способность некоторых индивидов проникать путем взлома в ваш компьютер. Он быстро усвоил привычку пользоваться «Твиттером» —

штукой, которая изменила лицо журналистики. Отныне неиспользование «Твиттера» граничило с непрофессионализмом. Люди уже не звонят в газету, чтобы сообщить информацию, они пользуются социальными сетями, чтобы известить своих близких и широкую публику обо всем, что с ними случилось. Им Энди Вуд, между прочим, был обязан своей последней статьей — о захвате заложников на «Фейсбуке».

Хэштег #albanm быстро стал предметом сначала десятков, потом сотен твитов. Независимо от самого события, Энди Вуд чувствовал, что напряжение растет как никогда. Слухи разрастались, заполоняя Всемирную паутину: социальные сети, блоги, форумы — скоро весь Интернет будет говорить только об этом.

Босс попросил его представить подробный отчет о ходе его расследования, прежде чем принять решение о том, какое внимание следует уделить данной истории.

— Энди, я не хочу, чтобы ты писал статью про это только потому, что тема подняла бучу на «Фейсбуке» и в «Твиттере». Да, я не принадлежу к этому поколению, но я все-таки знаю, что журналистика становится интересной, когда вызывает интерес толпы, а не когда плетется у нее в хвосте.

Сегодня мы столкнулись с событиями, которые застали нас врасплох из-за прямого доступа широкой публики к информации. Девчонка кончает с собой в прямом эфире перед веб-камерой, серийный убийца-людоед снимает фильм о своих похождениях. А у меня такое ощущение, что мы все время отстаем.

— Это совсем другое дело, поверьте мне, — возразил Энди. — Это не просто сплетни в социальных сетях. Мне известно из надежного источника, что ЦПС получил специальный приказ расследовать эту историю. Это показательно. Если они занимаются делом, несмотря на то что завалены работой, это неспроста. Другие газеты тоже разрабатывают тему.

— Рассчитываешь раскопать мне сенсацию? Мне не интересно, если ты потратишь время и напишешь то же самое, что другие.

— Согласен. Пока что сведения — настоящие и ложные — переплетаются, и никто не может разобраться, где граница. Персонаж, захвативший заложников, ведет игру с полицией и с нами через «Фейсбук». Страх распространяется в геометрической прогрессии, а мы вынуждены сидеть и наблюдать. Но у меня имеется одна идея. Есть возможность использовать эту историю с

максимальной выгодой для нас.

— А ЦПС? Они будут за тобой присматривать.

— Нам это только на руку. Я выиграл процесс против их сотрудника. Я знаю, что они станут за мной следить, но ничего особенного предпринять не смогут. Если они выйдут за рамки, установленные законом, мы устроим еще один скандал: «Полиция нарушает судебное решение», «Спецслужбы покушаются на свободу прессы». Я уже сейчас вижу заголовки!

Его энтузиазм в конце концов убедил шефа.

— Согласен. Но убедись в том, что речь идет не о шутке. Я видел видео, оно вполне может оказаться студенческим розыгрышем. Я уже вышел из возраста, когда бегают за кошельком на веревочке. Даю тебе сорок восемь часов. Там посмотрим.

— Спасибо.

Энди понимал, что, невзирая на победу в деле Клары Капланд, вполне мог оказаться задвинутым, что называется, в шкаф — не всякому главному редактору понравится судиться с полицией и спецслужбами.

— Не забывай, что ребята с нижнего этажа попытаются перехватить наши данные для своего журнала. Не дай себя поиметь, как в прошлый раз. Да, мы входим в одну издательскую группу, но на

информационном поле мы с ними конкуренты.

После беседы с шефом Энди вышел с сильной, как никогда, мотивацией. Он рассмотрел все возможные пути и варианты. На экране компьютера друзья заложников распространяли информацию. Видео, выложенное на Ютубе и Дейлимоушен, набрало более 150 000 просмотров за несколько часов. На «Фейсбуке» днем неким Томом Лоутоном была создана группа «Узнать больше об Альбане М.». Энди отправил ему сообщение. Ему хотелось знать, не связан ли этот Том так или иначе с происходящим. Также он написал несколько слов тому, кто управлял профилем Альбана М. Ответ пришел почти мгновенно: «Наберитесь терпения. Вы, как и все остальные, получите информацию в свое время».

Партия обещала быть трудной.

Сидя за рабочим столом, Энди чувствовал, как увеличивается напряжение: если он прав и данное событие приобретет беспрецедентный размах, он наступил на мину. Или она его вознесет, или разнесет на куски.

***Безлунная ночь. Непроглядная темнота. Холодный бетонный куб***

В одну из бесчисленных бессонных ночей, сидя на кровати, прислонившись спиной к стене,

Колин вдруг понял, что с самого начала никто не собирался его убивать. Иначе его не стали бы держать в этом строгом заключении, а попросту прикончили бы. Тот факт, что он еще жив, означает, что его жизнь представляет некую ценность в глазах тех, кто его удерживает. Это был его единственный козырь. Если они хотят сохранить ему жизнь, им придется прийти к нему.

Голодовка. Колин вспомнил репортаж, посвященный этой теме. В нем говорилось, что первые необратимые последствия появляются только через три недели. Если он всегда считал данную форму борьбы благородной, хотя и свидетельствующей об отчаянии, прибегнуть к ней самому было совсем другое дело. Наибольшим риском было то, что он мог потерять остроту ощущений и не понять, что с ним произойдет. Колин перебрал в памяти образы, создававшие у него ощущение благополучия и покоя, которые он мог вызывать в трудные моменты, и постарался как можно лучше их зафиксировать. Потом принял решение.

В первые дни переносить чувство голода было не слишком трудно, но потом оно усилилось, начались спазмы в желудке, вынуждавшие Колина проводить целые дни сидя или скрючившись в позе эмбриона. Приходилось сократить количе-

ство движений, чтобы испытывать меньше боли. На третий день на подносе принесли совсем другую еду: его пытались заманить аппетитными запахами, красивым оформлением блюд. Тюремщики, видимо, заметили его голодовку. Он лежал с закрытыми глазами, чтобы не поддаваться искушению этих несколько измененных танталовых мук. Окружающие звуки изменились; тишина преобладала, но в его мозг проникал непрерывный пронзительный приглушенный звук. Даже заткнув уши, он не мог от него избавиться. Им овладевала усталость; он чувствовал, что слабеет. Вместо того чтобы читать стихи вслух, он пытался мысленно писать их перед глазами. Всякий раз, когда он поднимал веки, собственное отражение в зеркале все меньше и меньше напоминало ему его. Густая щетина, круги под глазами, всклокоченные волосы, вязкость во рту. Он наблюдал за первыми признаками умирания. Надежда превратилась в пустое слово. Он не заглядывал в будущее дальше следующей секунды; в этом замкнутом мире стены, казалось, сдвигались, чтобы раздавить его. Он перестал считать дни, но отказывался сдаваться. При первом удобном случае, который представится, он должен быть наготове.

Однажды ночью, он уже не знал, какой по счету после начала голодовки, раздались выстрелы. Стрельба была недолгой. Он услышал шорохи возле своего куба, скрип гравия под ногами, прерывистое от физических усилий дыхание. Затем глухой удар заставил его вздрогнуть. На пол его камеры упала безжизненная масса, переброшенная через стену… Колин безуспешно пытался рассмотреть хотя бы одного из своих палачей.

Выйдя из неподвижности, Колин с трудом подошел к тому, что забросили в куб. Его глаза пытались адаптироваться к темноте, но он различал только неясные очертания. Лишь с расстояния метра он понял, что это человеческое тело. Кровь, расползавшаяся на уровне таза и головы, образовывала на полу темные лужи. Тело лежало на спине, руки немного разведены в стороны, одна нога казалась сломанной, если судить по ненормальному сгибу колена. Колин вздрогнул. Не столько от страха, сколько от неприятного чувства. Он подошел еще ближе и увидел два пулевых ранения в живот и кровавую рану на лице. Неизвестный был одет, как и он, в ночную рубашку. Запах пороха еще сохранялся и вместе с прожженными в ткани дырами создавал зловещую атмосферу. Реальная смерть на расстоянии

всего нескольких сантиметров. Предупреждение было жестоким и ясным: всякая попытка бегства обречена на провал и будет караться смертью.

От нахлынувших эмоций у Колина закружилась голова. Сражение, которое он вел, могло закончиться так же. Сейчас перед ним лежал кто-то другой, но этот другой был немножечко он. Однако, вместо того чтобы лишить Колина мужества, этот инцидент лишь укрепил его волю. Если за стенами его ждет смерть, пусть она войдет внутрь, чтобы он мог посмотреть ей в лицо. Не могло быть и речи о том, чтобы он сдался или облегчил им их задачу. Сдерживая желание бросить им вызов, крикнув, что не боится их, он сел на кровать. Он забылся сном и проспал часть ночи, пока хмурый рассвет не заставил открыть глаза снова. Глаза щипало, на руках и ногах появилась сыпь — реакция на едкий воздух. К тому же запах собственного тела вызывал тошноту; за все время пребывания в этих стенах он ни разу не принял душ. Он по пытался встать, но ноги его не держали, и он упал, больно ударившись головой об угол кровати и навалившись всей массой тела на локоть правой руки. Колин почувствовал, что вывихнул себе плечо, но потом кость встала на свое место. Несколько недель без

физической нагрузки ослабили его мускулы и суставы. Теперь, неподвижный и изнуренный, он мог рассчитывать только на помощь извне в изменении баланса силы. На его лице мелькнула странная улыбка. Не разочарования, скорее мимолетной иронии. Он ухватился за край кровати, чтобы встать сначала на колени, затем в полный рост. Перед глазами поплыли зеркало, кровать, ночной горшок, труп. Комната начала кружиться. Он сумел, он был свободен. Колин без сознания рухнул на пол. Теперь рядом друг с другом лежали два тела.

***Бездушная комната.***

***Вечное одиночество.***

***Утро***

Колин почувствовал пробуждение, как предчувствуют дурную новость: он старался как можно дольше оттягивать момент встречи. Был день, если судить по свету, пробивавшемуся между ресницами. Он незаметно пошевелил пальцами ноги, проверяя, на месте ли они. Правое плечо продолжало болеть. Он не сумел сдержать свое любопытство и, миллиметр за миллиметром, стал открывать глаза. Живот сжался от тревоги. Мозг был занят единственным предметом, многоликим до бесконечности: кубом. Вот что он

опасался увидеть. На самом деле, он уже перешел границу опасений. Он перебрал ступени страха: испуг, страх, ужас. Он поднимался по этим ступеням все выше и выше, открывая для себя состояния, которые прошлое оставляло в тумане.

Вокруг себя он видел только белое. Зеркала не было, но было окно справа. В той позе, в какой он лежал, ему не было видно, что находится по другую сторону. Колин попытался подняться, но не пустили ремни, крепко стягивавшие его ноги и руки. Лишь на правой руке ремень был затянут послабее. В вену на уровне локтя была воткнута игла капельницы, по шлангу которой поступала какая-то жидкость. Он приподнял голову, чтобы осмотреть комнату. Она была белой и пустой, если не считать кровати и двери в пяти с лишним метрах от него. Его обрадовало уже то, что его вытащили из куба. Хотя он ощущал последствия голодовки, ощущение крайней усталости и постоянной головной боли ушло. А что стало с трупом?

Тишину в комнате нарушала лишь капельница — капли падали одна за другой, словно отмеряя проходящее время. Внезапно он услышал щелчок замка. Оторванный от своих размышлений, он спросил себя, следует ли ему притвориться спя-

щим или остаться бодрствующим. Он не успел сделать выбор, потому что в комнату вошел мужчина в черной военной форме без знаков различия и нашивок. Он нес поднос с едой. Черные очки не позволяли Колину увидеть его глаза, но черты лица были определенно европеоидными. Его тело казалось прекрасно тренированным, как у солдата. Неужели напомнило о себе прошлое Колина? Югославия была далеко, кто мог захотеть расквитаться с ним за его участие в той войне? Нет, эту гипотезу он отверг сразу, это было простое совпадение! Появился второй человек, возникший ниоткуда. Полная копия первого. Двое «людей в черном» подошли к Колину. Один поправил капельницу, другой проверил ремни. Как ни странно, Колин молчал. Он хотел встретиться лицом к лицу со своими похитителями, но никогда не задумывался над тем, что им скажет в первый момент. В голове у него роилось множество вопросов, но ни один так и не слетел с губ. Равнодушные к буре, бушевавшей в голове Колина, двое мужчин легко перемещались вокруг него. Подошвы их обуви не производили ни малейшего звука. На их руках были черные кожаные перчатки, что придавало им вид опытных преступников. Каждое движение было точно

выверено, что говорило о долгой практике. Колин смотрел на них, но по-настоящему не видел. Следовало ли ему заговорить с ними? Не будет ли это расценено как признак слабости? А что, если они накажут его за то, что он к ним обратился, и отправят обратно в куб, так что все, что он сделал, окажется напрасным?

— Кто вы? Я так больше не могу! Кто вы? — спросил он заплетающимся языком.

Один из двоих сел рядом с ним и, не отвечая, принялся его кормить.

— Нет. Пить.

Он получил стакан воды, который жадно выпил, после чего показал, что готов начать есть. Первые куски шли тяжело. У него было такое ощущение, что он заново открывает для себя вкус продуктов: излишне наперченного незнакомого мяса и даже хлеба. Пока он ел, он не сводил глаз со своего охранника-сиделки. Ему никак не удавалось поймать его взгляд за черными стеклами очков. Коротко подстриженные волосы были слишком ровного цвета, как будто покрашенные. Когда Колин, чей желудок был полон, отказался взять очередной кусок, который первый человек в черном протягивал ему на вилке, второй принялся отсоединять капельницу. Затем оба взяли

его под руки и вытащили из комнаты. Самому идти ему было бы трудно — он был не в состоянии держаться на ногах. Несмотря на помощь, его босые ступни спотыкались о неровности почвы. Перед ним стояло большое строение из полированного дерева, новое, образующее букву «U», с двумя боковыми пристройками меньшего размера. Колина удивила сцена, разворачивавшаяся у него перед глазами. Одни люди в черном носили коробки, тогда как другие, казалось, просто бесцельно бродили туда-сюда. Точно муравьи, постоянно находящиеся в движении.

Процессия, которую образовывали они трое, приблизилась к зданию, построенному на отшибе. Сопровождающие открыли дверь, после чего без церемоний швырнули его внутрь, на кафельный пол. Колин не успел ничего сказать, ни даже вскрикнуть, как на него обрушилась мощная струя воды. Удивление и боль быстро сменились радостью, удовольствием от возможности принять душ. Раздевшись, Колин полностью вымылся при помощи небольшого желтого куска мыла, валявшегося там. Мыло имело ванильный аромат, который вернул его мысли к радостям прошлой жизни. В течение пяти минут он добросовестно тер свое тело. Он не помнил, когда в

последний раз принимал ванну или душ. Струя прекратилась так же внезапно, как и хлынула. Из-за двери ему швырнули полотенце, такое жесткое, что он чуть не сдирал себе им кожу. Закончив, он надел сухую одежду.

Приободрившись, Колин старался внимательно смотреть по сторонам, не упуская ни одной детали. Его без церемоний схватили и выволокли из душа. Вдали он заметил множество кубов. Значит, помимо него, в таком заключении содержались и другие? Вокруг постоянно патрулировали люди в черном.

Колин чувствовал, что к нему вернулись силы: голова работала четко. Побег казался проблематичным, он не имел ни малейшего представления о месте, где находится. Жара, редкая растительность, воздух — все это было совсем не похоже на Японию. Он даже не знал, какое сегодня число. Удар ногой пониже спины, полученный от одного из конвоиров, заставил его быстрее шагать к его новой камере. Его опять привязали к кровати, как и прежде, молча. Колин не хотел больше тратить силы, потому что понимал, что разговаривать с ним никто не будет. Он покорно протянул руку, чтобы в нее воткнули иглу капельницы, и сосредоточился на анализе своей короткой вылазки

наружу. Он пытался мысленно составить план ранчо, твердо уверенный в том, что возможность бежать непременно представится. Кубы не имели выходов, кроме как через крышу, и казались непробиваемыми. Тем не менее его оттуда вытащили.

В следующие два дня он жил по одному и тому же режиму: подъем, душ, возвращение в комнату, где он проводил остаток дня. Дверь открывалась только для того, чтобы просунуть ему поднос с едой. Снаружи Колин считал шаги от одного здания до другого и искал прорехи в системе безопасности. Стена высотой в несколько метров, окружавшая лагерь, не позволяла увидеть, что находится за ней. По многим признакам это место походило на современную тюрьму, в том числе и тем, что располагалось неизвестно где, возможно, в десятках километров от ближайшего города.

Колин уже начал привыкать к новому распорядку, но на третью ночь его разбудил скрип двери. Еще не совсем придя в себя после сна, он различил только тени. Три, может быть, четыре. Его подняли.

— Что вы делаете? Что происходит? — встревоженно спросил он.

Он стал вырываться, отбиваться ногами и рука-

ми. Кто-то вскрикнул от боли, и тут же его правую руку, зажатую железной хваткой, пронзила острая боль. Если бы Колин не был убежден в том, что нужен своим палачам живым, он бы подумал, что его потащат на эшафот. Когда они вышли из комнаты, он почувствовал ночной холод.

— Куда вы меня тащите? Подождите! — кричал он, волнуясь все больше.

Никто ему не отвечал. Он поднял голову и все понял. Его возвращали обратно в куб! Лагерь был залит светом прожекторов. Он видел, как приближается куб. В его мозгу клокотало безумие; он не выдержит нового заключения в этих четырех зеркальных стенах.

Чего они от него хотели? Вдруг он услышал шум падения и свалился на землю. У него внезапно отказали ноги. Он с трудом поднялся, увернулся от конвоиров, пригнулся и, собрав все силы, рванулся вперед. Он чуть не поскользнулся на гравии, больно ранившем подошвы ног. Куда бежать, он толком не знал. Позади него прозвучал выстрел.

— Он направляется к западной стене. Окружайте его.

Весь лагерь залился ярким светом, и Колин наконец сумел рассмотреть его полностью. Возле главного здания он различил странную метал-

лическую плиту на земле, нечто вроде люка в подвал или туннель. Не имея надежды добраться до главного входа, он, поколебавшись секунду, бросился к этому люку, а за ним уже мчались с десяток людей в черном. Но его энергия, вложенная в бросок, уже иссякла. Он не полностью восстановил свои физические силы. Он не успел добежать до металлической плиты, подсеченный ударом дубинки по лодыжкам. Он не ожидал такого сильного удара, пришедшего словно ниоткуда. Несколько человек подняли его и грубо потащили к кубу.

— Подождите, у меня сломана нога!

К одной из стенок куба были приставлены две лестницы. Его осторожно подняли наверх; не для того, чтобы не причинить ему боль, а потому что операция была опасной для всех. Спуск был еще опаснее. Колин чувствовал, как дрожат лестницы.

— Не оставляйте меня здесь одного! Скажите хоть, за что мне все это! Не сажайте меня сюда, я больше не буду пытаться убежать, клянусь!

Его швырнули на кровать и оставили. Одного. Не в силах пошевелиться, он заплакал. Он был на грани отчаяния. Его щеки дрожали, скоро дрожь распространилась по всему телу. Оторвав кусок

своей рубашки, чтобы сделать бинт и зафиксировать лодыжку, он лег и стал смотреть на небо, спрашивая себя, над какой частью света оно находится. Потом он начал шепотом читать стихи:

*Моя душа к твоему лбу, где мечтает, о спокойная сестра,*

*Осень, усыпанная веснушками,*

*И к блуждающему небу твоих ангельских глаз*

*Поднимается, как в меланхоличном саду,*

*Белая струя воды вздыхает о лазури!*

*Нежной лазури бледного и чистого октября,*

*Чья бесконечная томность отражается в больших водоемах:*

*И оставляет на мертвой воде, где агонизируют*

*Листья, рябь, поднятую холодным ветром,*

*Под длинным лучом желтого солнца.*

***Агентство «Артандко». Пустой опенспейс. Мучительное ожидание.***

***19.15***

Том постоянно обновлял страницу профиля Альбана М. на «Фейсбуке». Он настолько сосредоточился на этом деле, что внешний мир для него почти перестал существовать; он ни минуты не занимался своей работой, правда, пока еще не получил за это нагоняй. История вышла за рамки круга «друзей друзей друзей» жертв и приобрела размах, полностью оценить который было пока невозможно. Профиль Альбана М. достиг максимального предела в 5000 друзей, но все было предусмотрено. Желающие следить за развитием событий и получать новую информацию приглашались стать фанами страницы Альбана М. Число таковых говорило о создавшемся ажиотаже:

**Фан-страница — «Альбан М.: 17 228 человек это нравится».**

Глагол «нравится» в данном контексте приобретал странное значение.

***19.20***

Айфон Тома завибрировал. Номер снова скрыт. Том ответил на вызов, ощущая, как в животе сжались внутренности. Снова в течение нескольких секунд слышалось спокойное дыхание, потом тот же голос, что и в первый раз, произнес:

— Через десять минут на «Фейсбуке».

Том чувствовал, что в нем поднимается волна тревожного возбуждения из-за собственного незнания. О чем его хотели предупредить и почему именно его? Тем временем стена его группы принимала по полсотни сообщений ежеминутно; также на ней добавилось сообщение с отсылкой на интернет-сайт «Морнинг трибюн». Том зашел на него и понял, что игры и шутки кончились. Информация, до того гулявшая по социальным сетям, начала жить и в традиционных СМИ. Это придало ей больший вес и силу, поскольку предполагалось, что пишущие о ней журналисты перепроверили ее по своим источникам. Время публикации статьи совпадало с резким увеличением количества членов его группы на «Фейсбуке», о которой упомянул журналист. Поступавшие сообщения отражали различные настроения: тревогу, насмешку, черный юмор, непонимание, попытки объяснений.

Хотя в статье сквозили сомнения, все же история эта была представлена в мрачном свете. При выборе заголовка автор не стал ограничиваться намеками, а дал броское название:

«ФЕЙСБУК» — НОВОЕ МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Том твитнул адрес статьи, а тем временем

хэштег #albanm набирал популярность в сети «Твиттер».

***19.28***

Ожидание искусственно замедляет время, начинаешь замечать каждую секунду, это все равно как различать все капли проливного дождя. Время заполнялось только ожиданием.

***19.30***

**Фан-страница — «Альбан М.: 29 456 человек это нравится».**

Профиль и фан-страница Альбана М. обновились в назначенный час. Статус остался прежним, но появился новый видеоролик, опять без звука. Перед камерой лицо человека. Это был не Эразм. Человек дрожал, искал взглядом поддержки. На заднем плане был виден телевизор, по которому шла передача Би-би-си, трансляция которой по спутниковому телевидению закончилась несколько минут назад. Внезапно экран стал черным; появился короткий текст белым шрифтом: «Свен, 28 лет». Потом снова появилось лицо. На этот раз крупным планом, освещенное. Глаза моргали все чаще и чаще, на шее набухла синей лентой яремная вена. Появилась новая надпись: **«Первого вы спасти не смогли».**

Когда камера снова показала лицо, Тома, как и

тысячи других зрителей в Интернете, охватила тревога. В правом углу кадра возник ствол пистолета. Всего на несколько секунд. Ровно настолько, чтобы произвести выстрел в упор. Лоб Свена разлетелся. Без звука.

# Глава 4

***Лондон. Агентство «Артандко».***
***Том, разинув рот, дрожащий.***
***19.30***

Видеоролик закончился, остановившись на последнем кадре. Том словно окаменел, держа правую руку на мышке, уставившись на ставший черным экран. Через несколько секунд появилась иконка, приглашающая еще раз прокрутить ролик. Окружающий мир сжался, он слышал только свое дыхание. Несколько мгновений ум отказывался верить в то, что он увидел. В смятении он кликнул на кнопку повторного просмотра. Снова пошли те же страшные кадры. Удар пули в лоб жертвы показался Тому даже более сильным, чем в первый раз, хотя камера не сдвинулась ни вперед, ни назад. Зрителя поразило то, с какой силой пуля пробила голову заложника. В реальности все было страшнее, чем в фильмах, которые всегда ставят фильтр между зрителем и варварским актом убийства. Впервые в жизни увидев реальную насильственную смерть человека, Том почувствовал потребность поделиться

своими эмоциями, услышать, что он не один не понимает случившегося.

Твиты и комментарии на «Фейсбуке» прекратились секунд на тридцать; возможно, другие пользователи, как и он, замерли в прострации, увидев эту сцену. Затем в Паутину выплеснулась лавина комментариев разного рода. За несколько минут хэштег #albanm вышел в «Твиттере» на первое место.

***Бюро ЦПС, час спустя. 20.30. Обстановка лихорадочного возбуждения***

Телефоны звонили не переставая, звонившие сообщали одно и то же: в Интернет выложено видео с убийством. За дело ухватились СМИ, что создавало для полиции помехи в ведении расследования: круглосуточные телеканалы вставляли специальные выпуски новостей каждые пятнадцать минут, чтобы рассказывать о развитии событий, собирали реакцию представителей властей, а также обычной публики. Перепуганные родители требовали как можно скорее удалить видео, политики произносили речи, в которых желающие находили обличения опасностей, которые таит Интернет, и обещание скорейшего раскрытия дела. Унюхав запах крови и сенсации, журналисты осаждали сотрудников пресс-груп-

пы полиции, требуя новой информации, которой те не имели.

Через несколько часов после появления первого видеоролика Министерство внутренних дел издало распоряжение: официальное расследование поручается уголовной полиции, но, учитывая отсутствие конкретных данных — трупа, места преступления, разведывательные службы, в первую очередь Центр правительственной связи, получили полную свободу поисков похитителей в Интернете. В кабинет к Дэни, юному хакеру команды, пришел его начальник и потребовал докладывать каждый час.

Вся служба ожидала результатов из экспертного отдела ЦПС, которые работали над роликом: сличали лица заложников с имеющимися в базах данных фотографиями с целью установления возможной связи с другими происшествиями, проверяли, имел место видеомонтаж или нет. Ответ на последний вопрос имел огромное значение. Все помнили фотографию трупа якобы Усамы бен Ладена. Одной американской телекомпании потребовалось всего три часа, чтобы доказать, что это подделка, и таким образом посрамить разведслужбы всего мира.

Впервые в деле имелось такое множество сви-

детелей. Телефонный коммутатор не справлялся с настоящим шквалом звонков добропорядочных граждан; было также несколько звонков от сумасшедших, желавших признаться в убийстве. Но полиции приходилось регистрировать их все и проводить проверку.

Также следовало отсеивать обычные проявления тревоги и шутки от тех сведений, которые могли бы помочь в расследовании, а также выделять сигналы от самого убийцы, которые тоже были возможны. Операторы ЦПС начали отслеживать IP, которые могли иметь хоть какое-то отношение к этому видео. Это была титаническая работа с весьма туманными перспективами на успех. Поскольку новые данные о деле появлялись в Интернете, там тоже наблюдался наплыв сообщений от пользователей не только на «Фейсбуке».

Дэни вылавливал информацию, добытую журналистами, раньше полиции. На данный момент было много повторов, а также попыток анализа на основе очень немногочисленных сведений. На MorningTribune.com появилась редакционная статья:

«ВИДЕОРОЛИК ВЫЗЫВАЕТ УЖАС В ИНТЕРНЕТЕ

Сегодня во второй половине дня то, что похо-

дило на неудачную шутку, стало криминальной историей большого масштаба. Какой-то безумец — как его иначе назвать? — по всей видимости, удерживает в заложниках несколько человек. Кто? Почему? На сей счет не было высказано никаких официальных версий. Как и все мы, вы, очевидно, видели видеоролик с жестоким убийством Свена, испуганного молодого человека, которому прострелили голову в прямом эфире. Я осознаю всю жестокость своих слов, но это беспрецедентный случай. Полиция бессильна. Не известны ни место преступления, ни имена заложников, не выдвинуто никаких требований. Исследовательские службы ЦПС получили приказ удвоить усилия. И никакого официального заявления, при том, что люди напуганы. В следующей статье мы непременно вернемся к этому всплеску насилия. Либерализация средств коммуникации, массовое распространение видеоигр, насыщенных насилием…»

Дэни так и не нашел в себе сил посмотреть видео полностью. Он не испытывал никакого интереса к кадрам, которые все вокруг считали невыносимыми. Зачем их смотреть? Непреодолимое влечение к смерти? Желание пощекотать нервы? А СМИ опять запели свои любимые старые

песни. Он терпеть не мог их привычку постоянно тыкать пальцем в видеоигры, как будто они одни были виновны в росте насилия и неуважения к общественным институтам.

Вечерние выпуски новостей на телевидении начались с этой новости, информационные каналы продолжали крутить второй ролик, хотя не доходили до демонстрации того, как пуля разносит череп. Пока что у них оставалась хоть какая-то стыдливость.

Ровно в 21.00 Дэни отнес своему начальнику первые выводы анализа изображения: учитывая уровень разрешения, видео, скорее всего, было снято на смартфон; разбивка ролика на кадры не выявила никаких следов монтажа. Значит, убийство имело место в действительности.

***Австралия. Где-то в буше.***

***Джордж: заинтригованный, нервный.***

***Вода. Битва за воду***

Много часов Джордж не решался выходить из дома, держась настороже и боясь, что люди в черном подстерегут его в буше. Встреча с агрессивными и грубыми людьми мешала ему восстановить душевное спокойствие и равновесие. Что делали эти субъекты в том странном строении? Он мысленно повторял слова незна-

комцев, чей акцент совершенно не походил на выговор местных жителей, которых он встречал в Элис-Спрингс. В голове теснились вопросы и требовали ответов, чтобы успокоиться. Хотя его редкие визиты в ближайший город вызывались необходимостью приобретения продуктов, он решил на сей раз нарушить правила и отправиться туда за информацией, еще не зная, удастся ли ему ее собрать. На него в городе всегда смотрели с удивлением, но никто еще ни разу не отказался продать ему еду. В конце концов, он расплачивался нормальными хрустящими купюрами.

Он собрал кое-какие вещи и отправился в путь. Ему предстояло пройти пять километров до шоссе. Как человек опытный, он обходил встречавшиеся по пути ловушки: ямы, корни, тупиковые тропинки. Сухой воздух быстро обезвоживал его. Выйдя на шоссе, он пошел в сторону города. Он шел уже минут двадцать, когда услышал звук мотора: приближался автомобиль. На протяжении нескольких месяцев он намеренно отказывался пользоваться этим транспортом, однако сработал рефлекс: он поднял руку, чтобы машина остановилась. В некоторых странах автостоп — занятие небезопасное и нежелательное, но не в Австралии, где это обычная практика, что

и подтвердил данный случай. Машина остановилась. Это был очень старый облезлый красный пикап распространенной в этих краях модели. Водитель, парень лет двадцати, открыл пассажирскую дверцу и сделал ему знак садиться:

— Вам куда?

— В Элис-Спрингс.

— Садитесь. Дорога одна, я все равно проезжаю через него.

Джордж сел и поставил рюкзак с вещами на колени. Некоторое время водитель следил за дорогой, поглядывая на пассажира из-за черных квадратных стекол очков.

— Вы здесь живете?

При этом вопросе Джордж вздрогнул. Вот от чего он сбежал: от этой непрерывной гонки за информацией, этого желания знать: кто вы, откуда, почему?.. Однако, чтобы не показаться оригиналом и не обижать симпатичного парня, который согласился его подвезти, Джордж кивнул.

— Вы не очень похожи на местного. А я тут на каникулах. Возвращаюсь от друга, который живет еще дальше в буше. Путь неблизкий! Хорошо еще, что не очень жарко.

Видя, что пассажир не отвечает, молодой человек продолжал:

— Надо признать, что в это время года проезжать сотни километров почти приятно. В отличие от других, я люблю водить машину. Я чувствую себя в своей тарелке.

Джорджу хотелось бы оградить свой мозг от всех этих откровений, которые были ему совершенно ни к чему, хотелось сказать: «Я тебя никогда больше не увижу, а то, что ты рассказываешь, мне не интересно!» Но он был слишком хорошо воспитан, чтобы сказать это. Поэтому он молчал и только вымученно улыбался водителю.

— Я смотрю, вы не очень разговорчивы, а? У вас есть дома телек?

Джордж отрицательно покачал головой.

— С ума сойти, что там показывают. Взять хоть тот же захват заложников на «Фейсбуке». Вы знаете, что это такое? Социальная сеть.

Джордж кивнул. У него снова заболела голова.

Молодой человек продолжал рассказ, но Джордж уже не мог его слушать. Его мозг грозил взорваться. К счастью, водитель сам задавал вопросы и сам же на них отвечал, и от него не требовалось участвовать в разговоре. Едва они миновали стоящую на въезде в город табличку с его названием, Джордж попросил водителя

остановиться. Ему необходимо было подышать свежим воздухом, побыть одному.

Поблагодарив парня кивком, он захлопнул дверцу машины и пошел по единственной главной улице города с таким чувством, что у него отнимаются ноги. Через Элис-Спрингс проезжают транзитом многочисленные грузовики и немногочисленные туристы, направляющиеся в заповедники. Местные жители, число которых едва достигает 25 000, влюбленные в окружающие их бескрайние просторы, неспешно ходят по пыльным улицам, не обращая внимания на течение времени. Хотя Джордж приехал не для этого, он вошел в бар, порог которого переступали лишь завсегдатаи. В своих бежевых шортах и широкой расстегнутой рубашке он не был похож на местных жителей. Он однозначно выглядел иностранцем, что сразу вызывает подозрения. Привыкший к тому, что становится предметом обсуждения всюду, куда бы он ни пришел, он проследовал через общий зал, не обращая внимания на местную фауну, заказал чашку кофе и сел за самый дальний от двери столик.

— Это что за крендель? — спросил один обрюзгший завсегдатай, чей внешний облик говорил о полном его пренебрежении физическими упраж-

нениями.

— Чокнутый. Целыми днями колет дрова, — ответил его собутыльник.

— А зачем?

— Я ж те говорю: чокнутый. Никто не знает толком, где он живет. Изредка приезжает закупить жратвы и опять возвращается в свою хижину. Многим он симпатичен, а я считаю его странным. Откуда у него деньги?

— Я никогда о нем не слыхал.

— А что о нем говорить? Тоже мне — достопримечательность. Нам от него нужно только одно: чтобы он оставил нас в покое. Можешь улыбаться, если считаешь, что в твоем городе лучше.

— У нас, по крайней мере, не принимают не поймешь кого.

Тон дискуссии поднялся. Чтобы успокоиться, они заказали еще по кружке пива.

— Вот видишь, он просто вошел, а мы уже ругаемся из-за него. Говорю тебе, это знак.

Джордж слушал разговор вполуха. Бармен принес ему кофе и ушел, не сказав ни слова. Его мозг был занят совсем другим. Стоявший в углу зала телевизор передавал картинки и комментарии, которые, накладываясь друг на друга, вызывали у Джорджа головокружение и присту-

пы тошноты. Политики что-то вещали, а внизу бегущей строкой шли новости о происшествиях. Затем они поменялись местами: экран заняли полицейские машины, автомобили «скорой помощи», спортивные площадки. Телевизор был маленький, однако его вредное воздействие на Джорджа оказалось сильным. Но несмотря ни на что, этот предмет привлекал, манил его, он в течение многих минут не сводил с него глаз. Он видел лишь какие-то расплывчатые формы и цвета, потому что картинки проходили через его мозг, не оставляя следа, смысл слов не доходил до его сознания. Он сам этого четко не осознавал, но продолжительное проживание в буше сформировало у него особое отношение к добру и злу.

Он подошел к стойке, у которой стояли люди, и заказал пиво. Поколебавшись, он все же решился завязать разговор:

— Я бы хотел получить некоторую информацию.

Двое мужчин у стойки переглянулись.

— Какую информацию?

Джордж остановился.

— Я встретил неизвестных, чужаков. Они одеты во все черное, по-английски говорят с сильным акцентом, возможно, они из Восточной Европы;

в нескольких километрах отсюда у них большое поместье. У них автоматы, и они никого не подпускают.

Один из двоих ответил, понизив голос:

— Это не с теми типами работает Мэтью, шофер с окраины города?

— Ты думаешь?

— Да, он об этом что-то говорил. Не помню название этого места. Что-то типа Тисти… Нет, Мисти. Точно, Мисти.

Эти двое перестали обращать внимание на Джорджа и продолжили разговор между собой, повернувшись к нему спиной.

— Что-то я его давно не видел, уже несколько дней.

— Небось уехал повеселиться. После смерти отца он стал много вкалывать. Но я не думаю, что он угомонился. Он всегда все делал по-своему.

— Но дела у него, кажется, пошли в гору.

— Повезло. У него нет конкурентов. Даже без особых усилий можно неплохо заработать.

Джордж навострил уши и уловил слово «Мисти». Оно ему ничего не говорило. Заплатив бармену за выпивку, он незаметно вышел. С порога он посмотрел в сторону центра города и увидел гирлянды, протянувшиеся от дома к дому

на главной улице. В эту неделю отмечался местный праздник. Чтобы принять участие в этом фольклорном мероприятии, в город из близких и даже довольно далеких мест съезжались люди. Хотя празднества еще не начались, Джорджу захотелось как можно скорее удрать отсюда. Одна мысль о толпе, которая заполнит эту улицу, вызвала у него неприятное ощущение.

Проходя мимо полицейского участка, он почувствовал искушение войти, будучи убежден, что в этой истории что-то нечисто. Но при первом же шаге вспомнил о своем внешнем виде, о том, как на него смотрели. А если здесь начнут расспрашивать о его прошлом? Адская машина очень быстро затянет его в свои жернова, и ему уже не удастся вернуть тот душевный покой, который он желал сохранить. Чтобы получить информацию, следует раствориться среди себе подобных, а это казалось ему немыслимым.

Он решил вернуться домой пешком, по боковым дорогам, и воспользоваться тишиной и одиночеством, чтобы прийти в себя. Людей, загрязнявших его воду, окружала какая-то тайна.

Когда он подошел к своему дому, там ничего не изменилось, разве только ночь набросила на окрестности свое белое покрывало. Изнуренный

походом, Джордж сразу же лег спать.

Утром у него появилась идея.

Его мотодельтаплан. Надо было привести его в рабочее состояние после нескольких месяцев простоя, потому что он так и не выкроил время для починки мотора. Этот аппарат, олицетворявший свободу, заслуживал того, чтобы пожертвовать ему на пропитание некоторое количество бензина, поскольку Джордж был не настолько хорошим химиком, чтобы пытаться производить бензин самостоятельно. Когда он летал, жизнь его обретала смысл. Он реализовывал мечту, жил в полном смысле слова. Для своего аппарата он построил сарайчик и нечто вроде взлетно-посадочной полосы, защищенной от посторонних взглядов. С неба мир казался игрой, в которой он чувствовал себя господином. Хотя уже не пытался управлять им. Он смотрел на мир отстраненным и отвлеченным взглядом. Свободным взглядом. Он подготовил свой мотодельтаплан к полету, который должен был сильно отличаться он предыдущих. Он впервые собирался лететь, чтобы наблюдать, а не затем, чтобы просто парить в воздухе.

***Клара, глаза ясные,***
***сидит на диване одетая.***

***Блузка, белые брюки.***
***22.00***

У Клары еще не успели сформироваться новые привычки. Узнав о своем отстранении от работы, она, не находя в себе сил вернуться домой, долго бродила пешком по лондонским улицам, рассматривая неоновые огни города, витрины магазинов, в которые никогда не заходила, пабы, где не бывала со студенческих времен. Город представал перед ней в совсем ином виде, открывая богатства, не замечаемые ею прежде, поскольку она полностью была поглощена своей жизнью, ритм которой оставлял мало места для созерцательности.

Оставшись без работы, она испытывала лихорадочное возбуждение, чувствовала, что находится во власти окружающей толпы, не имея средств защититься. Она ходила до полного изнеможения, а вернувшись домой, рухнула на диван и сразу заснула, совершенно опустошенная.

В середине вечера, обещавшего стать угрюмым, она была разбужена телефонным звонком ее начальника, Джеймса Маклейна.

— Какой-то псих убил парня лет двадцати в прямом эфире в Интернете. Наши группы не знают, где его искать, а дело приобретает политический

характер. Ты мне нужна. Немедленно.

— А как быть с моим отстранением от работы? — спросила Клара.

— Я этим займусь. А пока что хочу, чтобы ты приехала как можно скорее. Вот только ты не сможешь себе позволить ни малейшего отступления от закона, иначе грянет новый скандал, от которого пострадают все.

* * *

Когда час спустя она приехала в бюро ЦПС, все были на рабочих местах — явный признак кризисной ситуации. Клара ушла отсюда лишь в середине этого же дня, но что-то неуловимо изменилось. Взгляды коллег, увидевших ее, смягчились, но их поведение, напряженное ожидание перед экранами показывали, что они сосредоточены как никогда.

— Рада вас видеть, — сказала Лайза, ответственная за анализ данных, выходя из кабинета Джеймса Маклейна. — Он вас ждет.

Она оставила дверь приоткрытой для Клары, которая постучала перед тем, как войти. Начальник встретил ее с доброжелательной улыбкой, предназначавшейся тем немногим, кого он действительно ценил и уважал. Он не стал терять время и сразу изложил ей ситуацию:

— Со вчерашнего утра полиция получила несколько тысяч звонков по поводу одного выложенного на «Фейсбуке» видеоролика, позволяющего предположить, что имел место захват заложников. Сегодня после обеда на том же профиле «Фейсбука» появился второй ролик. Этот недвусмысленно показывает преступление: молодой человек с кляпом во рту убит выстрелом в голову. За несколько часов ролик обошел весь Интернет! Ты не в курсе?

— Нет, за эти последние часы я как-то отключилась от внешнего мира.

— Короче… Технический отдел нас уверяет, что это видео — не монтаж. Единственное, что им удалось установить: запись сделана на смартфон — нам это обалдеть как поможет! — приблизительно за пять минут до того, как была выложена на «Фейсбук». Ну, об этом мы могли бы и сами догадаться! Как видишь, тот, кто устроил этот цирк, принял необходимые предосторожности. — Он на секунду прервался и посмотрел на лежавшие перед ним бумаги, проверяя, не забыл ли чего. — Дэни провел кое-какие поиски, но на этот момент они ничего не дали. Нам известно, что на «Фейсбуке» несколько человек поместили призыв о помощи. Они призывали своих близких стать

друзьями некоего Альбана М. Круглосуточные информационные каналы уже вышли на тропу войны. Про дело сразу написали сайты крупнейших газет, в том числе «Морнинг трибюн». У них им занимается твой друг Энди Вуд. Он явно чувствует себя на коне. Он позвонил сюда, чтобы бросить вызов *мне* и дать *мне* понять, что если сможет выставить нас в смешном виде, то будет счастлив.

Верная своей привычке, Клара не прерывала шефа, только делала заметки в блокноте. Однако при упоминании имени Энди Вуда она нахмурила брови.

— Клара, — сказал начальник, — я тебе это сказал не для того, чтобы ты сводила с ним счеты.

— Шеф… — начала Клара, но он ее перебил:

— Однако, если ты сможешь прищемить наглецу хвост так, чтобы это не повредило нам, не стесняйся, сделай это.

В его глазах сверкал сдерживаемый гнев. Клара была довольна, что объектом была не она.

— Я попрошу Дэни тебе…

Телефонный звонок прервал его. Он повернулся, посмотрел на высветившийся номер и включил громкую связь:

— Босс, это Дэни. Альбан М. выставил новый

статус.

Большего ему и говорить не надо было.

— Иду.

Прежде чем выйти из кабинета, Клара остановилась и бросила быстрый взгляд на своего начальника:

— Спасибо.

Он ответил ей понимающим кивком.

**Альбан М.: «Каждая вещь имеет свою тайну, а поэзия — это тайна всех вещей» (Федерико Гарсиа Лорка).**

— Еще одна цитата? И что нам с ними делать? Гадать, что произойдет дальше?

— Он с нами играет, — ответил Дэни.

Джеймс Макейн никак не прокомментировал реплику своего сотрудника.

— Кто-нибудь связался с руководством «Фейсбука»? — продолжал он.

— Да, но нам ответили, что ни один из служащих их представительства в Великобритании не имеет полномочий отвечать на наши вопросы. Они перенаправили нас в юридическую службу, находящуюся в их штаб-квартире в США, как будто бы их в чем-то обвинили. Теперь они наконец-то отреагируют; видео сделает им дурную рекламу.

— Нет! С «Фейсбуком» этим ограничиться нельзя! Шевелитесь сами и поторопите их! Найдите кого-то, кто может взять на себя ответственность! Скажите, что звонят от имени премьер-министра Великобритании.

— Учитывая разницу во времени с Калифорнией, придется подождать несколько часов.

Джеймс Маклейн кипел от бешенства из-за собственного бессилия. Он посмотрел на Клару и резко кивнул ей. В этом не слишком изящном движении она прочитала четкое и недвусмысленное послание своего шефа: она вернулась, чтобы взять дело в свои руки, и теперь расследование начнется по-настоящему.

— Дэни, я могу получить доступ к его профилю с моего компьютера, не регистрируясь у него в друзьях?

По тембру ее голоса Джеймс понял, что Клара уже вышла на охоту. Он бросил на нее быстрый взгляд: эта девушка была прирожденным сыщиком, и он радовался, что она работает в его подразделении.

— Нет, но я пришлю тебе коды доступа с подставного аккаунта, созданного нами, и так ты получишь возможность смотреть видео.

Начальник бюро ЦПС вышел, потому что здесь

ему больше нечего было делать.

Клара заняла свой кабинет, а Дэни принялся стучать по клавиатуре компьютера.

— Ты как?

— Нормально. Даже не успела впасть в отчаяние, — ответила Клара с непринужденной улыбкой.

— Вот, все нормально. Я отправил тебе по почте коды доступа к его профилю.

— Большое спасибо. Если можешь, подготовь мне список имен профилей, отсылающих к этой странице, и все, что ты нашел, относящееся к этой истории… Буду тебе также благодарна за подключение меня к аккаунтам «Твиттера», быстрее других распространяющим эксклюзивную информацию. Их владельцы могут быть заодно с Альбаном М.

— У меня уже есть база. Я ее пополняю и через четверть часа пришлю тебе.

Спасибо. Заодно проверь, отправлена ли сделанная с видео фотография убитого уголовной полиции и Интерполу. Если это еще не сделано, отправь. Пусть проверят, не найден ли труп в стране или где-нибудь в мире. Наконец, запроси архив ЦПС, чтобы максимально ускорили проверку, известны ли нашим службам лица других

заложников и не появлялись ли они ранее в сети.

На этот момент оба конца цепочки — преступник и жертвы — оставались в равной степени таинственными.

Клара прочла различные статусы, потом посмотрела видео. Несмотря на то что она знала, что произойдет, все равно вздрогнула, когда пуля вошла в голову и разлетелся череп молодого человека. Зачем убивать заложника, даже не начав переговоров, не выдвинув своих требований? Чтобы продемонстрировать серьезность своих намерений? Но холодная жестокость этих кадров не несла никакого особого смысла. Привычка к криминальной хронике не мешала ей вздрагивать при каждом следующем просмотре, необходимом, чтобы не упустить ни одной детали.

Она прервалась на несколько секунд, чтобы перечитать цитаты Альбана М., выдававшие образованного человека и, вероятно, имевшие прямое отношение к ситуации. *Это сумасшедший!* Может быть, он просто сделал два поиска в Гугле, чтобы найти цитаты с целью сбить их со следа. Клара чувствовала всю опасность, которая их ожидала, и принялась за работу, ища логику,

приняв гипотезу, что каждое слово имеет значение, каждый выход в социальные сети точно и тщательно срежиссирован.

Минуту за минутой информация распространялась, словно огонь по дорожке пороха, ситуация грозила вот-вот выйти из-под контроля, и им, возможно, предстояло столкнуться с событием, более серьезным, чем захват заложников. Давая публике широкий доступ к этой истории, экстремисты, возможно, хотели эксплуатировать страхи людей, выхода масс на улицы, на демонстрации. Вся эта комбинации имела некий скрытый движитель, который предстояло выявить.

Она попыталась связаться с Альбаном М. через «личку» на «Фейсбуке» со слабой надеждой, что он ждет такого установления контакта, несмотря на то что Дэни объяснял ей, что такие попытки уже предпринимались, но безрезультатно. Первые поиски по нику «Альбан М.» дали только список имен и фамилий без каких бы то ни было привязок, без дополнительных данных.

Через несколько минут после отправки ее сообщения на стене Альбана М. в общем доступе появилась следующая запись:

**«Вниманию полиции, спецслужб и всех журналистов: я не даю эксклюзивных интервью и**

**не вступаю в переговоры с властями. Все будет происходить публично. Мне нечего скрывать».**

Эту резкую декларацию о намерениях Клара восприняла как вызов. Не будет переговоров, не будет и поля для маневра, ей придется иметь дело со случаем захвата заложников, в котором захватчик не придерживается обычных правил поведения. Она справилась с дрожью в ногах, которая была у нее признаком возбуждения, нетерпения, но также и страха. По опыту она знала: преступники, будто бы ведущие игру, наиболее опасны!

Она зашла на сайт «Морнинг трибюн» прочесть статью, о которой ей говорил Джеймс, но едва начала, как в ее кабинет ворвался Дэни.

— Они заблокировали его профиль. У меня больше нет к нему доступа.

— Ты о чем?

— О профиле Альбана М. на «Фейсбуке». Он больше недоступен.

***Лондонское бюро ЦПС.***

***Середина ночи.***

***Перегретые помещения***

Последнее сообщение захватившего заложников подтверждало его желание сохранить прямой контакт с публикой. Клара все еще обдумывала

эту ситуацию, когда полиция, СМИ и широкая публика обладают одним и тем же уровнем информации. Это было совершенно неожиданно и нарушало баланс сил. Полиция, когда ей это было выгодно, умела придерживать информацию или, наоборот, вбрасывать ее, по обстановке. Но сейчас правоохранительные органы знали не больше, чем любой другой.

Клара пока еще не могла оценить преимущества и неудобства исчезновения профиля Альбана М. на «Фейсбуке». Фан-страницу постигла та же участь, только группы пока избежали ликвидации: любопытство публики не было удовлетворено, захвативший заложников был недоступен, но ЦПС и уголовная полиция не имели никаких соображений относительно его планов и замыслов. Клара оставила свой кабинет и теперь не отходила от Дэни; заглядывая через его плечо, она следила за его розысками. Он объяснил ей, что речь идет о мере безопасности со стороны «Фейсбука» из-за сцен насилия в роликах. Но профиль в действительности не исчез с сервера, просто к нему закрыт доступ публике. Обойдя блокировку, Дэни скопировал все данные на свой жесткий диск, потому что Клара опасалась, что «Фейсбук» сотрет или, по крайней мере,

уберет со всех доступных извне серверов всю информацию, связанную с Альбаном М., которая являлась и уликами, и одновременно началом следа, по которому можно было на него выйти. После бесчисленных телефонных звонков она наконец сумела переговорить с калифорнийским руководством. Директор по связям высказался недвусмысленно: для них закрытие аккаунта Альбана М. было в равной степени мерой безопасности и вопросом репутации. В этой истории они не хотели прослыть ни распространителями сцен насилия, ни пособниками преступника, предоставляющими ему возможности для связи.

— Мы не можем допустить, чтобы ролики подобного содержания выкладывались на наших страницах, — холодно повторил он.

— Я все поняла и звоню не для того, чтобы попросить вас заново активировать профиль. Я просто хочу, чтобы вы заархивировали весь объем информации, содержащийся на этой странице, равно как все истории ваших серверов, так или иначе связанные с этой страницей, а потом прислали их нам.

— Я посмотрю, что можно сделать, но нам требуется разрешение.

— Чье?

— Моего руководства. Наша система основывается на уважении принципа конфиденциальности. Кроме того, наши серверы расположены не на британской территории.

Этот вежливый разговор начал выводить Клару из себя.

— Но речь идет о форс-мажорном случае! О преступнике и заложниках.

— Я запрошу.

— Только быстро, на кону человеческие жизни.

— Это не так просто. Мы не входим в вашу юрисдикцию. Следовательно, не обязаны сотрудничать с вами. И мы должны оценить, когда и как это делать.

Злиться было бесполезно. Подтекст ясен: это были отголоски дела Сноудена, когда АНБ[5] и ЦПС заподозрили в том, что они получают информацию от крупнейших интернет-компаний. «Фейсбук» не желал вести столь открытое сотрудничество с британской полицией или спецслужбами, которое могло рассматриваться как прецедент и стать предметом судебных разбирательств.

---

**[5] Примечания: 5**

АНБ — служба радиоэлектронной разведки США. (*Примеч. пер.*)

— Отлично. Сделайте все, что в ваших силах, и позвоните мне, как только сможете. И учтите: если вы нам поможете, мы обязательно сообщим прессе о вашем участии в поимке преступника.

Она бросила трубку, не дав собеседнику времени ответить, откинулась на спинку кресла, положила ноги на стол рядом с рабочим столом Дэни и снова погрузилась в раздумья.

Поиск следов Альбана М., возможно, оставленным им во Всемирной паутине, был, наверное, перспективным направлением, но Клара хотела возможно больше приблизить следующий шаг в расследовании. Не имея данных, как можно действовать?

Остаток ночи Клара провела за изучением имевшихся в их распоряжении данных. Накапливались первые отклики на убийство Свена. Поступило несколько тысяч звонков относительно различных Свенов со всего мира, которые исчезли за последние 72 часа. Как быть уверенным, что вытянешь нужную ниточку? Оценив масштаб задачи, Клара ненадолго заскочила домой принять душ и переодеться. Она физически ощущала обратный отсчет времени до следующего действия Альбана М. Вернувшись в офис, она решила основываться на твердой базе, а для

этого соединить воедино все конкретные данные, которыми располагала:

• Альбан М.: захватил заложников.

• Свен: убит.

• Профили «Фейсбука», первыми опубликовавшие призывы о помощи в этом деле: Эразм, Рани С., Уильям Т. Их лица были в первом видеоролике.

• Личность заложников: установлены не все.

• Место: неизвестно.

• Мотив: неизвестен.

Альбан М. не остановится только потому, что его профиль заблокирован. Такой шаг был слишком очевиден, чтобы он его не предусмотрел. Как он будет действовать дальше? Выйдет в другой социальной сети? Использует какой-то другой способ связи? Клара попросила Дэни сориентировать поиски в данном направлении. Она же, со своей стороны, старалась выяснить как можно больше об остальных заложниках. По сведениям их друзей, все трое недавно побывали в Лондоне. Следовало ли считать это некоей связью? Или же это было простое совпадение? Встретились ли они там со своим убийцей? Или уехали из Лондона?

На «Фейсбуке» посвященная Альбану М. груп-

па была создана по инициативе некоего Тома Лоутона, друга Эразма, владельца одного из трех аккаунтов на «Фейсбуке», где появился первый призыв «На помощь!». Просмотрев последние его записи, Клара записала в блокнот его имя и номер телефона, Том наиболее активно искал в сети ответы на вопросы, возникшие в связи с этим делом; в течение двадцати четырех часов он дважды звонил в полицию. Операторы, принимавшие звонки, явно не придали им значения. Зная, сколько нелепых звонков полиция получает каждый день, Клара не могла на них за это обижаться. Она попыталась дозвониться до Тома Лоутона, но наткнулась на автоответчик. Она оставила сообщение с просьбой перезвонить на коммутатор ЦПС.

По электронной почте пришло письмо из отдела, работавшего по базам данных, сотрудники которого пытались установить личности заложников по снимкам, сделанным с видео. На данный момент им удалось выяснить имя одного: Колин Стирл, профессор в Токио, англичанин. Но его присутствие в этой истории, казалось, не имело никакого смысла. Все известные о нем биографические сведения никак не сочетались с его присутствием в Лондоне. Бывший солдат,

много лет назад он уехал в Японию и с тех пор не нашел ни времени, ни желания приехать на родину. О родственниках никаких сведений, родители погибли в авиакатастрофе вскоре после его отъезда. Было ли его внезапное возвращение простым совпадением? Клара решила воспользоваться полученными данными и в их свете заново пересмотреть видео с заложниками. Параллельно она обратилась к соответствующим японским службам с просьбой о предоставлении свежей информации по Стирлу. Ее собеседнику необходимость сотрудничества между двумя странами не показалась столь уж очевидной, и он не слишком приветливым тоном пообещал сделать все от него зависящее. Со своей стороны, Клара не теряла надежды обнаружить связи Стирла на родине.

— Дэни, у нас есть имя, и я хочу, чтобы ты отыскал любые его контакты в Англии. Родственник, друг, коллега, знакомый — не важно. Мне нужна связь.

— Ясно. Прогоню его по всем базам данных.

Клара вернулась к своим исследованиям, но тут же ее отвлек голос Дэни:

— Клара, а твой парень-то — преступник!

— Что?

— Глянь! Недавно закончился суд. Он обвинялся в убийстве своей студентки. Освобожден за недостаточностью улик, но его виновность, похоже, не вызывает сомнений. А сам он исчез.

— Как это?

— Один местный журналист попытался с ним связаться по окончании процесса. Безуспешно. Его следы теряются с того момента, как он взял билет на поезд до западного побережья Японии.

Клара засомневалась, докладывать ли эту новость, и решила этого не делать. Если произойдет утечка, все ее расследование пойдет насмарку. Темная головоломка немного прояснилась в некоторых местах, и она не хотела потерять этот слабый лучик света.

***Первые проблески зари***

Шли часы, а Альбан М. продолжал молчать. Телеканалы начали день со специальных выпусков новостей, которые они крутили всю ночь. Делались самые невероятные комментарии о случившемся; ответственными за происходящее объявлялись все террористические группировки мира; вспоминали теракты в лондонском метро в 2005 году. Акции Андреса Брейвика в Норвегии и Мохаммеда Мера во Франции постоянно приводились в качестве примеров чудовищных

массовых убийств, совершенных, по официальным версиям, одиночками, которых тем не менее подозревали в связях с мощными организациями. В «Твиттере» сторонники полной свободы в Интернете сражались с теми, кто призывал к установлению контроля над Всемирной паутиной; вновь активизировались сторонники восстановления смертной казни. Все, что можно, было сказано, причем по несколько раз. СМИ нагоняли страх. Политики пытались напомнить, что нет никаких оснований считать, что это атака террористической организации, а не акт психически ненормального одиночки.

В 8.30 Клару вызвал Джеймс Маклейн.

— Результаты пока что не блестящие, — начала Клара. — Мы начеку, но все предпринимаемые поиски требуют много времени. Данные, которые необходимо проанализировать, многочисленны и неопределенны. Мы работаем в полном тумане.

— Ты мне хочешь сказать, что ждешь, пока он снова даст о себе знать и совершит ошибку? — спросил Джеймс, явно недовольный.

— И да и нет. Каждая секунда позволяет нам отсекать неверные пути, — объясняла Клара, даже не догадывавшаяся, какое давление на ее началь-

ника оказывает Министерство внутренних дел и Даунинг-стрит, 10. — Я сравниваю профили, выявленные Дэни, и мы установили одно имя.

— Что?

— Мы пока не знаем, что нам это дает. Возможно, это ложный след, но мы собираемся пройти по нему до конца. Сейчас еще слишком рано докладывать вам в деталях.

— Клара, не надо ничего докладывать. Сохраните эту информацию для себя и используйте самостоятельно.

— Поняла. Альбан М. действует так, что все наши обычные оперативные мероприятия невозможно применить. Он не оставляет следов. Использованные им серверы находятся во многих странах: в Сингапуре, в Соединенных Штатах, в Люксембурге… И это всего лишь зонтики. Но он непременно допустил где-то ошибку, наследил там, где не надо, и на этом мы его поймаем.

Как только Клара снова заняла место возле Дэни, зазвонил телефон.

— Здравствуйте. Попросите к телефону инспектора Клару Капланд.

— Это я.

— Лейтенант Торнтон из уголовной полиции. У меня тут звонок, который должен вас заин-

тересовать. Звонят из полицейского участка Кенсингтона.

— Кто?

— Некая женщина, уверяющая, что имеет информацию об убийстве, показанном в Интернете. Ее звонок кажется более серьезным, чем все прочие.

— Соедините меня. И большое спасибо.

Лейтенант Торнтон осуществил соединение. Клара услышала робкое «алло».

— Добрый день, мэм. Меня зовут Клара Капланд. Я сотрудник специальной службы, расследующей уголовные преступления в Интернете. Мой коллега сказал, что вы располагаете определенной информацией, которая может меня заинтересовать.

— Да. В общем, мне так кажется… — смущенно ответила ее собеседница.

— Не бойтесь. Расскажите мне все. Я вас слушаю, — попросила Клара тоном, который должен был успокоить звонившую.

— Мне позвонила моя подруга. Она сказала, что видела на том видео Майкла. Я тоже посмотрела этот ролик в теленовостях.

— Кто такой Майкл?

— Это мой сын. Я не могла в это поверить, это

казалось мне совершенно невероятным. Я ничего не могла сделать. — Голос женщины задрожал.

— Вы могли бы мне сказать, если вам не трудно говорить, что именно вы видели? Не спешите.

— Я смотрела этот сюжет. И мне стало страшно. Мой сын! И в него стреляют. Кошмар!

У женщины перехватило дыхание. Клара подождала несколько секунд, чувствуя, как у нее появляется охотничий азарт: наконец-то хоть что-то конкретное. Но действительно ли речь шла о видео Альбана М.?

— Вы абсолютно уверены, что узнали его?

— Вне всяких сомнений. Но его зовут не Свен. У меня не оставалось уже никакой надежды, и вдруг мне его возвращают, чтобы тут же отнять с еще большей жестокостью.

Связь была несомненной, оставалось проверить эту информацию.

— Простите, но я не совсем поняла. Никакой надежды на что?

— На то, чтобы увидеть его живым. Майкл умер в прошлом году.

— Как это — «умер»? — переспросила изумленная Клара.

— Да, он покончил с собой, — призналась мать, еще находившаяся в шоковом состоянии.

***Лондон, агентство «Артандко».***
***Туман над городом не рассеялся.***
***Первые утренние чашки кофе***

«Дорогая подруга, дорогой друг,

Как вы могли убедиться, мой профиль на «Фейсбуке» заблокирован. Но мы на этом не остановимся. Я назначаю вам встречу на сайте www.albanm.net, где вы сможете получить новости о ваших друзьях.

Надеюсь в скором времени увидеть вас там».

*Альбан М.*

Невероятно! Альбан М. Сумел сохранить бóльшую часть адресов электронной почты, представленных на профилях в «Фейсбуке». Он составил себе базу данных и теперь использовал ее, как любой менеджер по маркетингу. Данное сообщение пришло в форме информационного бюллетеня.

Том был совершенно оглушен тем, что прочитал. У него в голове не укладывалось то, что кто-то мог придумать подобную постановку. В чьи руки попал Эразм? Альбан М. изъяснялся в непринужденном стиле. Как будто речь шла о внезапно прерванной игре, которую он теперь запускал заново. Том кликнул по ссылке и, напряженно всматриваясь в экран, не зная, что его там

ждет, не услышал, как его айфон завибрировал в кармане пиджака. Главная страница сайта загрузилась, и на синем фоне появились несколько строк белого шрифта:

«После смерти Свена, каковой — увы! — вы никоим образом не могли помешать, я теперь предлагаю вам возможность спасти вашего любимого заложника. Вам достаточно зарегистрироваться и авторизоваться на сайте, а затем принять участие в голосовании, кликнув по имени того заложника, которого вы выбрали. Разумеется, время ограничено. У вас есть срок до 17 часов сегодня. Когда этот срок истечет, заложник, набравший наименьшее число голосов, присоединится к Свену.

Не забывайте: вы одни имеете возможность спасти их».

Под текстом были помещены фотографии пяти живых заложников, выложенные в ряд, и счетчик их популярности. Кнопка «Жить», выполненная в стиле «Фейсбук», напоминала кнопку «Нравится». Рейтинг Эразма равнялся 14 %; это означало, что на данный момент его жизнь вне опасности. Значит, интернет-пользователи уже приняли условия игры! Как люди могли голосовать, зная, что по результатам голосования ни в

чем не повинный человек будет убит? Том был шокирован, но тем не менее зарегистрировался, потому что речь шла о жизни Эразма. Он считал невозможным бросить друга в беде, когда ему грозила смерть. И это был очень веский мотив. Но участие в игре Альбана М. казалось ему жестоким и позорным делом!

Когда Том завершал регистрацию, его заинтриговал баннер, мигавший внизу страницы. Сосредоточившись на центре изображения, он не сразу обратил на него внимание. Это была реклама. Какими уловками Альбан М. сумел заполучить рекламу на свой сайт? Высветившийся слоган в данной ситуации выглядел как черный юмор: «”Лайф иншьюр” изобрела новый вид страхования. Отныне вы можете застраховать свою виртуальную жизнь от всех неприятностей, какие могли бы приключиться с вами в Интернете. Страховка, которая сделает вашу жизнь в этом новом мире вечной, — 9,90 фунтов стерлингов в месяц».

Застраховать виртуальную жизнь… Том понял, что Альбан М. сумел провернуть грандиозное дело: за несколько часов он создал мощный трафик на своем интернет-сайте, а затем начал извлекать деньги из виртуального пространства.

Модель была простейшей. Страховая компания, принявшая участие в игре, получила бы беспрецедентную известность. Но Том не мог поверить, что руководство такой компании согласится играть на страхах людей. Он уже не знал, что думать о происходящем: то ли это рекламная акция, то ли продолжение зловещей постановки Альбана М.

Он достал свой айфон и заметил сообщение, оставленное на автоответчике: «Здравствуйте, это Клара Капланд, инспектор Центра правительственной связи. Я звоню вам по поводу видеороликов, о которых вы звонили в полицию, и по поводу вашего друга Эразма. Перезвоните, как только сможете. Оставляю вам номер нашего коммутатора. Спасибо».

***Центр Лондона.***
***Середина дня***

Как и всегда, движение было интенсивным, и полицейский по мере возможностей пытался регулировать потоки машин. На перекрестке Карридж-Драйв и Парк-Лейн, образующем один из углов Гайд-парка, черный фургончик остановился на красный свет, ожидая, когда включится поворот налево. В стоящей прямо за ним спортивной машине молодой человек лет тридцати,

едущий, судя по внешнему облику, прямиком из Сити, разговаривал по телефону, сильно жестикулируя. Казалось, он получает удовольствие от того, что сидит в «астон-мартине», который, как он надеялся, не останется незамеченным. Доехав до перекрестка, он нагнул голову, чтобы сменить песню на айпаде, подключенном к плееру, но вдруг услышал глухой удар и почувствовал, что машина вздрогнула. Он поднял голову и увидел на капоте какую-то странную массу, сползающую на землю. Он замер от ужаса: неужели он сбил пешехода? Стоявший перед ним фургончик, взвизгнув шинами, пулей сорвался с места.

Водители стоявших сзади машин начали гудеть клаксонами, но молодой человек не шевелился. Наконец он открыл дверцу и осторожно вышел, ошарашенный, неспособный осознать, что он перед собой видит. А на асфальте перед его машиной лежало тело человека.

— Эй, что здесь происходит? Здесь остановка запрещена. Вы что, не видите, что перекрыли движение? — вмешался в дело полицейский регулировщик, стоявший в нескольких метрах от места происшествия.

Но, подойдя, он увидел лежащий ничком труп. Несколько капель крови запачкали желтую раз-

делительную линию на проезжей части.

— Не двигайтесь! — крикнул он и схватился за рацию, чтобы вызвать подкрепление и «скорую помощь».

Затем он начал допрашивать водителя «астон-мартина», который никак не мог объяснить, что произошло: он ничего не видел, кроме какой-то темной массы, свалившейся ниоткуда на его лобовое стекло.

Через десять минут примчавшиеся многочисленные полицейские машины создали зону оцепления вокруг «астона-мартина». Прибывшие на место медэксперты констатировали, что смерть потерпевшего наступила приблизительно двадцать часов назад от пулевого ранения в голову. Личность убитого установили быстро. Многие сотни тысяч людей смотрели видеоролик, фотография Свена еще накануне вечером была разослана всем правоохранительным и специальным службам страны. И это не считая немалого количества интернет-пользователей, которые моментально принялись снимать происходящее на видео и фото, чтобы поскорее выложить в «Инстаграм».

Десяток прохожих уже наставили свои смартфоны, чтобы отправить видео прямиком в

«Твиттер». Отныне весь мир знал, что труп Свена лежит на одной из лондонских улиц.

***Австралийский буш.***

***Конец дня***

Чтобы иметь возможность летать ночью, Джордж установил на свой мотодельтаплан фонари. Он рассчитывал взлететь на закате. Одетый в сильно заношенный комбинезон и полосатую каску, придававшие ему вид летчика на пенсии, он отметил на карте, которую сам же нарисовал, маршрут до Мисти.

Когда он в первый раз завел мотор, аппарат слегка подпрыгнул на месте и заглох. При второй попытке урчание двигателя не прервалось. Джордж вздохнул с облегчением. Одна из дорожек, ведущих к его хижине, выступала в роли взлетной полосы. Он заранее расчистил ее, чтобы избежать неприятных инцидентов при взлете. Джордж уселся поудобнее и прибавил газу. Мотор несколько раз фыркнул, отчего металлический каркас задрожал. Многие напугались бы, но Джордж не обратил никакого внимания на эти звуки, к которым привык, и сосредоточился на управлении, хотя маневр не представлял особой трудности. Через двадцать четыре метра он потянул рычаг управления на себя, и колеса

оторвались от земли.

В первые мгновения полета он испытал пьянящее чувство свободы. Вдали гасли последние лучи скрывшегося за горизонтом солнца. Полная луна и безоблачное небо позволяли ему лететь, не сверяясь с картой. Огни фонарей придавали пейзажу нереальный вид, как будто он впервые видел эти места. Он поискал взглядом знакомые ориентиры. Дважды ему казалось, что он нашел интересующую его долину, но, подлетев, он не находил поблизости речки. Сверившись с картой, приклеенной скотчем к рейке перед собой, он наконец нашел правильное направление и вскоре увидел огни. До поместья оставалось каких-то несколько сотен метров. Он прибавил скорость, чтобы опередить реакцию людей в черном. Освещение давало четкую картину места и построек. Внизу охранники испуганно жестикулировали, указывая на аппарат. Он немного изменил курс, чтобы пролететь над бетонными кубами без крыш, так заинтриговавшими его в первый раз. В каждом кубе он увидел лежащую человеческую фигурку.

На первый взгляд, комплекс построек напоминал комплекс тренировочного лагеря с тюрьмой. Джордж немного спустился и заметил,

что обитатель одного из странных кубов пытается привлечь к себе его внимание. Он не успел понять, что ему кричит тот человек, поскольку мотодельтаплан пролетел слишком быстро, но ответил на жест неизвестного, сам не зная, что он означает. Чутье подсказывало, что этих людей закрыли в подобные сооружения без их согласия. Ни единого знака, флага или таблички, указывавшей на принадлежность лагеря армии Австралии или какой-либо другой страны. Он уже собирался пойти на второй заход, но услышал выстрелы. Одна из пуль ударила в металлическую трубку каркаса мотодельтаплана.

Он резко повернул вправо, удаляясь от Мисти, в то время как стрельба стала интенсивнее. Удрать было сложно. Выбранное им направление вело в пустынный район, где он окажется на открытой местности. За ним по земле мчались два больших черных внедорожника. Скоро люди, высовывавшиеся из открытых окон, смогут обстреливать его из своих автоматов. Джордж сделал еще один поворот. Единственной его надеждой на спасение было добраться до Элис-Спрингс на том небольшом количестве бензина, что у него еще оставалось; он без труда мог бы там приземлиться, а его преследователи, пожалуй, не решились

бы пустить в ход оружие в городе. Вечером улицы, очевидно, будут полны съехавшимися на праздник людьми, а значит, и полицейскими в большом количестве, которым он мог все рассказать.

Мотодельтаплан, непривычный к подобным виражам, начал проявлять признаки усталости. Джордж летел, стараясь избегать асфальтированных шоссе, чтобы вынудить джипы гнать на полной скорости по грунтовым дорогам.

Несколько замедлив ход из-за наземных препятствий, преследователи, казалось, разгадали его план и пытались добраться до Элис-Спрингс, чтобы перехватить его на въезде. Соотношение сил было не в его пользу. Джордж шел ва-банк, хотя ему было трудно держать выбранный курс, а мотодельтаплан терял высоту и скорость. Запястья напряглись так, что он скривился от боли. Он бросил взгляд вниз, прикидывая угол посадки, и приземлился на улице, ведущей к центру. Охранников Мисти нигде не было видно. Джордж позвал на помощь, но шум праздника на главной улице заглушал его голос. Бросив свой летательный аппарат, он бросился сразу к полицейскому участку, где находился всего один полисмен. Джордж начал ему рассказывать свою

историю, но тот не уловил ничего, кроме посадки мотодельтаплана, и захотел непременно увидеть, где тот приземлился. Они вышли из участка вдвоем, и через триста метров полисмен увидел мотодельтаплан.

— Вы что себе позволяете? Существует запрет на посадку подобных штук в городе.

— Знаю, но я же вам все объяснил.

— Хватит! Время позднее, и я совершенно не намерен выслушивать ваши россказни. Сегодня вечером мы не допустим никаких нарушений общественного порядка. Так что немедленно уберите это и возвращайтесь домой. Ясно?

Вокруг Джорджа собралась небольшая группа зевак; любопытные приняли мотодельтаплан за очередной аттракцион на городском празднике. Повысив голос, чтобы взять собравшихся в свидетели, Джордж стал доказывать полисмену:

— Но в меня же стреляли! Люди в черном. Я пролетел над их лагерем, и они стали в меня стрелять. Они за мной гна…

Не успел он договорить, как вышедший из себя полицейский скрутил его и надел на него наручники. Джордж пытался сопротивляться, но после всех приключений этой богатой на события ночи ему не хватило сил. Он уже так давно не жил в со-

стоянии многочасового нервного напряжения. В конце концов, полицейский участок — неплохое убежище. Но главной его задачей было убедить полицейских в том, что он, несмотря на свой внешний вид, вызывающий с первого взгляда настороженное отношение к нему, ничего не выдумывает. Он потел и чувствовал, что от вечерней прохлады у него начинает побаливать горло. Полицейский продолжал грубо тащить его, явно злясь на то, что он его побеспокоил. Придя в участок, он усадил задержанного на деревянный стул и стал звонить своему начальнику.

Участок напоминал скорее старый запущенный дом, чем ультрасовременный полицейский центр. Стол был покрыт слоем пыли, в единственной камере решетки оказались ржавыми, а стены слегка облупившимися.

С самого момента их прихода полисмен не переставал внимательно рассматривать Джорджа. Его большие руки поигрывали ключами, от щелчков которых Джорджу становилось не по себе, ведь он очень долго не проводил так много времени в обществе других людей. Вся фигура полицейского, его широкие плечи, медленные из-за лишнего веса движения, смущали его, не давая ему спокойно дожидаться с обхода возвращения

ответственного дежурного по городу.

— Я вас знаю, нет? — спросил наконец полицейский.

— Не думаю. Я очень редко приезжаю в город, — ответил Джордж, отводя глаза.

— Знаю, знаю, вы — отшельник. Мне о вас рассказывали!

— Но я вас уверяю, что…

— Молчать! — рявкнул полицейский, как будто охваченный каким-то тревожным возбуждением.

После этого окрика Джордж почувствовал прилив адреналина.

— Вы *должны* меня выслушать.

В наступившей тишине он стал торопливо рассказывать:

— Я пролетел на моем мотодельтаплане над Мисти; это нечто вроде ранчо, там несколько домов и бетонные кубы без крыши. В этих кубах я видел людей, возможно заключенных или пленных, а потом услышал выстрелы. Они пытались меня убить, но мне удалось от них улететь. У меня не было иного выбора, кроме как сесть в городе. Но как бы то ни было, это выглядит странно. Они иностранцы, я уверен. Я это понял по их акценту. Вы собираетесь позволить им устанавливать

здесь свои законы?

Джордж не планировал заранее сыграть на тщеславии и патриотизме собеседника, но в тот момент это показалось ему наилучшим вариантом. Тем самым он включал себя в категорию местных жителей и показывал общность интересов, своих и полицейского.

— Мисти? Что это конкретно? — спросил наконец полицейский.

— Название того ранчо, но больше мне ничего не известно. — И устало добавил: — Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое и перестали загрязнять мою воду.

— Какая связь?

— Это они ее загрязняют. Я не понимаю, что они ищут.

— Вы говорите, что они в вас стреляли?

— Да, и не просто для того, чтобы меня напугать.

— Почему я должен вам верить?

— А зачем мне врать? У меня есть занятия поинтереснее, чем выдумывать небылицы.

Его собеседник промолчал. История Джорджа была какой-то бессмыслицей, но, по всей видимости, именно она заставила его совершить экстренную посадку. Лучше все-таки съездить

туда и посмотреть.

— Отлично. Я переговорю с начальником, и, если он согласится, завтра мы вместе съездим туда, и вы мне все покажете. А пока что я хочу закончить ночь спокойно, праздник небось уже заканчивается… И если вы хотите отсюда выйти, советую меня не тревожить. Единственный свободный матрас в этой камере.

Утром следующего дня Джордж почувствовал, что его толкают ногой. Он сразу подумал о людях в черном и вскочил, закрывая лицо:

— Тихо, тихо, я не причиню вам вреда.

Он узнал полицейского, задержавшего его накануне, и вспомнил, что должен сопровождать его в Мисти, без чего он бы с радостью обошелся, но это была цена его свободы.

— Моего начальника нет, но у меня имеется разрешение выехать с вами на место.

Джордж вышел из камеры, еще оглушенный вчерашними событиями. Они сели в обычную машину без полицейской раскраски и маячка. Несмотря на охватывавшую его нервозность, Джордж, как мог, объяснил дорогу, основываясь на своей памяти и ища вокруг ориентиры. В конце концов они свернули на отвратительную дорогу. Солнце было уже высоко, духота и жара

делали путь тяжелым. Джордж сильно потел, сам не понимая, от стресса или от погоды.

— Вы уверены, что мы едем по той дороге, по которой нужно? — сказал полицейский не слишком дружелюбным тоном. — Хотя назвать это дорогой нельзя.

— Когда поднимемся на холм, увидим ранчо.

Но с вершины холма, указанного Джорджем, не было видно никакого поместья. Джордж на секунду засомневался, не заблудился ли он.

— Ну и?..

— Подождите. Это здесь, я уверен. Точно внизу.

— Но там же ничего нет, черт побери! Не заставляйте меня зря терять время, — разозлился полицейский, начав жестикулировать прямо за рулем.

— Не может быть! Давайте спустимся. Пожалуйста! — взмолился Джордж.

Съехав с холма, машина остановилась, и Джордж выскочил из нее. На почерневшей земле валялись куски листового железа. От Мисти мало что осталось.

— Посмотрите на все эти обломки.

— Вы мне говорили о кубах, о большом поместье.

— Но вы же видите, что все разрушено, все

сгорело! Они… они…

Джордж не находил слов. Люди в черном опередили его и уничтожили все следы своего пребывания. Он продолжал ходить туда-сюда, ища в обломках какое-нибудь доказательство, улику, что-то, что могло подтвердить его слова. В глубине души он злился на себя за то, что выставил себя дураком, не подумал, что они не станут его ждать.

— Сначала они стреляют в вас, а потом разрушают собственное поместье. Эти ваши неизвестные прямо мафия какая-то, — насмешливо заметил полицейский.

Джордж не ответил.

— Ладно, возвращаемся. Поговорим обо всем в участке.

На обратном пути Джордж пытался увидеть в таком повороте событий что-то хорошее. Он вернется к своей речке, ведь не посадят же его в тюрьму за приземление в неположенном месте. Наказание ограничится штрафом, в худшем случае — конфискуют его мотодельтаплан, и он окончательно приобретет репутацию малость чокнутого парня, способного придумывать самые невероятные истории.

После возвращения в участок он стерпел все

крики и угрозы. Как он и предполагал, его отпустили, но, если он захочет продолжать летать, ему придется приобрести новый мотодельтаплан. Едва он шагнул за порог участка, как на него чуть не налетели двое подростков, поглощенных своим разговором. Джордж не обратил на них внимания и остановился на краю тротуара, пропуская поток машин, чтобы затем перейти улицу. Он собирался отправиться к своему деревянному дому. Джордж вспомнил свою прежнюю жизнь, потом события последних дней. Действительно ли он хотел вернуться на то место, собирать улики, проводить расследование? Хотелось ли ему вернуться к прежней жизни, где постоянно что-то происходит? Нет, он хотел возвратиться в свою тишину. И однажды, возможно, он снова найдет самого себя.

***В пустыне. Сухой воздух.***
***Голый бетон***

Пролет мотодельтаплана над лагерем вызвал беспрецедентное оживление, крики, суету, заметались лучи прожекторов. У Колина, убежденного, что пилот видел его жесты, возродилась надежда на внешнее вторжение, и теперь по доносившимся снаружи звукам он пытался себе представить, что же там происходит. Звуки

приблизились, прозвучал металлический щелчок, заставивший его вздрогнуть. Он различил лестницу, выступающую над кромкой стены куба. Сердце у него забилось сильнее, он затаил дыхание.

Появился вооруженный человек, сел верхом на стену и взял Колина на прицел:

— Отойди в дальний угол. Шевелись.

Появились другие солдаты и сразу стали спускать лестницу внутрь. Колин наблюдал за происходящим не шевелясь, спрашивая себя, не настал ли час его казни. Но они только надели на него наручники, заткнули рот кляпом и заставили выйти из куба. Их движения казались менее уверенными. Снаружи царил беспорядок, как при большом переезде. Погрузки ожидала целая колонна покрытых серым брезентом военных грузовиков. Сзади брезент был поднят, открывая вход в кузов. Колина посадили в первый грузовик. Там уже находились двое заключенных, в наручниках и в кляпах, как он, прикованных к металлической балке, привинченной вдоль борта кузова. Когда Колина приковали наручниками напротив них, он прочитал по их взглядам, что они чувствуют то же, что и он сам: страх, непонимание, но при этом и нежелание покориться

своему положению, абсурдному для одних, трагичному для других. Колин не забывал, что в этом месте витает запах смерти. Остальные заключенные были одеты так же, как и он; у одного была щетина, отросшая за несколько дней, и он выглядел прибывшим недавно, тогда как второй имел вид человека, долго пробывшего в заточении. Он меньше нервничал и внимательно наблюдал за происходящим во дворе, что сильно контрастировало с его положением.

Когда двигатели грузовиков уже заработали, в кузов посадили и приковали к балке еще двух заключенных, из которых одна была молодая женщина. Несмотря на страдания, выдаваемые взглядом, она сохраняла достоинство. Она не решалась поднять глаза на своих товарищей по несчастью и сидела, уставившись в пол. Глядя по сторонам, Колин понял, до какой степени его армейское прошлое помогло ему в заключении. Не всякое человеческое существо способно вынести лишение свободы, не потеряв при этом свою душу.

Брезент опустили, закрыв вход в кузов, но в остающуюся щель пассажиры все равно могли видеть, что происходит снаружи.

Пятеро узников понимающе переглянулись:

в таких тяжелых ситуациях взаимопонимание устанавливается быстро. Один из них с самого начала пытался освободиться. Остальные жестами пытались убедить его не делать этого. Так, Колин топнул ногой, чтобы привлечь его внимание, а потом стал мотать головой в знак неодобрения. Любая попытка бегства была бы самоубийственной, пока они не знали, где находятся.

Неожиданно грузовик вздрогнул. Громыхнул мощный взрыв, за которым последовали еще несколько. Колин стукнул ногой по брезенту, чтобы посмотреть, что происходит снаружи, и с изумлением увидел военный пейзаж. От построек ранчо в небо поднимались столбы дыма. Взрывы продолжались несколько секунд, после чего остались только дым и огонь. Во все стороны летели камни. Скоро этот пейзаж превратился в удаляющуюся точку. Дорога была узкой, безнадежно узкой.

Сначала маршрут был хаотичным, дороги отвратительными, потом шины зашуршали по асфальту. Некоторые смогли задремать, но Колин бодрствовал: ему не позволял уснуть адреналин в крови. Когда рассвело, грузовики остановились в местности с редкой растительностью. До горизонта шла красная земля с несколькими холмами

вдали. Пейзаж напоминал некоторые районы на западе США.

Их заставили выйти из машины, чтобы они могли размять ноги. Колин впервые услышал английский выговор, сильно отличавшийся от произношения охранников, обращавшихся к нему ранее. Это собрание людей в черном напоминало какой-то отряд наемников, частную армию, чьи цели были ему неизвестны и непонятны. Всем дали по стакану воды. Один из узников решился задать вопрос, но тут же получил удар прикладом, от которого согнулся пополам и долго не мог восстановить дыхание. Когда время, отведенное на привал, истекло, им снова засунули в рот кляпы и приковали к балке в грузовике. Колин насчитал восемь автомобилей: настоящая колонна, взявшаяся ниоткуда.

Так машины проехали еще несколько километров, после чего слаженно разделились. От тряски у Колина болели бока, в ногах началось покалывание. Он сидел очень неудобно, но попытки сменить позу не давали результата. На лицах его товарищей по несчастью читались нервозность и усталость. Из-под кляпов слышалось глухое бормотание. И вдруг тот, кто пытался бежать, затрясся. Но никто не мог прийти ему на помощь.

Его спазмы усилились, как будто его рвало в кляп. Колин принялся колотить ногой в пол и призвал спутников делать то же самое, чтобы привлечь внимание их тюремщиков. Тем временем узник затих, его голова упала на грудь. Удары по полу кузова были такими сильными, что водитель остановил машину, решив посмотреть, что произошло. Один из охранников с недовольным видом приподнял брезент и залез в кузов. Колин взглядом показал на узника, у которого случился приступ.

— Вот дерьмо! — воскликнул охранник.

Он немедленно освободил пленного и попытался его реанимировать. Все было напрасно. Бедняга задохнулся. К огромному удивлению остальных узников, он снова прицепил мертвого к металлической балке, и машина поехала дальше. Следующие несколько часов были ужасными. Все смотрели на умершего и старались дышать ровно. Казалось, особое впечатление эта смерть произвела на молодую женщину, которая сидела рядом с погибшим. Ее руки дрожали. Колину удалось поймать ее взгляд. Он хотел попытаться успокоить ее, помочь восстановить дыхание.

Они все знали, что их ждет смерть, но особенно ужасными ее видами казались удушение и утоп-

ление. Это были те кошмары, которые мучают большинство людей.

Грузовик снова остановился. Один из охранников раздвинул брезент, влез в кузов и методично нанес сильный удар дубинкой по голове каждого из узников. Колин успел подумать, что так приканчивают скот на бойне, а потом наступила чернота.

# Глава 5

***Лондон. Лондонское бюро Центра правительственной связи.***
***11.40 на часах в нижнем правом углу монитора компьютера***

Кларе вдруг захотелось выпить рюмочку «Бейлис» — это была ее маленькая слабость, которую она позволяла себе по вечерам, когда возвращалась с работы, часто одна. Но когда это желание приходило среди дня, она знала, что это означает: ею начинает овладевать стресс. Эти короткие секунды вне времени были прерваны телефонным звонком.

— Инспектор Капланд?

— Да, это я.

— Капитан Дэвис, уголовная полиция. Мне кажется, мы для вас кое-что нашли.

— То есть?

— Тело парня, чье убийство снято на видео, выложенном в Интернете, обнаружено в центре города, на Норт-Карридж-Драйв, на северо-восточном углу Гайд-парка.

— Как это произошло?

— По всей вероятности, его выбросили из фургончика. Как раз в мертвом углу камеры контроля за движением. Больше я пока ничего не знаю, но если хотите на него посмотреть, придется прямо сейчас приехать в морг уголовной полиции, — объяснил офицер, явно спеша спихнуть на других неприятное дело.

Клара подтвердила, что будет на месте примерно через полчаса. Прошло меньше суток с убийства, и вот появилось тело, в десяти минутах от ее службы, по другую сторону от Гайд-парка. Хотя, возможно, делать выводы в этом смысле было рано, ей показалось уместным сузить район поисков. Она сказала об этом Дэни, явившемуся на службу в майке с надписью, пародирующей рекламный слоган известной фирмы: «Vodka, Connecting people», эстетический смысл которого ей было трудно понять.

— Сосредоточься на Лондоне, кварталы вокруг Гайд-парка: Бейсуотер, Ноттинг-Хилл, Кенсингтон… — попросила его Клара, сомневавшаяся, что Альбан М. пошел бы на риск ехать через весь город, чтобы выбросить труп. — Это в девятистах метрах отсюда! Можно подумать, что он бросает нам вызов. И снова проанализируй видео убийства, я хочу быть уверена, что мы ничего не

упустили.

Клара положила несколько досье в темно-синюю кожаную сумку. В отличие от многих своих коллег-мужчин, она так и не приняла ставшую безумно популярной среди подростков новую моду носить на спине сумку-рюкзак. Когда она зашла к Джеймсу доложить, что намерена заскочить в уголовку, он ей напомнил, что ЦПС работает совместно, а не против уголовной полиции, и что конфликты между различными службами всегда вредят делу. Она вышла из здания и пешком направилась к моргу. Ей необходимо было пройтись одной по улицам, чтобы изменить направление мыслей и освободить мозг от влияния экрана. Она стала анализировать свой разговор с матерью Майкла, оставивший у нее странное впечатление.

Как ее сын, покончивший с собой год назад, был убит на этом видео? И почему? Мать вторично потеряла сына; на этот раз при гораздо более тягостных обстоятельствах, что могло только усилить ее горе. Когда Клара спустилась в подземный переход станции «Гайд-парк-Корнер», чтобы избежать большого перекрестка, подал сигнал ее мобильный телефон. На ее снабженный системой кодировки связи телефон пришло дело,

заведенное год назад по факту исчезновения Майкла. Она поспешила выйти на поверхность, чтобы прием сигнала был лучше. Возможно, в деле удастся обнаружить след, который выведет на Альбана М. Ничто она не ненавидела так сильно, как это чувство неопределенности, когда не знала, в каком направлении двигаться. Несколько страниц в формате PDF, высветившиеся на экране, разочаровали ее: расследование велось спустя рукава, на основании оставленного молодым человеком письма для матери был сделан вывод, что он покончил с собой. Ни протоколов допросов, ни перепроверки данных. Стандартное расследование исчезновения взрослого человека, который никого не интересует до тех пор, пока не найдут его труп. Клара разочарованно покачала головой и бросила телефон в карман куртки.

Придя в полицейское управление, она прошла через рамки металлоискателя и направилась прямиком на четвертый этаж, где для ЦПС была выделена комната — знак его «сотрудничества» с полицией. Комната представляла собой переоборудованный в кабинет чуланчик в конце коридора, между туалетом и пожарным выходом, ведущим на внешнюю лестницу. Унылая каморка без окон. Но из нее, встав у двери, мож-

но было видеть комнату инспекторов и вход в конференц-зал. Она быстро достала планшет и подключила его к сети. В сейфе для Клары лежали материалы по делу: несколько фотографий Майкла, сделанных в месяцы, предшествовавшие исчезновению, и его последнее письмо матери. Несмотря на юный возраст, в его глазах читалась грусть. Но делать из этого вывод, что он способен на самоубийство… Клара развернула письмо. Каждое его слово напоминало ей о боли матери, читавшей этот текст. Уклончивый стиль говорил о болезненном состоянии писавшего, его неспособности к социальной адаптации, о его психологической усталости. Последняя фраза «Я решил уехать далеко и безвозвратно» оставляла мало места для сомнений. И все-таки… Мотивация не подкреплялась конкретными данными.

И вот теперь безусловно умерший при странных обстоятельствах, напрямую связанных с видеороликами Альбана М., Майкл наверняка станет объектом пристального внимания. Нетрудно будет мобилизовать полицейские силы для проведения углубленного расследования о его прошлом и об исчезновении. Клара знала, как работает система, и понимала, как много зависит от выбора того, кому это расследование

поручат. Она уже представляла себе инспектора, неспособного понять ставку в этом деле, далеко превосходящую рамки обычного расследования по факту обнаружения трупа с признаками насильственной смерти. Ей довольно часто приходилось иметь дело с полицейскими, и каждого было в чем упрекнуть. Симпатии она испытывала к очень немногим. Любовь к систематизации побудила ее разделить инспекторов уголовной полиции на две категории: к первой она отнесла тех, кто работал за жалованье, ко второй — работавших по призванию, не за страх, а за совесть; последнее нередко скрывало какой-то психологический изъян или нежелание возвращаться домой. Вне всяких сомнений, эти моменты следовало учитывать, но Клара видела в первую очередь свой интерес: с этими копами расследования продвигались так, как она того хотела. ЦПС официально не являлся разведслужбой, и ему приходилось приноравливаться к методам оперативников, работающих «на земле».

Но в данном деле Клара, предпочитая действие ожиданию, решила попробовать пойти другим, более быстрым путем. Поэтому она позвонила единственному своему знакомому в уголовной полиции, который мог напрямую ей помочь.

Чтобы не вызвать подозрений и избежать обвинений в выходе за рамки своей компетенции, она не стала выходить из кабинета и осталась на пороге. Издалека она видела Уэйна, сидевшего за своим столом в три четверти оборота спиной к ней и говорившего по телефону. Когда он положил трубку на рычаг, она нашла его имя в списке контактов и нажала на кнопку «Вызов».

***Уэйн Стад, 34 года. Блондин с голубыми глазами.***

***Бывший любовник Клары***

— Уэйн, я хочу попросить тебя об одной услуге.

— Ты уверена, что хочешь меня о чем-то попросить?

— Не начинай в таком тоне.

— Ты мне позвонила, а не я тебе.

— Да, я знаю. Мне нужна твоя помощь.

Уэйн хранил молчание.

— Прошу тебя. Речь идет не о нас с тобой. Это профессиональная просьба. Не поворачивайся ко мне спиной. — Она мысленно улыбнулась.

— Слушаю тебя, — ответил он самым холодным тоном, на какой только был способен.

— Ты наверняка слышал об убийстве, снятом на видео и выложенном в Интернет.

— Трудно было бы не слышать. Все только об

этом и говорят.

— Жертву зовут Свен. По крайней мере, так его назвал тот, кто удерживает заложников. Но мне позвонила женщина, которая утверждает, что это ее сын Майкл, якобы покончивший с собой год назад. Его тело нашли в центре города. Сейчас его перевезли в подвал для вскрытия, а потом выдадут семье. Мне нужно, чтобы ты допросил мать и чтобы она подписала заявление, что опознает тело сына. Также нужно, чтобы ты съездил к ней домой, немного там покопался и попытался лучше понять эту семью и почему он написал письмо, в котором излагал намерение покончить с собой. Мне бы хотелось, чтобы ты как можно скорее установил, что Майкл и Свен — одно и то же лицо, а главное — чтобы ты провел расследование его исчезновения.

— Почему ты просишь меня? Расследование наверняка поручат инспектору Брауну, и произойдет это минут через десять, на дневном совещании.

— Именно поэтому я звоню тебе сейчас. Ты отлично знаешь, как работает система. Он не станет задавать вопросов, сделает все по минимуму, мы из-за этого потеряем драгоценное время, а Альбан М. тем временем продолжит удерживать

заложников и убивать их по одному. Мне нужен быстрый и качественный результат.

— Это комплимент?

— Понимай, как хочешь.

— Я посмотрю, что смогу для тебя сделать.

— Значит, да?

— Понимай, как хочешь.

Уэйн не избавился от своей привычки пререкаться, которая порой выводила ее из себя, но с которой она в конце концов смирилась. Она не хотела, чтобы у него сложилось впечатление, будто у него все еще есть власть над ней, поэтому сказала:

— Как только что-нибудь узнаешь, сразу свяжись со мной. И обрати внимание на свой тыл. Особенно на завитки волос на шее. Они милые, когда не слишком длинные.

— Не понял?!

Несколько секунд он размышлял, уставившись в пустоту, потом развернулся на кресле и увидел ее. Она не могла не улыбнуться.

Клара едва успела подмигнуть ему, как телефон сообщил о звонке по второй линии. Она дала «отбой» и ответила на новый звонок.

— Вам звонит некий Том Лоутон, — сообщила ей Лайза. — Коммутатор перевел звонок на меня,

пока вы были заняты.

— Я отвечу.

— Здравствуйте. Вы оставили мне сообщение.

— Да, спасибо, что перезвонили.

— Вы видели, что он сделал?

Клара нахмурила брови и села в кресло у стола:

— О чем вы говорите?

— О сайте, про который Альбан говорит в письме, присланном по электронке.

— В каком письме? — переспросила она, резко подскочив.

Я получил по имейлу письмо от Альбана М. Поскольку его профиль на «Фейсбуке» заблокирован, он создал сайт в Интернете. Он сохранил все имейлы, которые были видны на «Фейсбуке», в том числе мой, и отправил нам письма.

Клару удивил этот профессиональный язык. Звонивший прекрасно разбирался в принципе действия социальных сетей. Открытие сайта знаменовало следующий этап развития дела.

— Дайте мне адрес.

– www.albanm.net.

Она включила режим громкой связи и набрала адрес на планшете. На экране открылся сайт. Почему Дэни ее не предупредил?

Она прочла текст о введении системы голосования, чтобы спасти любимого заложника. Ее поразил цинизм того, что она читала. Тон был совершенно естественным, лишенным каких бы то ни было моральных ограничений. Это было явной провокацией.

Изучая в подробностях сайт Альбана М., она воспользовалась звонком Тома, чтобы задать ему несколько вопросов о его друге Эразме. Но кроме его настоящего имени — Дэвид Бёрнс — Том мало что мог ей рассказать. В течение последних двух лет они общались в основном через «Фейсбук», поскольку Дэвид путешествовал по миру. Время от времени, когда он оказывался в Лондоне, они встречались, чтобы выпить вместе кофейку или пивка.

Клара попросила его постоянно оставаться на связи и не стесняться звонить ей по прямому номеру, если вдруг он вспомнит что-нибудь важное.

Закончив разговор, она мгновенно собрала свои вещи, вышла из здания по черной лестнице и быстрым шагом направилась обратно в бюро ЦПС.

— Какой хренью ты тут занимаешься? — спросила она без предисловий, ворвавшись в кабинет

Дэни. — Почему я узнаю от постороннего, что Альбан М. открыл собственный сайт?! Держать меня в курсе подобного рода событий — твоя работа!

Молодой человек подпрыгнул в кресле, когда она вошла, и попытался закрыть несколько окон, содержавших непонятные коды. Клара знала, что параллельно с работой в специальной службе он продолжает свою карьеру хакера. Она ограничилась тем, что взяла с него обещание не взламывать особо важные сайты и сети.

— Кончай свои пиратские игрушки и сосредоточься на деле!

Дэни не привык к упрекам со стороны Клары и не осмеливался посмотреть ей в глаза. Он пробормотал извинения, которые она услышала лишь частично, потому что уже на середине вышла, хлопнув дверью.

***Лондон. Уголовная полиция.***

***Шум, гам***

Уэйна удивили звонок и просьба Клары. Для того чтобы она обратилась к нему, должно было произойти нечто из ряда вон выходящее; они не разговаривали уже три месяца. Их отношения официально не закончились, хотя было ясно, что они не сложились, несмотря на взаимную симпатию. Но совместное проживание не сочеталось

с их образом жизни, более эмоциональным, чем рассудочным. Они хотели оставаться быть должны друг другу, и все кончилось тем, что ничего друг другу не смогли дать.

Уэйн был рад, что сейчас она вспомнила о нем.

Он взял дело Майкла Вернанта и пришел к тому же выводу, что и Клара: слишком мало для дела об исчезновении человека.

Термин «пропал без вести» был на каждой странице дела. Уэйн задержался на карточке с биографическими данными: 22 года, учился на географическом факультете, бросил учебу за два года до исчезновения. Безработный. Однажды утром вышел из дома, чтобы отправиться на собеседование по поводу поступления на работу, но так туда и не дошел. С этого момента его никто больше не видел.

На дневной летучке дело по трупу, найденному в центре Лондона, действительно поручили Брауну. Уэйн подошел к нему и попросил разрешения поработать параллельно с ним. Браун отреагировал на просьбу холодно, однако отказать не мог. Его последнее дело, завершенное шесть недель назад, обернулось бы полным провалом, если бы ему не помог Уэйн, который частично прикрыл его неудачу. В ходе операции, от начала

и до конца спланированной и осуществленной Брауном, от полиции ушел киллер. Уэйн получил от своего осведомителя информацию о месте, где скрывался беглец, и взял преступника. Успех приписали Брауну, который не имел к нему ни малейшего отношения.

Быстро отметив моменты, которые следует проверить, он позвонил в банк, где у Майкла был счет, и получил подтверждение, что с момента его исчезновения никаких движений по счету не было; тем не менее он удивился, услышав, что счет не был закрыт. «Марта Вернант, его мать, тогда не захотела этого делать, на случай, если он вернется». Он запросил распечатку операций, произведенных в течение двух месяцев, предшествовавших исчезновению Майкла. Ничего особенного, суммы в разумных пределах, снятие наличных не увеличилось и не создавалось впечатления заранее подготавливаемого побега. Показания матери были совершенно ясными: ее сын с годами все больше замыкался в себе, все острее переживал неудачи в учебе и в любви, проблемы с друзьями; малейшее препятствие казалось ему непреодолимым, ему казалось, что все ополчились против него.

Только Марта Вернант могла дать им дополни-

тельные сведения в кратчайший срок, вызовы и допросы свидетелей, как он знал по опыту, требуют много времени. Их телефонный разговор был коротким: она согласилась приехать в Лондон первым поездом, чтобы опознать тело сына.

Ожидая ее приезда, Уэйн стал просматривать выложенные Альбаном М. видеоролики и читать прессу, чтобы вникнуть в дело.

Он встретил мать Майкла у морга, когда она приехала. Они не обменялись ни словом до того момента, когда она, стоя перед телом, подтвердила, что это ее сын. Уэйн не хотел беспокоить женщину в ее горе, но, наблюдая за каждым ее движением, не заметил в ее поведении никакой скорби. То, что она увидела Майкла, не уменьшило и не увеличило ее печали. Уэйн никак не мог определить, нормальна такая реакция или нет. Теперь он лучше понимал, почему Клара, поговорив несколько минут с этой женщиной, захотела побольше разузнать об обстоятельствах ухода Майкла.

— Простите, я не хочу показаться неделикатным, но мне необходимо с вами поговорить.

— Пожалуйста, — спокойно ответила она, выходя из прозекторской.

— Вы не знаете причину, по которой ваш сын

обманул вас? Ведь он не имел намерения покончить с собой.

Она несколько секунд подумала, одновременно ища выход.

— Вы хотите сказать, что он все это подстроил, чтобы заставить поверить в свою смерть?

Вопрос прозвучал как обвинение.

— У меня нет никаких соображений на сей счет, но поскольку в конце концов он с собой не покончил, то почему не связался с вами?

— Я не знаю. Я уже ничего не знаю. Майкл часами сидел в своей комнате. В одиночестве. Чем он занимался, я не знаю. Ближе к концу мы с ним мало виделись.

— Какие отношения он поддерживал со своим отцом?

Марта Вернант остановилась посреди коридора и ответила, глядя Уэйну прямо в глаза:

— Мой муж умер одиннадцать лет назад. Это был тяжелый для нас обоих период, и наше общее горе мы переживали вместе. А теперь я бы хотела вернуться домой, я себя неважно чувствую.

Уэйн посмотрел на нее и не мог не восхититься ею. Закутанная в черное пальто, в косынке в красную и синюю клетку на голове, эта хрупкая женщина держалась с большим достоинством.

Он предложил проводить ее, надеясь обратить себе на пользу тот час, который займет дорога. В машине разговор о жизни Майкла продолжался двадцать минут. Марта отвечала ровным голосом, а Уэйн начал составлять более четкий психологический портрет убитого: молодой человек без работы, без отцовской поддержки, боящийся толпы, которая заставила его искать убежища от мира. Конечно, мать о нем всего не знала, и поэтому особую важность приобретала возможность побывать в комнате Майкла.

Они выехали из Лондона и теперь ехали по северному предместью, где дома из красного кирпича похожи друг на друга. При виде мертвого сына маленькая искорка надежды, которую Марта долго сохраняла в глубине души, внезапно погасла. Она с отсутствующим видом смотрела на улицы, по которым ходила сорок лет и знала каждую до мельчайшей детали.

— Я никогда не замечала, насколько тусклая моя жизнь. Я одинока, ужасно одинока.

Перед дверью дома Уэйн вернулся к своей роли сыщика:

— Вы позволите мне осмотреть его комнату и личные вещи?

Марта заколебалась:

— Это необходимо? Он умер. Искать теперь больше нечего.

— Да, я понимаю. Но его возвращение произошло в рамках совершенно исключительного уголовного дела, по которому у нас очень мало данных. Ваш сын, возможно… как бы это сказать… представляет… след.

В конце концов она разрешила. Для нее это расследование было возможностью узнать, что происходило с ее сыном в течение года, что его заставило исчезнуть.

Комната Майкла была чисто убрана. Марта объяснила, что ничего не выбрасывала. На стенах не было ни одной афиши или постера. Библиотеку составляли труды по географии, оставшиеся от учебы, многочисленные японские комиксы и несколько произведений английской литературы. Уэйн попросил разрешения посмотреть в ящиках стола и войти в компьютер. Марта кивнула и спустилась в гостиную.

Уэйн обнаружил тетради с конспектами, наброски рисунков. Он включил компьютер. Никакого пароля не было. На жестком диске он не нашел ничего интересного: многочисленные скачанные фильмы, музыка, различные программы. Он задал поиск по слову «самоубийство». Оно

не содержалось ни в одном файле. Если Майкл решил исчезнуть добровольно, то мог искать возможные места назначения. Журнал не был почищен, но в нем не было ни одного сайта такого направления. Только информационные сайты и учетные записи почтовых систем хотмейл и джимейл. Уэйн пролистал несколько книг с полки: на полях там и тут он заметил пометки. Его внимание привлекло название одного из японских комиксов «Клуб самоубийц». История про то, как пятьдесят четыре школьницы бросаются под поезд, выживает только одна. Рядом он заметил «Клуб самоубийц» Роберта Льюиса Стивенсона. На полях были многочисленные рукописные пометки. Возможно, решение Майкла объяснялось подобным кругом чтения. Уэйн взял обе книжки и спустился на первый этаж к Марте. Она позволила ему забрать их обе для экспертизы.

Вернувшись в управление, он начал составлять отчет для Клары, чтобы поставить финальную точку, но перед этим решил прочитать комикс. Сам сюжет заинтересовал его мало. Ему никак не удавалось задержать внимание на рисунках, и в силу профессиональной деформации он никак не мог поверить в то, что девушка могла выжить в описанной ситуации. Но он остановился на

сделанной от руки повторявшейся много раз пометке, упоминавшей один географический объект: скалу Тодзимбо.

***Трюм грузового судна. Сильный запах мазута.***

***Море спокойное***

Пробуждение было болезненным. Колин поднес руку к голове и нащупал пальцами огромную шишку под волосами. На виске запеклась кровь. Он осторожно ощупывал череп, лежа на матрасе; ноги его сковывала цепь. Через маленькое квадратное окошко, расположенное очень высоко, пробивался слабый свет. Колин находился в огромном, на много десятков метров в длину, помещении с металлическими стенками. Громко и без перебоев работал двигатель. Он приподнялся на локтях и увидел рядом с собой троих остальных узников. Никаких следов того, кто умер от удушья. Девушка уже очнулась, а остальные двое с трудом приходили в себя после принудительного сна. Кляпы у них вынули, руки были сцеплены впереди наручниками. Вокруг них стояли металлические контейнеры красного цвета с явными следами ржавчины.

— Где мы? — спросил тот, что был постарше.

— На корабле, — ответил Колин.

— Что?

— Не двигайтесь! Чувствуете? Похоже на морской воздух. Должно быть, корабль большой, потому что качка очень слабая. Что же до того, где конкретно мы находимся, я полагаю, в данный момент это не имеет никакого значения, — объяснил Колин, который непроизвольно заговорил профессорским тоном.

Они быстро познакомились. Самый старший, сорокадвухлетний Адгик, двадцать лет прожил на улице в Бомбее. Черные волосы полностью закрывали его лицо. Со своими тонкими руками и ногами он казался очень слабым. Второму мужчине было двадцать семь лет. Карлос был бухгалтером в Боготе вплоть до своего развода, после которого он потерял работу и никак не мог найти новую. Девушка, которую звали Рашель, говорила на французском, но совершенно ничего не помнила о своей жизни до того момента, как очнулась в кубе. Даже свое имя она знала только потому, что так ее называли на ранчо. В ее зеленых глазах читалась тоска одиночества, казалось, ничто больше не держало ее в этой жизни.

Колин взял слово последним. Ему не очень хотелось распространяться об истории с адюльтером и убийством студентки. Однако он не смог

опустить самую важную деталь:

— Когда я прыгнул со скалы, чтобы покончить с собой, я правда думал, что это конец. Но очнулся в кубе, сам не знаю почему. Больше я ничего не знаю.

Эта исповедь стала отправной точкой в оживленной дискуссии между людьми, потому что все трое пытались покончить с собой. Это казалось невероятным. Единственным общим моментом у них был этот акт отчаяния, завершившийся неудачей. Только Рашель осталась в стороне от разговора, спрашивая себя, не пыталась ли и она тоже покончить с собой. Но каждая попытка вспомнить наталкивалась на белую стену, которую она ненавидела.

— Неужели ты совсем ничего не помнишь о своей прошлой жизни? — спросил заинтригованный Колин.

— Нет, правда, ничего. Я не знаю, кто я такая.

Разговор, сначала сосредоточившийся на девушке, скоро перешел на тяжелый опыт, пережитый каждым в его кубе; все истории были более или менее похожими одна на другую.

— Я не знаю, что произошло. Я решил, что кто-то хочет мне отомстить, что это нечто вроде мучений героя «Старины», — прокомментировал

Колин.

— «Старины»? — переспросил Карлос.

— Корейский фильм про человека, который однажды исчезает. Его похищают, и он проводит годы в заточении, сам не зная за что, а потом его отпускают.

— И что теперь? Что с нами будет? — спросил дрожащим голосом Карлос, которому так и не удалось абстрагироваться от своего страха.

— Понятия не имею. Единственное, в чем мы можем быть уверены, это то, что наша жизнь для них почему-то важна. У них было много благоприятных моментов для того, чтобы убить нас, — спокойно объяснил Колин.

Он понимал, что не стоит еще больше усиливать тревогу Карлоса.

— А как отсюда выбраться? — спросил Адгик.

— Не знаю.

Колин осмотрел и подергал свои цепи. Каждый узник был прикован к отдельному контейнеру. Когда Колин стал рассматривать цепи внимательнее, послышался скрип двери. Приблизились шаги, гулко отдававшиеся на металлической лестнице. Вошли двое охранников, чьи руки были заняты едой и водой. Они стали распределять провизию между ними.

— Путь будет долгим. Вы должны есть.

Вот уже несколько минут, как качка усилилась. Четверо узников ели молча. Первым заговорил Адгик:

— Мне терять нечего. Я видел смерть, даже пошел ей навстречу. Моя прежняя жизнь была плохой, но я пришел туда не затем, чтобы ждать, пока со мной станут играть. У меня нет ни малейшего представления о том, что в голове у этих людей в черном. Но я знаю одно: я не хочу молча идти туда, куда они меня поведут.

Он произнес это торжественным тоном. Трое его спутников застыли разинув рты. Колин размышлял. Они не имели боевой подготовки, но ему было очевидно: вчетвером можно что-то предпринять.

— Я не готов снова страдать. Я чуть не сошел с ума. Я согласен, — добавил Карлос.

— Я тоже, — дрожащим голосом сказала Рашель.

Эта декларация о намерениях грубо вернула их к реальности. Все в наручниках, прикованные к контейнерам, не имея возможности свободно передвигаться, они пользовались возможностью, чтобы изучить свои путы. Колин изо всех сил дергал кольцо, пытаясь сломать его о металлический

угол контейнера. Ржавчина начала осыпаться, но у него горели ладони от этих усилий, которые к тому же пришлось прикладывать, находясь в неудобной позе. Лязг металла корпуса судна заглушал шумы попытки узников освободиться. На море поднялась волна, и судно качало все сильнее и сильнее. Большинство из них не имели никакой привычки к этому виду транспорта и теперь переживали морскую болезнь. Воздух наполнился их хрипами. К сырости добавилась отвратительная вонь.

Не обращая внимания на товарищей, Колин, словно одержимый, продолжал ломать удерживавшее его кольцо. Ладони почернели от железа, кожа на кончиках пальцев была содрана. Дважды их навещали охранники — просто чтобы убедиться, что они живы. Колин, как мог, прятал металлические опилки, плевал на руки и быстро вытирал их о штаны, пытаясь скрыть следы своей деятельности. В тех обносках, что были на них надеты, они выглядели нищими. Его спутники следовали его примеру и тоже пытались освободиться, кроме Карлоса, который из страха соглашался только побыть сторожем. Колин не сдержал крик радости, когда кольцо на его ноге сломалось. Он с видом победителя вскочил

на ноги, но быстро взял себя в руки. Остальные оставались прикованными, а у него не было никаких инструментов, чтобы помочь им, не говоря уже о том, что руки его по-прежнему оставались скованными. Пытаться бежать в одиночку было бы безумием. Он пошел по трюму, чем поверг в панику Карлоса.

— Куда он пошел? А если они явятся? Они решат, что мы ему помогали, и всех нас перебьют. Нет!

— Заткнись, черт тебя возьми, — грубо бросил Адгик. — Ты привлечешь к нам внимание.

— Вот именно, он…

— Хватит.

Тем временем Колин осторожно двигался вперед. Он прочел этикетки на контейнерах: «АВС, ТАЙ, ГНК» — Австралия, Тайвань, Гонконг. Тихий океан! Вот в каких водах они плыли, где-нибудь далеко от любой суши. Это делало побег еще более трудным и опасным предприятием. Чтобы не лишать своих товарищей мужества, он решил оставить это открытие при себе.

За одним контейнером он нашел металлический ящик. Дверца тихо щелкнула, замок не был закрыт. Он открыл ее и чуть не закричал. В ящике хранились инструменты: отвертка, молоток,

гайки, пассатижи. Отличный набор. Пока он колебался, скрипнула дверь. Времени на выбор не осталось, он схватил пассатижи и сунул их за спину, между майкой и штанами, пока бежал на свое место, где сел так, чтобы не было заметно сломанного кольца. Было время еды. Им принесли холодную баланду с какими-то не поддающимися определению кусками. Голод отмел все сомнения относительно съедобности пищи. Порция была проглочена в несколько минут. Колин положил рядом с собой пассатижи, с которых остальные не сводили глаз. В экстремальных ситуациях легко стать предметом восхищения. Колин встал и подошел к Адгику. Через несколько секунд он сумел отделить кольцо от металлической стенки контейнера. Он освободил всех одного за другим. Рашель выглядела отсутствующей, и Колин взял ее за руку, чтобы напомнить, что отныне она может опереться на помощь товарищей. Кроме страха перед будущим, ее мучило отсутствие ориентиров в прошлом. Она постоянно приглаживала ладонями свои темные волосы, словно пытаясь оживить этим память.

— Времени у нас немного. Надо решить, как мы будем действовать.

— Не станем же мы на них нападать? — задро-

жал Карлос.

— Они, со своей стороны, стеснятся не будут, — ответил Адгик.

— Но мы безоружны!!! — закричал Карлос.

— Тихо! Здесь сильный резонанс. Не следует их предупреждать, они скоро сами явятся. У нас нет выбора. Надо дождаться, пока зайдут один или двое, сделать вид, будто мы все еще скованы, а потом напасть на них, — предложил Колин.

— Вы шутите!

— Карлос, повторяю: мы тебя не заставляем. Можешь остаться в тылу. Но я не хочу покорно ждать, пока они будут играть со мной и решать, жить мне или нет.

Было решено атаковать тюремщиков в следующий раз, когда они спустятся в трюм. А пока каждый занял свое место. Общались они друг с другом взглядами, полными сострадания, понимания и страха. Взглядами обычных людей, попавших в необычные условия. Еще оставалась надежда проснуться от этого кошмарного сна. Карлос плакал, понимая, что должен рискнуть, если хочет остаться в живых. По его щекам катились слезы, он плакал о своей молодости и от несправедливости. Что у них оставалось от прошлой жизни? Никто этого не знал. Полумрак

трюма, пробивающийся снаружи слабый свет, проникающая внутрь сырость — все это напоминало им, что будущее таит в себе шанс на спасение.

Через некоторое время, показавшееся им бесконечным, дверь наконец открылась. Один охранник спустился в трюм, подошел к ним и смерил презрительным взглядом. Колин сдерживался, чтобы не наброситься на него сразу. Следовало дождаться, когда тот отвлечется, и, главное, навалиться на него всем одновременно. Остальные трое узников смотрели на него, ожидая условного знака. Колин воспользовался моментом, когда охранник нагнулся за мисками. Он шевельнул правой рукой, и все разом вскочили, даже Рашель, хотя она и осталась в стороне от схватки. Колин взял из ящика все инструменты, чтобы использовать их в качестве оружия. Бой был недолгим, человек в черном рухнул без сознания. Четверо союзников заткнули ему рот импровизированным кляпом из валявшихся на полу грязных тряпок и связали веревками, найденными в шкафу. Колин обыскал его и забрал пистолет.

— А что дальше? — спросил Карлос, который теперь дрожал не так сильно.

Колину было трудно осознать, что он пустился сам и втянул всех в опасную авантюру, дать задний ход уже невозможно. Острота ситуации заставляла его сохранять спокойствие. Обращенные на него взгляды говорили о доверии, завоеванном им у товарищей на первом этапе, который он, Колин, так успешно организовал и осуществил.

Над ними была неизвестность. Колин и Адгик пошли первыми по лестнице, ведущей на палубу. Выход закрывал люк. Колин прижался к нему ухом, но шум волн и ветра заглушал все прочие звуки. Единственным вариантом было поднять металлическую крышку миллиметр за миллиметром, чтобы избежать ненужного скрипа. Снаружи был такой сильный ветер, что один его порыв, ворвавшийся в щель приподнятой крышки, едва не свалил Колина с ног. Он удержался в самый последний момент и, слыша, как колотится в груди сердце, осмотрел огромную палубу. Один мужчина стоял, ухватившись за леер, приближались шаги второго. Колин опустил крышку и жестом показал товарищам, что ситуация не столь плоха, как можно было бы опасаться.

— Я открою и выйду, — шепнул он. — Единственный способ от них спрятаться — сразу

броситься налево. Думаю, сработает. Но выбираться надо по одному. Осторожнее с крышкой: она скрипит. Ты в порядке? — обратился он к Рашель, которая вся дрожала. Та ответила кивком и распрямилась.

Каждый подтвердил кивком, что все понял.

Он снова открыл люк, выбрался на палубу, опустил крышку на место и спрятался за огромный ящик. Оказавшись снаружи, он скорректировал первые наблюдения. Один человек находился на корме, второй — на уровне люков. Судно крупных размеров, но не огромное, не один из тех длиннющих супертанкеров, что показывают по телевизору. Пост управления должен находиться на верхней палубе, которую с того места, где находился Колин, не было видно. Рашель присоединилась к нему первой. Качка делала перемещение по палубе затруднительным. Вокруг, насколько доставал взгляд, было море. Прибежал встревоженный Адгик.

— Карлос, похоже, струсил.

— Да что он возится, черт возьми?

Карлос все не появлялся. Оставлять его одного было слишком опасно. Колин хотел вернуться, но Адгик удержал его:

— Подожди!

Один из охранников приближался к ним.

— Эй! Иди сюда! Что ты там скучаешь? — крикнул он, обращаясь к напарнику, находившемуся на противоположном борту.

— Что?! Я из-за ветра ничего не слышу.

Пока охранник поворачивался, скрипнула крышка люка. Казалось, только Колин услышал этот звук в реве стихии. Появилось испуганное лицо Карлоса. Он быстро выбрался наружу, поскользнулся и с глухим стуком упал на палубу. Колин затаил дыхание. Двое охранников уже стояли рядом.

— Что это был за шум?

— Понятия не имею.

Карлос не двигался, лежа плашмя на мокрой палубе, а охранник опасно приближался к нему. Если потерять эффект внезапности, они окажутся в проигрышном положении. Колин решил опередить врага и, увлекая за собой товарищей, рванулся вперед. Они выскочили, размахивая своим импровизированным оружием. Нападение было внезапным, и, хотя их неопытность бросалась в глаза, она компенсировалась желанием жить. Этот охранник был быстро оглушен, но Колин оказался в затруднительной ситуации. Он напал на последнего моряка, для которого

корабль был вторым домом, и сумел нанести ему удар рукояткой пистолета по голове. Но тот не потерял сознание и, падая, увлек в падение и подмял под себя Колина. Тот отбивался, но силы были неравны. Почти обездвиженный, он, как мог, уклонялся от ударов охранника, слабо отбиваясь. Противник заметил, что Колин не один и что двое его товарищей приближаются. Он схватил Колина за запястье правой руки, заставил подняться и поставил его перед собой, заломив руку за спину. Другой рукой он выхватил свой собственный пистолет и приставил его к шее Колина:

— Если приблизитесь, я обещаю вам шикарное зрелище.

Соотношение сил изменилось.

— Бросайте оружие. Живо! — завопил охранник.

Двое взбунтовавшихся узников подчинились, не сводя с него взгляда. Каким-то шестым чувством охранник догадался, что эти взгляды не такие покорные, как ему бы хотелось. Но когда он обернулся, было уже слишком поздно. Карлос ударом слева направо обрушил на его голову обрезок металлической трубы, который подобрал по пути. Охранник рухнул. Молодой человек

остался стоять неподвижно, уронив руки, глядя в пол. Медленная качка корабля делала атмосферу еще более тягостной.

— Надо заткнуть ему рот кляпом, связать и отправить в трюм, — приказал Колин, придя в себя после того, как уже решил, что окончательно проиграл свой последний бой.

Выполнить то, что он сказал, оказалось делом трудным из-за качки и мокрой палубы. Они решили, что двое из них останутся на палубе, а остальные двое спустят тело. Труднее всего было идти по ступенькам, ведущим в трюм, но они не собирались сбрасывать охранников с высоты, потому что те могли разбиться насмерть, несмотря на пережитые страдания, они не хотели нести смерть кому бы то ни было, но никто не проверял, живы ли они. Для того чтобы утащить второго, они поменялись ролями.

Решив эту проблему, четверо товарищей обсудили, что им делать дальше. Никто не знал, сколько людей осталось на судне. По меньшей мере, еще капитан, возможно, и его помощник. У них не было иного выбора, кроме как подняться на мостик и захватить управление над кораблем. Колин пошел первым. Они шли гуськом, сжимая свое оружие, стараясь оставаться незамеченны-

ми. Даже Рашель вооружилась отверткой. Она явно не имела к этому привычки, но Колин был убежден, что в случае чего она сможет за себя постоять. Рулевая рубка находилась на возвышении. Попасть в нее можно было по металлической лестнице с левого борта. Была видна фуражка капитана. Он казался совершенно спокойным. Адгик жестами показал, что хочет проверить, нет ли на корабле еще одного охранника. Он вышел из колонны и спрятался за сваленными в кучу сетями. Трое его спутников напряженно ждали. Он сделал им знак, что других людей рядом не видно. Тогда они решили подняться в рубку. Когда они ворвались в нее с оружием в руках, капитан отшатнулся и поднял руки.

— Кто… Кто вы? — спросил он на австралийском английском, не оставлявшем никаких сомнений относительно его национальности.

Взгляд четырех пленников явно вверг его в ужас.

— Куда вы нас везете? — угрожающе спросил Колин.

— Я… Я не знаю.

— Как это?

— Я только выполняю инструкции.

— И не знаешь пункта назначения?

— Нет, мы много раз меняли курс.

— Кто эти люди? Сколько их?

— Трое, их трое, но больше я ничего не знаю. Они угрожали мне оружием. У меня не было выбора.

У Колина не было никаких оснований ему не верить.

— Ну и где мы сейчас находимся? — спросил он уже не так агрессивно.

— Где-то между Австралией и Индонезией.

— А откуда мы вышли?

— Дарвин, Австралия.

— Покажи мне карту, — велел Колин.

Настороженный капитан подчинился. Он подошел к пульту управления, взял свернутую в трубку карту и протянул Колину. Тот осторожно развернул ее. Она выглядела старой, кое-где на сгибах протерлась до дыр.

— Куда мы направляемся?

Капитан ткнул пальцем в точку в океане и провел им в направлении Индонезии, о которой упомянул раньше.

— У нас хватит горючего, чтобы доплыть до берега?

— Не знаю.

— Как это?

— Я ничего не знаю. У меня есть несколько бочек, но мы много раз поворачивали, так что в них мало что осталось.

— Но это невозможно. Существует же какой-нибудь остров, место назначения.

— Нет, насколько я знаю.

Карлос начал терять терпение. Он, нашедший в себе силы, чтобы вступить в схватку и спасти Колина, вдруг почувствовал себя на грани паники. Он тяжело дышал, переминался с ноги на ногу, что-то непрерывно бормотал.

— Так что, мы так и будем болтаться посреди моря, да? Так, да? — закричал он. — И все ради этого? Я, возможно, убил человека, и вот…

— Замолчи! — рявкнул на него Адгик, схватил за руку и отвел в сторону, чтобы успокоить.

— У них наверняка был план, — продолжил Колин.

Логика рассуждений была призвана успокоить окружающих, но ее не хватало. Ситуация выходила из-под контроля.

— А пока возьмите курс на ближайшую сушу. Пока есть горючее, будем двигаться, за это время придумаем, что делать дальше. Как работает радио?

— Они заменили судовую рацию своей. Частота

зашифрована и поменять ее невозможно. Я пытался, но ничего не получается.

Решение непременно должны были знать *новые* пленные. Колин велел Адгику следить за капитаном и спустился в трюм. Снаружи Карлос и Рашель продолжали наблюдать за главной палубой.

В трюме двое охранников очнулись и безуспешно пытались освободиться. Увидев приближающегося Колина, они замычали в свои кляпы, угрожающе выпучив глаза. Колин, не обращая на них внимания, подошел к третьему, который лежал неподвижно. Он поднял его и обратил внимание на то, что все мускулы охранника остались расслабленными. Несколько раз хлестнув его по щекам, он понял: тот мертв. Наверное, удар был слишком сильным. Из раны на линии, где заканчивались волосы, все еще сочилась кровь. Обстановка не слишком способствовала сожалению, да и вид мертвого врага для бывшего солдата был почти нормальным. И все же Колин испытывал неприятное чувство, глядя на тело, из которого ушла жизнь. В этом была какая-то противоестественность. Колин, до того управлявший ситуацией, почувствовал, что она вышла из-под контроля. При виде этого неподвижного

тела он испытал шок. Мирная жизнь и лекции в университете остались где-то далеко. Он взял себя в руки. Он прогнал сострадание из взгляда, ставшего жестким и непримиримым. Двое оставшихся в живых охранников. Один, выплюнув кляп, заорал, что убьет его и всю его семью. Колин молчал, давая ему выкричаться.

— Куда вы направлялись?

Молчание.

— Куда вы направлялись?

Молчание. Колин четко и угрожающе произнес:

— Решение простое. Мы находимся в открытом море, у нас недостаточно горючего для того, чтобы добраться до ближайшей суши. Так что или вы скажете мне, что собирались делать, или я прямо сейчас вышвырну вас за борт. И в этом случае желаю вам мужества.

Реакция была заметна. Охранники переглянулись, вдруг приняв тот факт, что соотношение сил поменялось.

— Мы должны встретиться в море с другим судном и перейти на его борт.

— Где?

— Я мог бы показать вам на карте.

Колин сомневался, стоит ли развязывать этого

человека. Но от него зависела жизнь их всех.

— Ладно. Я развяжу вам ноги. Один ваш товарищ умер, и я без малейших колебаний прикончу второго, — пригрозил Колин, который сам не верил, что играет роль безжалостного, почти кровожадного человека.

Охранник кивнул. Колин собирался задать ему десятки вопросов, но не хотел терять темп. Он сосредоточился на настоящем моменте. Когда они будут знать больше, они смогут поискать ответы на вопросы. И принять решение. Они вдвоем прошли в рубку. Карлос, казалось, успокоился.

— Они якобы должны были пересесть на другой корабль. Он нам покажет — где.

Пленный подошел к карте, несколько мгновений изучал ее и указал подбородком одну точку.

— Что за судно нас ждет? Сколько на нем людей?

— Не знаю. Моя задача была доставить вас на это судно. Большинство наших из Мисти рассеялись кто куда.

— Мисти?

Пленный отшатнулся, поняв, что сболтнул лишнего. Он отвернулся и замолчал.

— Что такое Мисти?

— Название… ранчо.

— То, где нас держали?

— Да.

— Что вы там делали?

— Я не задаю вопросов. Я выполняю свою работу. Меня наняли охранником. Я не стремлюсь понять.

Колину было страшно идти на встречу с другим судном, хотя это казалось единственным возможным решением. Он не любил, когда ему не оставляли выбора.

— Тогда курс на место встречи. Дальше будет видно. Сколько у нас времени?

— Примерно полтора дня, — ответил капитан.

— Адгик, отведи его в трюм и хорошенько свяжи. Кстати, один из них мертв.

Все удивленно переглянулись. Но Колин продолжал, желая побыстрее проскочить эту новость, чтобы она затерялась среди других и не произвела сильного впечатления. Он знал, что смерть может настичь их всех, так что лучше отвлечь внимание товарищей.

Затем они отправились на поиски продовольствия. Капитан указал им на большой шкаф. Ассортимент был небогатым, но количество достаточным: фасоль, рыбный суп, галеты. Вечером они поужинали молча в рулевой рубке, а потом

Колин отнес остатки еды пленным. Корабль легко шел вперед по спокойному морю.

Поднявшись в рубку, Колин решил нарушить молчание и организовать дежурство при капитане, которому нельзя было оставлять свободу действий. Их ждал неспокойный сон, и действительно, ни одному из них так и не удалось отдохнуть. Все они прошли так близко от смерти, да и окончание этой авантюры казалось еще далеким, а на пути множество препятствий, с которыми они никогда прежде не сталкивались. В первую вахту была назначена Рашель, но Колин решил не оставлять ее одну. Рулевую рубку окутывали сгущающиеся сумерки.

— Мы выберемся. Непременно.

Молодая женщина посмотрела на него, словно благодаря за веру в нее:

— Мне никак не дает покоя вопрос: какой была моя жизнь до того момента, как я очнулась в заточении? Что осталось у меня в прошлом?

— Мы должны сосредоточиться на нынешнем моменте, а когда освободимся окончательно, тогда поищем.

— Мы? — удивленно переспросила она.

— После того, что пережили, мы вряд ли легко расстанемся. Тем более ты не знаешь, куда идти.

Через два часа Колин продолжил вахту один, ожидая, когда проснется Адгик. А потом, вместо того чтобы лечь, он воспользовался спокойным моментом для изучения карты, видя, как приближается место рандеву.

Вместо того чтобы вступать в неравный бой, надо будет выдать встречающим четырех пленных, которых те ждали. Ну, а что потом? Их надежда основывалась на том, что те, кто будут их ждать, не знают их в лицо. Убежденный, что другого решения нет, Колин на рассвете связал капитана и заткнул ему рот кляпом. Потом он поспешил разбудить своих товарищей и изложить им свой план: обменяться одеждой с людьми в черном и сыграть ва-банк. Это вынуждало их рискнуть жизнью капитана, но, в конце концов, он ведь согласился перевозить их. Единственный риск заключался в Рашель, потому что они никак не могли объяснить присутствие женщины среди них, в то время как ее ожидали в качестве заложницы. Колин объяснил ей, что она должна во что бы то ни стало выдать себя за мужчину, держаться на втором плане и не вступать ни в какие разговоры.

Вплоть до встречи Карлос встанет к штурвалу, используя некоторые представления об управле-

нии судном, достаточные для того, чтобы следить за примитивными навигационными приборами. В дополнение к кляпам они изготовили мешки, чтобы скрыть под ними лица пленных. Те никак не должны были предупредить встречающих. Роли переменились. Каждый повторял немногочисленные обрывки информации, которые им удалось получить. Оставалось пройти каких-нибудь тридцать миль, скоро уже десять, потом пять. Как и ожидалось, они увидели корабль, неподвижно стоящий в открытом море. Карлос убавил скорость. Их ждали пять человек.

***Лондон, ЦПС.***

***15.30***

В ожидании сведения воедино информации, полученной ею от Тома Лоутона и Уэйна, а также надеясь, что будут проанализированы три профиля на «Фейсбуке», идентифицированные как принадлежащие предполагаемым заложникам, Клара решила сосредоточить внимание на Колине Стирле, чье присутствие среди заложников вызывало много вопросов.

Но сначала она зарегистрировалась на сайте www.albanm.net. Сделать это было так же просто, как на любом коммерческом сайте. И главное, он повторял их правила: чтобы получить воз-

можность голосовать, надо было указать свой электронный адрес, а потом принять общие условия использования, которые Альбан М. составил с ноткой цинизма: «Нажимая сюда, я объявляю, что прочитал общие условия использования сайта и соглашаюсь получать электронные письма с целью спасти друга».

Внизу главной страницы счетчик показывал число зарегистрировавшихся пользователей, уже около 600 000. Каждая деталь напоминала пользователям хорошо знакомое им оформление интернет-сайтов. Количество зарегистрировавшихся участников и группа были сильными рычагами социальных сетей. Альбану М. удалось разжечь любопытство публики и ее желание напрямую присутствовать при страшном событии. Кроме того, Альбан М. сделал так, что люди могли и наблюдать за подготовленными им поворотами сюжета, и участвовать в них; сайт можно было визуализировать на одном из пяти языков — английском, испанском, французском, арабском и китайском. Это была новая форма реалити-шоу эпохи новейших технологий.

Возможно, существовал способ остановить это постоянно обновляющееся голосование за смерть? Клара отправила по электронке письмо

Дэни, чтобы тот нашел, где базируется этот сайт. Она помнила, как был заблокирован один сайт на MEGAUPLOAD с изображенным на главной странице логотипом ФБР со стилизованными тюремными атрибутами. Однако для достижения этого результата потребовалось много месяцев усилий. Клара думала только о чисто техническом аспекте вопроса; никакие юридические действия не могли быть эффективными, учитывая ту гонку со временем, которую навязал им Альбан М.

Ей хотелось поскорее получить результат, и она нервничала от того, что нет ответа от Дэни. Она позвонила ему по телефону, но после пяти гудков сработал автоответчик молодого человека. Нетерпение заставило ее встать и пройти несколько метров, отделявшие кабинет от опенспейса, где работал Дэни. Его стул был пуст. Она посмотрела по сторонам и встретилась взглядом с одним из аналитиков, который снял наушники:

— Он вышел. Где-то с полчаса назад.

— А куда? — спросила Клара, злясь из-за того, что он не предупредил ее.

— Не знаю.

— Как это? У нас тут в разгаре кризис общенационального масштаба, а вы позволяете одному

из наших сотрудников отлучаться, не спросив, куда он направляется!

— Но…

— Довольно! Найдите мне его. И точка. Всё, — отрезала Клара.

Она позвонила ему на мобильный. Безрезультатно.

Одновременно Клара старалась следить за медийным освещением дела. Интернет-сайты газет продолжали сообщать известную информацию и, главное, результаты голосования в прямом эфире. Фото каждого заложника и количество набранных им голосов постоянно показывали на различных телеканалах. Форумы и блоги вне зависимости от своей темы — женская мода, кулинария или медицина — все равно находили связь — порой притягивая ее за уши, — с захватом заложников в Интернете.

Кризис усиливался, как и тревога Клары, потому что у Альбана М. стали появляться фаны, радовавшиеся неудачам полиции. Старая песня о беспомощности полицейских звучала все громче и настойчивее. Также Клара констатировала зарождение какого-то зловещего удовольствия, которому предавались СМИ. В этой истории соединились все элементы хорошего триллера:

таинственность, напряженный сюжет, смерть, шокирующие картинки. Закрыв все окна на своем компьютере, она поняла, что с новыми средствами коммуникации этот захват заложников сумасшедшим получил в СМИ такое же освещение, как падение Берлинской стены, теракты 11 сентября 2001 года или арабские революции; все это теперь было поставлено в один ряд. Термин «телереальность» приобрел в ее мозгу свой полный смысл… И вдруг в 17.00 на главной странице сайта www.albanm.net появилось объявление: «ЭРИК НАБРАЛ НАИМЕНЬШЕЕ ЧИСЛО ГОЛОСОВ, ПОЭТОМУ ЕГО С НАМИ БОЛЬШЕ НЕТ, — ЖДИТЕ ВИДЕО…»

# Глава 6

***Лондонское бюро ЦПС.***
***Непривычная тишина.***
***17.00***

«ЭРИК НАБРАЛ НАИМЕНЬШЕЕ ЧИСЛО ГОЛОСОВ, ПОЭТОМУ ЕГО С НАМИ БОЛЬШЕ НЕТ, — ЖДИТЕ ВИДЕО…»

Специальные службы признали свое бессилие.

«Места преступления нет, требования не выдвинуты, переговоры невозможны». Клара постоянно повторяла эту формулу. Захват заложников должен был иметь какой-то смысл, который пока что от нее ускользал: Альбан М. мастерски руководил организованной им постановкой, он завладел вниманием широкой публики, сумел его удержать, а затем усилить. Но какова была его конечная цель? Клара не верила в акцию психопата-одиночки. Этот виртуальный захват заложников приобрел такой размах и встретил такой отклик в СМИ и среди широкой публики, что Альбан М. не мог не добиваться какой-то конкретной цели.

Клара внимательно наблюдала за процессом

голосования. Каждому заложнику был присвоен «рейтинг популярности», менявшийся в зависимости от количества поданных за него голосов. Счетчик указывал количество проголосовавших, а маленькая заметка на экране показывала день и час последнего обновления. Было очевидно, что голосование идет практически в реальном времени, чтобы побудить интернет-пользователей почаще проверять ход голосования. Речь шла о спасении жизни того или иного кандидата, и каждого побуждали обращаться к своим знакомым с просьбой тоже проголосовать, чтобы спасти своего «любимого» кандидата. Альбан М. играл, используя все приемы интернет-маркетинга, привычные широкой публике. Под фотографией каждого заложника были видны логотипы, призывающие «поделиться» с «друзьями» информацией в социальных сетях. Каждый мог отправить имейл с приглашением сразу всем контактам, зарегистрированным в его собственном почтовом ящике.

Потом Альбан М. изменил правила игры. За час до окончания голосования обновление рейтингов в режиме реального времени было прекращено. Тревога и возбуждение публики усилились; стало невозможно узнать, каковы шансы любимого

кандидата остаться в живых. Кто умрет, а кто останется жить? Интернет-пользователям оставалось действовать вслепую и удвоить усилия по приглашению друзей принять участие в голосовании. За пятнадцать минут число голосующих удвоилось.

Теоретически весь этот механизм забуксовал, если бы никто не стал голосовать. Но достаточно было хоть одному подать свой голос, и игра началась, втягивая тысячи людей.

«Эрик набрал наименьшее число голосов, поэтому его с нами больше нет, — ждите видео…»

Клара была озадачена, ей никак не удавалось составить психологический профиль человека, способного на такой цинизм. Психиатр, работавший по делу, представил ей свое предварительное заключение. В нем рассматривались многочисленные варианты: одиночка с очень высоким уровнем интеллекта — этакий симбиоз Ганнибала Лектера и фаната видеоигр, переставшего различать реальный и виртуальный миры, но также возможно было, что это террористическая группировка религиозной направленности, идеалисты-антикапиталисты и даже ирландские сепаратисты, занявшие место в самом конце предложенного списка…

Кларе наиболее вероятным казался вариант с психически ненормальным преступником-одиночкой, обладающим высоким интеллектом. Все специальные службы, уголовная полиция и пользователи спотыкались об отсутствие требований и невозможность вступления в контакт с ним. У Клары было предчувствие, что Альбан М. сообщит свои требования как-то иначе; ей хотелось верить, что то, что все наблюдали в Сети, было лишь демонстрацией. Она начала излагать эту идею своему начальнику, но он ее почти сразу перебил. Джеймсу Маклейну нужны были факты, реальные следы, ведущие к преступнику. Он требовал улик, которые мог бы предъявить своему руководству. Пока что все поиски, проводившиеся ЦПС, не дали ровным счетом ничего. Никаких электронных следов в Интернете, никаких попыток выхода на контакт по телефону, что не оставляло надежды ухватиться за ниточку и размотать весь клубок.

«…ждите видео…» Клара воображала себе публику: каждый в одиночестве сидит, уставившись в экран компьютера или смартфона. Власти, обязанные охранять покой населения, в деле Альбана М. не могли ничего сделать, чтобы помешать людям заходить на его сайт в Интернете.

ЦПС не удалось выявить сервер, на котором находился этот сайт. Клара, так же как и ее группа, начала чувствовать свое полное бессилие. Одни предположения. Ее раздражало то, что она, как и обычные пользователи, вынуждена сидеть и ждать. Ей необходимо было все еще раз обдумать и взвесить. Требовался спарринг-партнер, чтобы обсудить ситуацию. И тут появился Дэни.

— Ты где был? Я десять раз звонила тебе на мобильный! В кризисной ситуации ты не можешь уходить со службы, никого не предупредив. Что на тебя нашло? Это дело — самое сложное из всех, которыми мы до сих пор занимались, а ты уходишь, не сказав никому ни слова!

— Извини.

Молодой человек старался не смотреть в глаза Кларе.

— Мне этого мало. Я хочу услышать ответ. Если я не могу тебе доверять, то должна знать об этом.

— Нет, уверяю тебя, все нормально.

Поскольку Клара молчала и пристально смотрела на него, он смущенно добавил:

— Мне сложно объяснить. Это никак не связано с работой. Личное дело.

— Я не хочу, чтобы ты впредь уходил, не предупредив меня, ясно? Мне необходимо знать,

находится ли видео, которое скоро выложат в сеть, на сервере, к которому мы можем получить доступ. Мне необходимы результаты, Дэни.

Молодой человек воспользовался случаем, чтобы немного смягчить удар:

— Я как раз хотел с тобой поговорить о том, что я обнаружил в «темной паутине».

— Это продолжение «глубокой паутины»?

Нет, в действительности это одно и то же, но темная гораздо более опасная! Короче, в этом Интернете, затерянном в переплетениях сетей, все работает точно так же, как во всем знакомом Гугле, не считая того, что запросы и результаты не имеют ничего общего с ним. Ты можешь заказать оружие или наркотики, купить услуги киллера или нанять группу наемников для террористической акции, найти любителей каннибализма. И все эти операции к тому же защищены, поскольку они производятся при помощи виртуальных денег — биткойна.

— И мы следим за этой сетью? Я полагала, что это невозможно.

— Так и есть. Все организовано таким образом, чтобы никто не оставлял постоянные следы. Место без памяти.

— Какая связь с нашим делом?

— Как раз к этому я подхожу. Вот уже много месяцев, как я занял в этом кругу свое место. И представь себе, там всплыло имя Альбана М.

— Что?! Где?

— На скрытом форуме. Он пытался набирать людей для большой операции и купить «подарок» за несколько сотен тысяч евро. Но в данный момент невозможно установить, что конкретно он затевал.

Дэни не успел продолжить, потому что лицо Клары изменилось. Она увидела на экране новый видеоролик. В опенспейсе установилась полная тишина. У каждого перед глазами было то же, что видела она. Клара включила колонки на полную мощность, хотя до сих пор ролики были без звука.

Это была копия первой казни. Та же тревога в глазах жертвы, та же четкость в движениях, та же беззвучность и тот же удар пули.

Изменилась лишь последняя фраза: «Второго вы могли спасти».

Альбан М. умел управлять тревогой аудитории; он не хотел лишиться внимания публики: теперь снова можно было голосовать, чтобы спасти оставшихся заложников.

***В Индийском океане. Рассвет. Не видно ни-***

***какой***

***земли — только слегка выгнутый горизонт.***

***Два судна***

Два судна сблизились достаточно, чтобы Колину и его товарищам бросили конец. Адгик схватил его и, как мог, произвел швартовку — его познания в морских узлах были крайне ограничены. Колин наблюдал за действиями мужчин со второго судна, более легкого и меньших размеров, чем то, на котором находились он и его товарищи. Так было легче остаться незаметным и уйти от возможной погони. Если бы они заметили подмену заложников, ситуация приняла бы очень опасный оборот. Двое мужчин принесли деревянный мостик, который аккуратно установили, а остальные двое быстро спустились в трюм. Последний, самый высокий и единственный, кто открыто носил оружие, стоял прямо перед ними, готовый к любой неожиданности. Он жестом пригласил их перейти на борт. Хотя штиль позволял им говорить, даже не повышая голоса, поначалу все происходило в полном молчании. Колин подошел и жестами объяснил, что им надо сходить за пленными. Карлос и Адгик взялись за эту работу, несмотря на то что Карлос весь трясся. Колин не

сводил с него глаз и, ощущая, что живот сжался от страха, ждал несколько минут, показавшихся ему бесконечными. Напротив него стояли пять человек. Их замкнутые худощавые лица казались почти одинаковыми. Отличался только главный, чья резко выступающая вперед челюсть придавала ему особенно враждебный вид.

Казалось, что эти пятеро составляют весь экипаж. Наконец, появился Карлос, идущий во главе процессии. За ним трое связанных мужчин с мешками на головах. Колин принял их у него и проводил до деревянного мостика. Едва они ступили на палубу второго судна, как он вздрогнул от жестко легшей ему на плечо руки.

— Их всего трое. Где четвертый? — спросил вооруженный человек, казавшийся главным.

— Умер, — лаконично ответил Колин.

— Боссу это не понравится.

— Мы чуть не потеряли контроль над судном, так что, думаю, он удовольствуется этим, — объяснил Колин, играя роль человека, мало расположенного к тому, чтобы его отчитывали.

— Подожди.

Человек отошел от него и несколько секунд тихо о чем-то разговаривал с одним из своих коллег. Может быть, они разгадали их хитрость?

— Ладно, отвечать придется вам. Наша задача привезти вас, остальное меня не интересует.

Колин передал его слова своим товарищам, а тем временем троих пленных, которые отчаянно вырывались, успокоили ударами металлического прута по голове и оттащили в трюм.

— А сейчас надо перетащить все необходимое для уборки.

— Для уборки?

— Да, чтобы пустой корабль не болтался по морю.

Все выстроились в цепочку, чтобы переправить на борт ящики со взрывчаткой, которой было достаточно, чтобы утопить судно и окончательно убить надежду Колина, рассчитывавшего, что им дадут горючее для продолжения пути. Он вспомнил ощущения времен военной службы, напряжение перед видом оружия, даже если оно не направлено на тебя самого. В их планы не входило сопровождать похитителей, такое развитие событий делало их задачу еще более трудной. Им придется находиться рядом с ними, разговаривать, не имея никакой информации. Убежать же от этих людей, явно прекрасно подготовленных, представлялось невозможным. Вдруг Колин заметил, что Карлос как-то странно

роется в ящике со взрывчаткой. Он естественным жестом показал, что поднимется на корабль:

— Я помогу делать уборку.

Он взглядом успокоил Карлоса и Адгика и подошел к молодому человеку:

— Какого черта ты тут возишься?

— Я не позволю им нас прикончить.

— Кончай молоть чушь. Что ты собираешься делать? Забросать их взрывчаткой? Без горючего мы будем дрейфовать в открытом океане. Подумай, наш единственный шанс — перейти на их корабль, — попытался Колин урезонить парня, забирая у него из рук головые шашки.

Карлос разжал пальцы и подчинился решению Колина. Тем временем труп убитого охранника тоже был перенесен в трюм второго корабля.

— Давайте поджигайте, и отчаливаем, — приказали им.

Как только все перешли на борт меньшего судна, оно тут же двинулось в путь.

Они проделали всего несколько миль, когда прогремел глухой взрыв. Сухогруз превратился в факел, разломился посередине корпуса и скоро скрылся под водой.

— Проходите сюда!

Один из пятерки проводил их в узкую каюту

без удобств, но позволявшую им держаться вместе и в стороне от остальных. Однако залог их выживания находился за ее пределами, там, где были пленные. Корабль был небольшим. Чтобы обнаружить подмену, экипажу потребовалось бы немного времени — до первого же приноса пищи, хотя Колин и много рассказывал им об опасности этих «заложников».

— Мы должны взять дело в свои руки. Ни один заложник не должен заговорить. Это станет нашим смертным приговором.

Ответом Колину стало тягостное молчание — признак страха и крайней усталости.

— Да реагируйте же, черт побери! Я знаю, что положение опасное, но я не хочу, чтобы мы упустили наш шанс без борьбы. Понятно? Через несколько минут я выйду и попытаюсь добраться до пленных. Но прежде я хочу, чтобы мы договорились об условном знаке.

— Знаке? — переспросил удивленный Карлос.

— Да, если один из нас сочтет, что ситуация выходит из-под контроля, он подаст остальным знак бежать. И тогда каждый за себя.

— Можно просто направить указательный палец в направлении горизонта, — предложила Рашель.

— Да, почему бы нет. Все согласны? Отлично, это может спасти нам жизнь.

Колин вышел из каюты и направился в кают-компанию. В обстановке комнаты не было ничего необычного. Простой, сильно обшарпанный деревянный стол. На стенах в рамках фотографии старинных кораблей. Тип с выступающей вперед челюстью раскладывал пасьянс. Его пистолет лежал возле правой руки. Колин с сосредоточенным видом оперся спиной о дверной косяк.

— В чем дело? — спросил Челюсть, не отрывая взгляда от карт и собираясь начать игру.

— Вы прибыли чуть раньше. Мы только начали допрашивать пленных, — заявил Колин без колебаний.

— А чего их допрашивать?

— Таков приказ. Мисти пришлось разрушить, а это никому не понравилось.

При этом названии его собеседник бросил карты и резко повернулся.

— Что вам об этом известно? — недовольно спросил он.

— Да, в общем, ничего. Только то, что мне сказали. Но у пленных есть какая-то информация, я уверен. И хочу закончить то, что начал. Мы оба знаем, насколько это важно. Если откажете, я

вас выгораживать не стану. — Колин намеренно придал своему тону особую жесткость, чтобы навязать свое мнение. — Я могу продолжить давить на них. Они не должны вступать в контакт ни с кем, кроме меня!

Его собеседник раздраженно посмотрел на него. Этому человеку было лет тридцать, у него были сальные волосы, побелевшие от солнца и морской соли. После слов Колина конфронтация между ними несколько минут ощущалась почти физически. Пристально глядя на Колина, он наконец проронил:

— О'кей. Идите. В любом случае у меня много дел. Но вы не имеете права на ошибку. Один покойник — уже много, и я не хочу за это отвечать. Мы должны их доставить живыми, а каждый стоит сумму со многими нулями.

Так впервые Колин узнал, что с ним собирались делать. Продать на вес золота. Ему было непонятно, как он может стоить так дорого. Ведь не могли до такой степени заинтересовать кого-то его знания по предмету, по которому он читал лекции в университете? Может быть, какой-то шантаж вооруженными бандами правительства? Да, его жизнь чего-то стоила. Но кто стоял в конце цепочки? Пазл, в котором он жил несколько

недель, — по крайней мере, сам он так оценивал время, проведенное в заточении, — еще не сложился, но количество деталей постоянно увеличивалось.

— Когда мы прибудем на место?

— Через три дня.

Колин хотел было спросить — куда, но сдержался.

Следующие три дня он приносил пленникам еду и придумывал какую-нибудь новую информацию, якобы полученную от них. «Мы охранники, мы на их стороне. Это вы должны повторять себе постоянно», — не уставал Колин втолковывать своим товарищам.

В четвертую ночь Колина разбудили необычные звуки на палубе. Он прислушался и понял, что члены экипажа готовят надувные лодки. Колин соскочил с койки и быстро разбудил троих своих товарищей, чтобы все вышли на палубу. Челюсть присматривал за остальным экипажем, готовившимся погрузиться на лодки.

— Подходим. Теперь ни звука.

Землю пока еще не было видно. Их обволакивала тишина, едва нарушаемая соприкосновением корпуса судна с водой. Двигатель был выключен.

— Это место встречи? — осмелился шепотом

спросить Колин.

— Да. Остров Ниас.

Это название Колину ничего не говорило. Но ему не нравилась перспектива высадиться на остров. Возможности побега там были очень ограничены. Судно вздрогнуло и остановилось.

— Лодки здесь. Сначала спускайте пленных.

Все молча выстроились в цепочку и один за другим перешли в неустойчивые лодки. Главный покинул корабль последним. На воде соблюдалась полная тишина. Люди общались жестами, что позволяло Колину еще некоторое время играть свою роль.

На линии горизонта, справа, появились первые проблески рождающегося дня. Колин ожидал увидеть затерянный в океане крохотный островок, но тот оказался достаточно большим, и его края не были видны. Зато Колин увидел пышную растительность. Деревья с роскошными кронами тянулись к небу чуть ли не от кромки воды, создавая впечатление, что лес поглощает пляж.

Высадка на пустынный песчаный берег прошла четко и слаженно. Каково же было место назначения? Капитан корабля указал ему на точку на пляже. Там собирались все члены экипажа. Командир жестом приказал им ждать, а

сам показал, что уходит на разведку. Колин стоял не шевелясь. Он чувствовал жжение, вызванное выбросом кислоты в желудок, поднимавшееся до солнечного сплетения. Их прикрытие долго не продлится, пусть даже на пленников надеты мешки и никто пока что не задает им никаких вопросов. Он должен был узнать больше.

— Куда он пошел?

— Заткнись! Ждем. Точка.

Бывших заложников охватывала нервозность. В полумраке Колин различил две фигуры, направляющиеся к ним. Он съежился и немного сдвинулся в сторону, чтобы спрятать свое лицо.

— Ну, и где заложники?

— Вон те трое, с мешками на голове, — ответил Челюсть.

— Трое?!

— Да, с четвертым возникла небольшая проблема. Он мертв.

— Что? Вы называете это маленькой проблемой? Да вы хоть понимаете, что эти люди стоят больше, чем вы заработаете за всю вашу ничтожную жизнь?!

— Я знаю, но…

— Знаете? Хватит! Предупреждаю, что мне нужен будет виновный.

Колин узнал этот голос. Он видел этого человека в Мисти. Это означало, что некоторое количество охранников и, возможно, пленных из лагеря добралось сюда другим путем. Вариантов действий было очень мало, и Колина вновь охватил страх, потому что их уловка могла быть разоблачена в любой момент. Его ладони моментально стали влажными, дыхание участилось. Он мысленно начал считать, чтобы успокоиться.

— Кто отвечал за доставку этих людей?

— Он, вон тот.

Группа расступилась, и Колин оказался перед разговаривающими. У него было всего несколько секунд, чтобы воспользоваться эффектом внезапности. Как и было условлено с товарищами, он вытянул руку и молча показал пальцем куда-то вдаль, что удивило всех присутствующих, которые машинально повернулись в ту сторону, тем самым давая Колину возможность броситься к лесу, находившемуся в нескольких метрах от него, не глядя, следуют ли за ним другие. У него не было никакого плана, кроме одного: убежать как можно дальше от опасности.

— Догоните их!

Похитители тут же бросились в погоню, увязая в песке, что замедляло их бег. Некоторые выстре-

лили наугад вслед беглецам, но Колин продолжал свой бросок и достиг прикрытия деревьев довольно быстро, а потом постарался углубиться в чащу. Свет едва пробивался сквозь густую листву. Плотная растительность и коряги мешали бежать ему точно так же, как и его преследователям. В тот момент, когда он искал взглядом возможность спрятаться среди деревьев, его нога зацепилась за корень, и он с силой ударился головой о ствол дерева. Наступила темнота.

Комната, в которой Колин пришел в себя, была погружена в темноту. Глаза легко адаптировались, и он оглядел помещение. Сквозь ставни пробивался дневной свет. Напротив него стояла камера на треноге. Он не имел ни малейшего представления о том, какой сейчас день и час. Его руки были связаны за спиной. Рот заткнут платком. Дыхание было шумным и прерывистым. Он приподнялся и заметил, что рядом, в том же положении, что и он, находятся еще несколько человек. Никого из них он не знал в лицо. Один вырывался, пытаясь освободиться от пут. Что произошло? Колин вспомнил бегство по лесу на острове. Потом пошли разрозненные картинки, вспомнилось ощущение тошноты. Он снова увидел взлетную полосу, огромный грузовой

самолет, много людей вокруг, как будто он какой-то важный человек. Потом снова черная дыра. И больше ничего не удавалось вспомнить. Это новое место заточения вызывало меньше стресса и страха, хотя его положение было не слишком приятным. Он вспомнил Японию, отправную точку этой истории, невероятные свидетельские показания жены. Он подумал о своем адюльтере. Как это стало возможно? Почему он должен постоянно жить в страхе, в неуверенности? Он все отдал бы, чтобы увидеть рядом с собой кого-то или что-то, связанное с его повседневной жизнью, с самим Колином как с человеком. У него было такое чувство, что он превратился в марионетку, которая не знает даже, где она находится. Это чувство было хуже всех заточений.

В комнату вошел человек.

— Господа, мы сейчас начнем готовиться к игре.

***Агентство «Артандко», Лондон.***
***20.00***

Том ощущал огромную пустоту. Ему хотелось бы не вступать в игру, но сила воздействия видео была слишком велика, у него возникло ощущение, что, если он не примет в ней участия, он как бы сам нажмет на спусковой крючок. Он испытал

облегчение: Эразм был спасен. Последние часы Том посвятил тому, что убеждал своих знакомых голосовать. Многие из них передавали информацию своим знакомым. Несмотря на мрачность обстановки, люди участвовали. Это факт: игра, в которой ставка смерть, завораживает толпы.

В офисе, на улице и в метро Альбан М. был главным предметом разговоров. Потребовалось меньше суток, чтобы слухи широко распространились. Много раз Том слышал, как незнакомые люди употребляли выражение «возможность распоряжаться жизнью и смертью» и удивлялись неспособности полиции установить место, где удерживают заложников.

После убийства второго заложника СМИ принялись строить предположения относительно того, где обнаружат его труп. Журналисты придумывали самые разнообразные сценарии: одни полагали, что второе тело найдут в британской столице, как Свена, первого казненного заложника; другие — что тело найдут на другом конце света, чтобы запутать следователей и привлечь внимание публики. Тому хотелось верить, что все происходит в Лондоне, это увеличивало шансы найти след Эразма или, по крайней мере, установить, чем он занимался в последние дни.

Он не собирался сидеть за компьютером, ожидая развития событий. Он не хотел смириться с тем, что жизнь вдруг показала ему свою искривленную сторону.

Эразм в Лондоне. С чего начать? Мотаясь по всему свету, он давно уже не имел постоянного места жительства. Он всегда находил друга, дававшего ему приют. Когда они встречались в последний раз, чтобы попить пива, Эразм назначил встречу в «Конце света» в Кэмден-тауне. Он не сказал ничего конкретного о том, где живет, упомянул лишь, что живет в этом квартале у «приятеля». Это была единственная конкретная информация, за которую он мог зацепиться. Том отправил несколько писем сообществу друзей Эразма. За последние недели никто его не видел и не давал приюта.

Он попросил начальника разрешить ему в следующие три дня поработать дома, не сообщив никаких подробностей. В этом не было ничего исключительного, поскольку агентство «Артандко» предоставляло своим сотрудникам возможность работы на дому с одним условием: два дня в неделю отрабатывать в офисе. Также сотрудники могли сами определять продолжительность и время начала рабочего дня, что давало весьма

приличные результаты в плане эффективности и производительности труда.

Том стал просматривать список контактов в своем мобильном, надеясь найти человека, который мог бы ему помочь. Он остановился на одном имени: Дженни. У Эразма была с ней короткая связь, по его словам, «упущенный шанс», но эта история была прекрасной иллюстрацией того, что ненасытная жажда путешествий была у него сильнее готовности сделать над собой усилие и сохранить стабильные отношения с девушкой… Том записал ее номер в тот день, когда должен был встретиться с Эразмом в пабе. Его друг не имел не только квартиры, но и мобильного телефона, которые в его глазах были формой привязанности. Он всегда выкручивался, давая номер телефона кого-то из знакомых. Том улыбнулся при мысли о количестве номеров приятелей своего друга, которые он недавно стер из памяти телефона. Но не номер Дженни. Они встречались раза два или три, и в памяти Тома она осталась симпатичной девушкой, немного ушедшей в свой особый мир, но при этом очень неглупой, обладающей живым умом. Вполне возможно, что у нее были свежие новости. Он набрал номер, но попал на автоответчик.

— Добрый день, Дженни, это Том, друг Эразма. Надеюсь, ты меня помнишь. Мне надо поговорить с тобой по срочному делу. Пожалуйста, перезвони мне. Спасибо и до скорого.

Не имея никаких известий, он провел вечер на интернет-сайте Альбана М. в надежде на изменения, которых не произошло.

***Редакция «Морнинг трибюн».***

***При свете настольных ламп.***

***21.00***

Аксель Фостер, хозяин «Морнинг трибюн», уже несколько часов не выключал телевизор. Сидя в кресле, он продолжал следить за картинками, меняющимися на экране, находившемся в двух метрах от его стола. Он переключался с канала на канал, отмечая, что при каждом новом повторе показ видео с казнью заложника прерывается все позже и позже; наконец настал момент, когда один из каналов осмелился показать его полностью; остальные, в погоне за рейтингом, последовали данному примеру под предлогом права аудитории на абсолютную полноту и прозрачность информации. Тотчас же форумы и «Твиттер» оказались завалены комментариями о необходимости или недопустимости показа сцен насилия. Столь сильная реакция стимулировала

освещение дела в СМИ. Аксель Фостер вздохнул и просмотрел редакционную статью завтрашнего номера, принесенную ему полчаса назад. Она ему совершенно не понравилась: плоская, беззубая, нейтральная — «Серийные убийства в Интернете». Споры в редакции относительно манеры, в которой следует освещать это медийное событие, не дали результата. Никаких оригинальных идей. Им не хватало сенсационной информации для того, чтобы обойти прочие издания.

Развалившись за столом, уставившись в экран, хозяин газеты испытывал глубокое разочарование. Впервые за много лет он не мог раскрыть загадки криминальной истории; он понимал, что Альбан М. контролирует все, а он — ничего; захвативший заложников возбудил интерес публики в социальных сетях, которые использовал в качестве эффективного средства моментального распространения информации; он привлек зрителей к участию в своей постановке… Альбан М. привлек внимание аудитории к собственному интернет-сайту, контролируемому им одним, и тем самым лишил традиционные СМИ эксклюзивной информации. Аксель Фостер, как и все его коллеги, оказался в роли обыкновенного зрителя, вынужденного получать информацию по тем

же каналам, что и простой обыватель. Никакой возможности попасть в центр событий, даже ни единого источника, более-менее близкого к нему, чтобы иметь возможность сделать репортаж. Никаких сведений ни об Альбане М., ни о заложниках, а без этого невозможно рассмотреть дело через политическую, религиозную или социальную призму. Аксель Фостер впервые убедился, что кто-то может опередить СМИ.

Он решил запускать статью в печать, хотя не был ею доволен. Но он пообещал себе, что она станет последней. Он рывком поднялся, вышел из кабинета и на весь опенспейс заорал от злости и досады:

— Энди!!! Этот захватчик заложников нас поимел! Мы, как и все, будем брать интервью у эксперта, который мелет что угодно, лишь бы позабавить галерку. Ему нечего сказать! Я ненавижу, когда меня вынуждают! Завтра будет или сенсация, или не будет ничего!!! Энди, чем занимается твой крот в полиции?

— У меня от него нет никаких известий, — ответил Энди, распрямляясь на стуле и худо-бедно пытаясь заправить рубашку в свои бесформенные брюки. Под прямой атакой начальника он искал предмет, на который может перенести

стресс.

— Ты восстановил с ним связь?

— Не могу.

— Почему?

— Я не могу с ним связаться. Он сам мне звонит.

— Еще лучше! Я не называю это источником! Во-первых, кто он?

— Не знаю. Голос изменен. Но информация, которую он поставлял, всегда была правдивой. Я не пытался узнать о нем больше, потому что не хотел терять такой источник.

— И на том спасибо!

Фостер вернулся в кабинет и, прежде чем громко садануть дверью, выругался и рявкнул:

— Из-за «Ньюс оф Уорлд» теперь невозможно никого поставить на прослушку. Если бы я мог, я бы это сделал. И мы бы ели белый хлеб! А в то же время неизвестно, где эту самую прослушку ставить! Я почти желаю, чтобы полиция арестовала этого пидора, чтобы мы наконец могли снова заняться своей работой.

***Центр правительственной связи.***

***21.00***

Кларе никак не удавалось установить связь между Колином Стирлом и этой криминальной

историей. Как жизнь респектабельного профессора университета могла так резко перевернуться за несколько недель? Обвиненный в убийстве в Японии, а теперь заложник в Лондоне. Это не имело никакого смысла. Полиция, слишком занятая последствиями обнаружения трупа в центре города, не дала ей ничего конкретного. Поиски ее, Клары, службы по всем коммуникационным сетям позволили лишь скомпилировать открытую, совершенно бесполезную информацию. Она читала и перечитывала оправдательный приговор, вынесенный Колину, и не находила в нем никаких вопросов. Однако ситуацию надо было рассмотреть со всех сторон. А что, если Колин Стирл и есть организатор этого дела?

Переданное ей японской полицией досье никак не помогло, и, несмотря на просьбы, она не получила никаких сведений относительно последних следов Колина в Японии. Она была убеждена, что если бы ей удалось установить, как он выехал из страны, то она смогла бы понять его истинную роль в деле. Несмотря на языковой барьер и тот факт, что в Стране восходящего солнца было еще рано, она решила позвонить комиссару Мацухите, занимавшемуся расследованием в Токио. После нескольких трудных минут, во вре-

мя которых Клара пыталась объяснить, что она хочет, собеседнику, явно не имевшему большой практики в английском, ее наконец соединили с комиссаром, явно «жаворонком», который, к огромному ее облегчению, знал английский весьма неплохо.

— Это дело, мэм, является мучительно болезненным провалом японской полиции. Несмотря на то что мы сделали все возможное, чтобы собрать доказательства вины мистера Стирла. Но против нас сыграли процедурные тонкости, о которых я сегодня не могу вам рассказать. Конечно, всегда нелегко вести дело, когда подозреваемый иностранец и посольства оказывают давление.

— Вы хотите сказать, что некие силы сделали все, чтобы освободить его, вопреки мнению суда?

— Я ничего такого не говорил. Но, изучая материалы дела, я не могу не спросить себя, как велся процесс, если он пришел к такому результату.

— И у вас ни разу не возникло мысли о том, что его могли подставить?

— Послушайте. Мы не станем теперь проводить повторный процесс. Студентка погибла, и кто-то ее убил. Если это сделал не тот человек, кто водил ее в ресторан и провел с нею ночь, в то время

как его ждала жена, — может быть. Но я в этом сомневаюсь.

— Где вы потеряли его след после его освобождения?

— Где-то на западе Японии. Он купил билет на поезд, потом взял напрокат автомобиль в Фукуи. После этого никаких известий.

— Как он мог вернуться в Англию?

— Не имею ни малейшего представления. Возможно, ему помогли покинуть Японию на корабле.

Опять возникал вопрос внешнего вмешательства. Был ли он способом объяснить провал полиции или действительно таковое имело место? Клара решила не углубляться в эту тему.

— Отлично. Благодарю вас.

— Пожалуйста. К вашим услугам.

Клара открыла свой планшет и стала рассматривать карту Японии. Ни одно название в окрестностях Фукуи ничего ей не говорило. Зачем же он забрался так далеко от Токио?

В переданном полицией досье упоминалось о военной службе Стирла. Поступил в армию в возрасте 18 лет, послужной список хороший, но ничего экстраординарного. Награжден за храбрость. В досье имелось написанное его рукой

письмо, свидетельствовавшее о его стремлении защищать мир и желании уехать далеко от Великобритании. Первым и единственным его настоящим боевым опытом являлось участие в миротворческой операции ООН на территории бывшей Югославии. Тяжелая обстановка, из которой он вырвался через два года. Клара прочитала результаты медицинских тестов и рапорты командиров. Она начала разбирать их в хронологическом порядке и поразилась пробелу. В течение трех месяцев 1994 года у него не было известных контактов, как будто он исчез. Ни официального задания, ни госпитализации. Речь шла об окончании его пребывания в этой стране, а по возвращении им было написано лишенное эмоций письмо с выражением желания уйти из армии. Все это произошло быстро, слишком быстро. Ему предложили поступить на службу во внешнюю разведку, но Колин отказался. Сотрудник, разговаривавший с ним, не стал настаивать, определив, что у Стирла, по его собственным словам, «верность стране сомнительна, личность неустойчивая». Почему армия не смогла поставить этот диагноз? Или Колин изменился?

Клара легко представляла себе, что отец Колина неодобрительно отнесся к его уходу из армии,

ведь сам он прослужил офицером сорок лет, был много раз награжден, в частности, за Малайскую войну. Его гибель вместе с женой в авиакатастрофе во Французских Альпах совпадала по времени с отъездом Колина, ставшим сначала студентом, а затем преподавателем общественных наук. Дэни не нашел никаких его близких родственников, в отличие от полиции, в рапорте которой упоминался брат, Данкан Стирл. Наконец-то появился человек, который мог помочь ей понять, что собой представляет Колин.

Она тут же попыталась связаться с Дэни, чтобы он провел углубленный поиск. Но снова не смогла его найти.

— Лайза, где, черт возьми, Дэни?

— Не знаю, я его не видела.

— Ну так найдите его! Живо.

Данкан Стирл жил в сорока пяти минутах езды от Лондона, в Чешаме, старом рабочем предместье, превратившемся в спальный район, жители которого ежедневно добирались на метро на работу в Лондон и тем же способом возвращались по домам. У Клары не было опыта опроса свидетелей. Однако Уэйн не отвечал на звонки, а в полицейском управлении дали понять, что допрос Данкана Стирла не входит в перечень

их первоочередных задач. Что на данный момент основные события происходят в Лондоне. Тогда она надела свой непромокаемый плащ и отправилась на вокзал. Ровно в 23.00 она вышла в Чешаме, и по спине у нее пробежала дрожь. От квартала исходила мрачная атмосфера спящего предместья. Ей потребовалось несколько минут, чтобы дойти до нужного дома, который скорее походил на заброшенное или превращенное в логово сквоттеров строение, чем на мирную гавань. Она решительно постучала в дверь и стала ждать. Дверь открыл мужчина очень усталого вида. Тощий, под глазами фиолетовые круги, казалось, въевшиеся в кожу навсегда, глаза, когда-то ярко-голубые, а теперь белесые, с желтизной. Алкоголь, наркотики, лекарства? Он явно был не в форме, и Клара пожалела, что приехала к нему совсем одна.

— Извините, я сегодня ничего не продаю.

Клара заколебалась:

— Я ничего не собираюсь покупать. Продавать, впрочем, тоже. Я… я из специальной службы. Вот мой жетон… Если, конечно, я его найду. Ах да, вот он.

— И зачем вы ко мне пришли?

— Вы Данкан Стирл? Я по поводу вашего брата.

Я провожу расследование…

Собеседник, не отвечая, ушел в дом, оставив дверь открытой. Из этого Клара сделала вывод, что он приглашает ее войти, если она решится. Она решилась, закрыла за собой дверь и осторожно прошла по коридору в гостиную: несколько старомодная мебель, включенный телевизор, работающий без звука, продавленный диван с подушкой и одеялом на нем, на который упал Данкан. Пустые грязные стаканы, опрокинутая кружка, тухнущие в чашке остатки кофе, легкий запах анаши, стопки открытых и перевернутых вверх переплетом книг, как будто им не суждено быть дочитанными никогда… На стенах постеры с рок-группами, в основном 1990-х годов. На одной из афиш Клара, как ей показалось, узнала Данкана Стирла лет на двадцать моложе. Афиша сообщала, что в лондонском «Трубадур-клубе» на Олд-Бромптон-роуд в Эрлс-Корт состоится концерт.

— Это вы?

— Да. Вы хотите поговорить обо мне или о моем брате?

— О вашем брате. Не знаю, известно ли вам…

— Известно. Я его видел.

— Полиция с вами связывалась?

— Нет, даже она не проявляет ко мне интереса… Впрочем, меня это устраивает.

— А вы, вы не пытались связаться с полицией?

— У меня не было известий о нем с того момента, как он уехал из Англии много лет назад. Да я и не пытался их получить. У него своя жизнь, у меня — своя.

— Почему он уехал?

— Потому что поругался с нашим отцом. У него были другие устремления, а его мать тайком их поощряла.

— Его мать? Разве вы не…

— Нет, он мой брат только по отцу. И что с того? Думаю, я все равно любил его. Но он меня никогда по-настоящему не уважал. Тогда я оставил его в покое. Он был далеко, ну и хорошо. Я считал, что тоже имею право делать то, что хочу. Но после смерти родителей надо было идти вперед, а я часто спотыкался. Видите, как я сейчас живу? Без надежды, с одними сожалениями. Я выбирал легкие дороги, свернул на кривую, а обратно вернуться не сумел. Ни одного звонка, ни одного письма. Я не собираюсь первым протягивать ему руку. У него была хорошая жизнь, у меня — нет. А с того момента, как я увидел его на экране, я жду. Сам не знаю — чего.

— То есть вы не встречались с ним между предполагаемым моментом его возвращения из Токио до появления видеороликов, распространяемых Альбаном М.? Есть в Лондоне места, которые он обычно посещает?

— Нет, он давно здесь не бывал.

— У вас есть ощущение того, что он заложник и рискует жизнью?

— А я, я ею не рискую? Из-за того, что его показали по телевизору, он не стал более важным. Вы, полицейские, будете пытаться его спасти. А меня? Кто спасет меня? Кто постучит в мою дверь, чтобы сказать: я вам помогу?

Этот крик души обескуражил Клару. Он был прав: едва выйдя из его дома, она про него забудет, если только ей не потребуется вернуться сюда еще раз, чтобы что-то уточнить по делу. Самым важным был человек, захвативший заложников, и для его поимки приходилось отодвигать на второй план все прочее. Данкан не шевелился, уставившись в экран телевизора. Клара тихо встала, на что он не обратил никакого внимания, и вышла. Наконец-то она оказалась на свежем воздухе после духоты дома. Она не узнала ничего существенного, кроме того, что центром семьи Стирлов был отец. Но почему же Колин вернулся

в Лондон? Отомстить?

Вопросы следовали один за другим, не давая ответов. Казалось, Колин уже много лет назад оборвал все связи с Англией. Его психологический профиль становился более сложным, но не выявлял никаких его связей с Альбаном М. Вернувшись из Чешама, Клара почувствовала, как на нее навалилась усталость.

«Я не должна ей поддаваться. Надо поспать несколько часов, потому что завтрашний день может стать трудным», — думала она, пока ехала домой.

***Рано утром***

Когда Том проснулся, все его тело ломило. Он мало спал этой ночью и чувствовал, что даже во сне его мозг продолжал лихорадочно работать. Он выпил стакан сока и снова позвонил Дженни. В этот раз ему повезло больше.

— Дженни? Привет, это Том. Я оставлял тебе сообщение.

— Да. Извини, но я взяла мой телефон только утром, когда пошла на работу. Как поживаешь?

— Хорошо… хотя нет. Я тебе звоню по поводу Эразма. — Он сделал паузу. — Полагаю, ты в курсе?

— В курсе чего?

— Захвата заложников в Интернете и того, что Эразм в их числе.

Она слышала о захвате заложников и шуме вокруг этого события, но никак не связывала его с Эразмом.

Том в нескольких словах объяснил ей ситуацию и по ее прерывающемуся голосу понял, что девушка ошеломлена и растеряна. Он попытался ее успокоить, что оказалось делом сложным, поскольку он и сам еле-еле скрывал тревогу.

— Не знаю, виделась ли ты с ним в последнее время…

— Нет, совсем нет! Этого не может быть. Никогда бы не подумала, что среди этих заложников может оказаться кто-то из моих знакомых.

— Я тоже. Полиция, похоже, бессильна, она не способна остановить эти зловещие голосования. Я тут подумал, что мы могли бы встретиться…

— Да, да, ты прав. Я только что пришла на работу. Приезжай ко мне туда. На Бак-стрит-маркет, дом номер сорок пять. Магазин восточных тканей. Красная вывеска.

— Через час?

— Договорились. До встречи.

***Лондон, ЦПС, кабинет Клары. 8.30.***
***Звонит телефон***

— Вы подтверждаете, что Свен — не настоящее имя первой жертвы? — в лоб, без преамбул спросил Клару звонивший.

Клара ответила не сразу. Кто был на том конце провода? По всей видимости, не полицейский. А если так, то как, черт возьми, могли просочиться эти сведения из их службы и полиции? Мать! Наверное, она рассказала своим друзьям и родственникам. Однако Клара сомневалась, чтобы Уэйн не предупредил ее о неразглашении информации. Играть в ту же игру, что захвативший заложников, и предавать гласности имеющиеся в их распоряжении крохи информации было слишком опасно.

В то мгновение, когда она спрашивала себя, кем же может быть звонящий, она узнала голос:

— Энди Вуд?

— Он самый. Вижу, вы узнаете меня по голосу. Приятно. Так вы подтверждаете, что первую жертву звали не Свен?

— Я ничего не подтверждаю. А вы оказываете услугу преступнику, распространяя информацию.

— Которая, следовательно, является правдивой?

— Не важно. Тот факт, что об этой истории по-

стоянно говорят, помогает преступнику.

— Моя работа — информировать.

— Да. Но не мешать полиции и специальным службам нормально работать.

Она резко швырнула трубку. Ситуация по-прежнему ускользала от нее, сохранялось неприятное чувство, что она постоянно отстает. Следовало доложить начальнику о новой утечке, и она ожидала холодного приема. За те несколько метров, что разделяли их кабинеты, она подготовила свою речь, но, к огромному ее удивлению, Джеймс остался спокоен:

— Клара, ты должна сосредоточиться на этом расследовании. Мне только что звонил премьер-министр, дело становится политическим. Цитирую его слова: «В условиях приближающихся выборов правящая партия не может начинать свою кампанию с провала в работе специальных служб». Не позволяй этому журналисту выбить тебя из колеи и не трать на него время. Это дело с самого начала является публичным, а Альбан М. играет с нами в кошки-мышки. Работай, а в свое время мы все решим.

Такое отношение вернуло Кларе энергию и уверенность с собственных силах, и она решила дать мозгам небольшую передышку и вырваться

из адского круга безрезультатных поисков. За последние часы она собрала множество сведений, требующих анализа и проверки, но ничего конкретного не вырисовывалось.

Она отправилась на лондонские улицы, подальше от экрана монитора, и там поняла, что жизнь продолжается, пусть даже в разговорах прохожих, которые она улавливала, речь шла о захвате заложников, занимавшем ее с утра до вечера.

Она вошла в Гайд-парк через вход напротив Принс-Гейт, в трехстах метрах от офиса ее службы. Теплая погода привлекла к водоемам толпы гуляющих. Она остановилась на углу Спикерс-Корнер, чтобы послушать странного предсказателя, рассказывающего историю, в которой смешивались конец света, вторжение инопланетян и экономический кризис. В памяти у нее всплыли кадры видео, особенно лицо Эрика, второй жертвы. Она спросила себя, опознает ли кто-нибудь и его.

В сумке зазвонил телефон. Дэни пытался с ней связаться. Отвечая на вызов, она увидела уведомления о поступлении новых сообщений на каждую иконку: «Фейсбук», имейлы, «Твиттер».

— Клара, возвращайся скорее, есть новости. Возможно, мы установили, где он прячется.

***Лондон, ЦПС.***
***Лихорадочное возбуждение***

Когда она, запыхавшись, вернулась, весь офис бурлил. Телефонные звонки не могли перекрыть гул, царивший в главной комнате. Не успела она сесть за свой компьютер, как Джеймс окликнул ее:

— Посмотри на это!

На экране был сайт Альбана М. с последними обновлениями:

«В первую очередь спешу вам сообщить, что результаты второго голосования будут полностью открытыми и публичными. Назначаю вам встречу сегодня, в 13 часов, рядом с Кэмден-тауном. Если желаете получить больше информации, приезжайте на место с утра».

Альбан М. открыто представлял свою мизансцену.

— Уголовная полиция уже на месте. Пока что невозможно полностью перекрыть периметр — он слишком велик. Но они уже начали опрос жителей, показывая им фотографии заложников. Будем надеяться, что кто-нибудь их опознает, и мы быстрее узнаем место.

— Но почему он так старается дать нам эти сведения заранее?

— Развлекается. Воображает, что мы мобилизуем сотни полицейских и закроем квартал, сосредоточимся на прослушивании телефонов и контроле над Интернетом в данной зоне.

— Может быть.

— Думаешь, он нас обманывает?

— Не знаю. Во всяком случае, до сих пор он всегда выполнял свои обещания.

Широкая публика сразу накинулась на эту новость, не дожидаясь дальнейших разъяснений и дополнений. Хэштег #albanm продолжал подъем в списке наиболее популярных в «Твиттере». В поведении Альбана М. единственным плюсом для следствия было то, что он автоматически дискредитировал всякий другой источник информации. Социальные сети, прославившиеся искусством распространения ложных слухов, теперь просто повторяли только то, что бросал им он, повторяли дословно, за исключением появившихся в комментариях шуток и каламбуров.

Для контроля за распространяемой о нем информацией Альбан М. придумал тонкий ход: открыл на своем сайте раздел под названием «Правда или фейк?». Функционировал он довольно просто. Достаточно было любому пользователю поместить на эту страницу любую

прочитанную им информацию о захвате, и Альбан М. предлагал проголосовать, правда это или ложь. Еще одна игра, чтобы замкнуть на себя все, что могли о нем рассказывать.

***Станция метро «Кэмден-таун»***

Том приехал в Кэмден-таун на метро. Он плохо знал этот район, хотя провел здесь несколько вечеров в весьма странных местах. Магазины и бары были проникнуты духом андеграунда. Он проверил адрес по телефону и, заинтригованный, остановился перед лавочкой на Бак-стрит-маркет. Теплые тона тканей, сумки ручной работы и тату-салон. Странное соседство, самое меньшее, что можно сказать. Том осторожно вошел и поискал взглядом кассу. Он заметил Дженни, которую узнал по черным волосам, спадавшим на плечи. Для своих сексуальных похождений Эразм всегда выбирал очень симпатичных девушек. Их отношения с Дженни, состоявшие из чередовавшихся разлук и физических контактов, по словам Эразма, нравились ему тем, что не нарушали его тягу к независимости.

— Привет. Я — Том.

— Я тебя узнала, — ответила она с неожиданной улыбкой.

Том не знал, с чего начать, и стал осматривать

помещение.

— Это твой магазин?

— Да, уже два года. Я долго колебалась, потом крутилась как белка в колесе, почти не было прибыли. Но в конце концов получилось.

— А что именно ты продаешь?

— В задней комнате — тату-салон, а еще у меня большой выбор вьетнамских сумок. Эксклюзивные вещи, сделанные из старых национальных платьев. Ткань редкого качества.

— Почему именно вьетнамских?

— Я теперь живу там по два месяца в году и таким образом вношу свой вклад в открытие этой страны для тех, кто не путешествует.

— У тебя есть сайт в Интернете? — не удержался Том по профессиональной привычке.

— Да, но я люблю, когда люди приезжают ко мне. Поэтому я не практикую продажи через Интернет.

Когда пауза грозила слишком затянуться, Дженни взяла инициативу на себя. Она взяла яркую сумку и позвала:

— Пошли посмотрим.

Том вышел первым и подождал, пока она закроет свой магазинчик.

— Пойдем. После твоего звонка я все никак не

могу поверить, что Эразму угрожает смертельная опасность.

— Я тоже. Эта история очень странная. От полиции невозможно получить информацию.

Они шли разговаривая. По пути Дженни здоровалась кивком с частыми прохожими — что говорило о ее известности в квартале.

— Ты не получала от него известий в последнее время? — спросил Том.

Уже месяца три или четыре, как мне кажется. Он заходил ко мне сюда, в магазин, и тут же убежал. Едва успел рассказать мне о своих новых друзьях.

— То есть?

— Я не все поняла. Короче, он познакомился с людьми и собирался с ними устроить нечто: «Я не могу тебе об этом говорить, но все равно скажу», — с таинственным видом, который он иногда на себя напускает. Он хотел найти место для собрания. «В немного андеграундном стиле», как он мне сказал. Что-нибудь скромное, что-то типа бара для завсегдатаев в подвальчике где-то на отшибе.

— И ты ему нашла такое место?

— Да, недалеко отсюда, в Кэмден-тауне. Рядом с Инвернесс-стрит-маркет. Я подумала, что тебе

захочется на него взглянуть.

Днем на темных деревянных панелях на стенах бара был виден слой пыли, пахло спиртным и сигаретным дымом, хотя курение здесь было запрещено. Пока ночная жизнь не вступила в свои права, хозяин не отказывал себе в удовольствии покурить. Бар, концертный зал, ночной клуб — помещений было много. Тусклый дневной свет едва пробивался сквозь толстые стекла выходящих на улицу окон. Дженни сделала знак хозяину, стоявшему, облокотившись на стойку и уставившись в телевизор, включенный на круглосуточный новостной канал. Мужчине было под пятьдесят, но выглядел он лет на десять старше. На Тома он посмотрел подозрительно и настороженно.

— Привет. Это кто такой?

— Друг.

— Ты не местный?

Том оглядел себя с ног до головы, мысленно спрашивая, чем вызван этот вопрос. Возможно, кроссовками и пестрой рубашкой.

— Нет, не местный.

— Так что, ищешь приключений?

— Ладно, Пол, хватит. Мы просто хотели задать тебе один вопрос.

Пол не ответил и налил себе новую порцию виски, не предложив им.

— Помнишь парня, которого я направила к тебе несколько месяцев назад, чтобы устроить в твоем заведении вечеринку?

— Да.

— Вечеринка состоялась?

— Да. Хорошо он меня поимел, этот гаденыш. Зарезервировал мой бар на пятьдесят человек, я задницу себе надрывал, чтобы все тут устроить, да еще им требовался особый виски — «Крегганмор» десятилетней выдержки, «Спешил эдишен». А пришло в конце концов человек десять. Я устроил скандал и все-таки получил с него мои бабки.

— А о чем они разговаривали?

— Без понятия, я ничего не понял. Во всяком случае, в твидовых костюмах они выглядели скованно.

— И ничего больше? Ты не обратил ни на кого особого внимания?

— Нет, кроме твоего приятеля. И еще на одного, который все время говорил. Он единственный выглядел респектабельно. У него голубые глаза, такие… Короче, не хотел бы я с ним встретиться вечером. Он еще пошутил насчет своей фамилии. Погодите. Что-то типа: «Меня зовут Джулиан

Трент; последняя буква «т», а не «д», я не слишком моден». Глупо, но меня это насмешило.

Дженни и Том переглянулись. Им требовалось имя, с которого можно было начинать поиски.

— Э! Да я ж не предложил вам по стаканчику.

— Нормально, спасибо, — ответила Дженни, вставая на цыпочки, чтобы чмокнуть его. — Нам пора. Пока. И спасибо, Пол!

Том кивнул, чтобы тоже поблагодарить его, потому что не был уверен, пожмет ли Пол ему руку, если он протянет ему свою. Выйдя на улицу, он достал свой айфон:

— Джулиан Трент. Сейчас посмотрим, что нам даст Гугл.

— Ну?

— Ничего конкретного. Есть много Джулианов Трентов; только на первой странице — двое английских консультантов, американский военный и подросток, ищущий известности. Нужного найти будет непросто. Но если он собрал столько людей, в Интернете должны сохраниться следы.

Том шел, не поднимая головы от своего телефона.

— Твою мать!

— Что случилось?

— Загрузка идет, но я потерял 3G. Сейчас пыта-

юсь вытянуть мои приложения.

Дженни смотрела на него, не до конца понимая его странный язык. Наконец Том посмотрел на нее:

— В твоем магазине есть Интернет?

— Да, у меня есть компьютер, который к нему подключен, но я мало им пользуюсь. Только для переписки с другими торговцами в районе. У нас есть свой форум.

— Давай воспользуемся им, там нам будет спокойнее. В любом случае он лучше, чем мой смартфон.

***Кэмден-таун, Студенческий квартал. 11.00***

Полиция наводнила квартал сразу после появления объявления от Альбана М. Не привыкшие к такому количеству стражей порядка жители — в основном студенты — сначала восприняли это нашествие настороженно. Такого развертывания полицейских сил здесь не видели уже несколько лет, со времени студенческих волнений. Сотрудники полиции систематически опрашивали всех прохожих, держа в руке фотографии заложников. На улице начала собираться толпа, одни пытались найти место в соседнем баре, другие поднимались на верхние этажи домов, чтобы ви-

деть всю улицу. К четырем студентам, сидевшим за столиком на тротуаре перед «Концом света», подошел полицейский:

— Простите, вы не видели в этом квартале никого из изображенных на этих снимках людей?

Они вежливо ответили «нет». Но тот, кто сидел ближе к окну, казалось, не слышал вопроса полицейского.

— Прошу вас, не могли бы вы взглянуть?

Но молодой человек его не слышал: все его внимание было приковано к происходящему на противоположной стороне улицы.

Из дома напротив выпало тело. Глухой удар о тротуар после падения с четвертого этажа. И тут же крики, топот собирающейся толпы.

***Бюро ЦПС.***

***12.00***

Клара позвонила Уэйну, но он был занят и пообещал перезвонить ей до обеда. Она получила первое заключение уголовной полиции о трупе, найденном час назад в Кэмден-тауне, в квартале, который Альбан М. указал на своем сайте. Это было тело второго заложника, убийство которого было снято на видео. Со вчерашнего дня это видео вызвало сотни звонков в полицию. После обычных проверок один из них сочли заслуживающим

внимания. Клара стремилась систематизировать все, что стало известно относительно убитого заложника.

*Настоящее имя Эрика — как его назвал Альбан М. — Джеймс Гриф. Шесть месяцев назад он отправился в путешествие по Южной Америке, что удивило многих его друзей. Это было какое-то безумие. Он иногда давал о себе знать в своем блоге, в который заходил все реже и реже. Последнее сообщение было написано им в декабре; в нем он пишет о предстоящих новогодних праздниках, которые намеревается провести в Амазонии. Больше родители о нем ничего не знают. Мать, похоже, равнодушна к судьбе сына, как будто обижается на него за то, что уехал на другой конец света. Во всяком случае, известие о его смерти не вызвало у них никакой реакции.*

Клара задумалась, нет ли тут связи с Эразмом, который тоже много путешествовал. Она проверила по его профилю в «Фейсбуке», бывал ли он в Южной Америке одновременно с Грифом, но даты не совпадали. Как и в случае с другими заложниками, речь здесь шла о человеке, имевшем мало связей с внешним миром. О ком некому жалеть в случае исчезновения. Эта мысль не давала ей покоя. В рапорте упоминалось о

нескольких запросах по проверке разных этапов жизни Джеймса Грифа. Все попытки закончились неудачей.

Данные были скудными, но они давали Кларе надежду. Наконец-то появилась определенная информация, подтвержденная свидетелями и розыскными мероприятиями. Чего не скажешь о словах Альбана М., которые не поддавались никакой проверке. Их нельзя было ни подтвердить, ни опровергнуть.

Колин Стирл, Майкл Вернант, Джеймс Гриф — на этих именах ей следовало сосредоточить внимание, тщательно отработать их прошлое. Все трое исчезли приблизительно в одно время.

Она попросила Дэни сосредоточиться на поисках общих моментов в биографиях жертв. Он немедленно взялся за работу. Сегодня он казался Кларе немного отсутствующим, но, похоже, к нему вернулась мотивация к работе.

Наконец ей перезвонил Уэйн:

— Извини, была срочная работа.

— Ну что?

— Мать Майкла, первой жертвы, позволила мне посмотреть его вещи. Я не нашел никаких очевидных улик, ни подтверждающих его желание действительно покончить с собой, ни заставить

окружающих поверить в то, что он с собой покончил. Зато среди его книг я нашел комикс, тема которого связана с самоубийствами. В комиксе многочисленные пометки от руки и упоминание места: скала Тодзимбо.

— То… как? Где это?

— Тодзимбо. Это скала на острове Хонсю.

— В Японии?! Думаешь, он уехал туда?

— Поначалу у меня не было никаких соображений на сей счет. Но я немного поискал и кое-что нашел. Эта скала считается, цитирую: «знаменитым местом самоубийств».

— То есть?

Это значит, что люди, желающие покончить с собой, часто отправляются туда. Один отставной полицейский даже взял на себя добровольную миссию по охране этого места. Он патрулирует скалу с биноклем и пытается заговаривать с теми, кто приехал прыгнуть, пытаясь убедить их не делать этого.

— Ты думаешь, что Майкл мог поехать туда, чтобы покончить с собой?

— Не знаю, но этот след наверняка нелишне будет запомнить.

Внимание Клары привлекло в первую очередь упоминание о Японии. Считая Колина, Майкл

уже второй заложник, связанный с этой страной. Это не могло быть простым совпадением.

— Но ничего больше я найти не успел. Меня перебрасывают на другое дело. Не такое крупное, как твое, но… — Он не закончил фразу.

— Ничего страшного. Я поняла. Политика в работе наших служб начинает меня бесить. Я даже не хочу знать, почему тебя снимают с этого дела. Большое тебе спасибо за то, что ты уже сделал. Можешь мне послать то, что нашел?

— Могу даже лично занести. Мне все равно нужно будет заскочить в твою контору через час.

Клара заколебалась. Она знала, что этот разговор лучше закончить на деловой ноте, но сгорала от желания его увидеть. И, не раздумывая дольше, ответила:

— Отлично. Но меня не будет на месте, я сейчас ухожу и вернусь к концу дня.

— До скорого. Целую.

Клара не могла не обратить внимания на последнее слово, в котором искала все, что хотели увидеть ее сердце и воображение.

Она должна была присоединиться к своему начальнику в Кэмден-тауне до тринадцати часов. Ситуация оставалась достаточно напряженной, и поэтому уголовная полиция согласилась на

присутствие сотрудников ЦПС. Полномочия были распределены. До тех пор, пока события развивались в Интернете, операцией руководил ЦПС. «На земле» руководство брала на себя полиция. Клара любила острые ситуации, ей казалось, что тогда ее мозг работает быстрее, словно отвечая на вызов.

***Станция «Кэмден-таун», Лондон***

Приехав на место, Клара поняла, что ее надежда самой искать информацию на месте оказалась иллюзией, потому что там собралась огромная толпа из любопытствующих и полицейских. Последние старались удерживать зрителей в конце улицы. Впечатляющая масса людей заставляла вспомнить о зрителях, пришедших на концерт. Чувствовалось волнение толпы, к которому примешивалось любопытство, желание оказаться на месте действия, чтобы ничего не пропустить.

Теперь, когда Альбан М. вел свою игру в реальном мире, Клара тоже хотела находиться в центре событий.

Квартал был перекрыт буквально через минуту после того, как возле одного из домов на перекрестке Кэмден-таун был обнаружен труп. Сотрудники полиции пытались собрать информацию внутри периметра безопасности, который

охватывал все здание. Жители, которых немедленно эвакуировали, ничего не видели и ничего не слышали. На улице, несмотря на плотную толпу, никто не видел, что предшествовало падению тела.

После нескольких мгновений волнения, вызванного зрелищным событием, Альбан М. поместил на сайте новое сообщение, дав наконец точный адрес, где станут известны результаты второго голосования: «Встреча состоится между домами 14 и 28 по Кэмден-Хай-стрит в 13 часов».

Шум. Возбуждение. Проинформированные социальными сетями, все двинулись в путь вверх по улице. Подобно демонстрации, процессия шла к указанному месту. Без страха. В толпе каждый чувствовал себя защищенным. Представители СМИ и полиция прибыли на место одновременно с толпой, узнавшей все из социальных сетей. Власти не имели никакой форы во времени. Вид множества людей, склонившихся над своими смартфонами в ожидании следующей новости, впечатлял. Полиция попыталась выставить оцепление на указанном участке улицы и эвакуировать людей из жилых помещений и магазинов домов с 14 по 28 номера; их отвели на несколько сотен метров, чтобы допросить. Неопределен-

ность, в которой пребывали возбужденные люди, делала их почти не контролируемыми. Каждый хотел увидеть сам не зная — что, будучи твердо уверен, что его ожидания не будут обмануты. Альбан М. сумел создать близость с публикой: использование Интернета и социальных сетей упрощалось наличием смартфонов, еще более ускорявших распространение информации. Люди получали ее в исходном виде, не отфильтрованной.

Для полиции сложилась трудная ситуация. Проводились проверки владельцев и нанимателей помещений. Внутри периметра оставалось человек пятьдесят, не считая покупателей в магазинах. В некоторых окнах еще видны были силуэты.

Штурмовая группа заняла позиции на границе периметра, готовая начать операцию. Казалось странным, что Альбан М. сдается так легко. Полиция боялась нового убийства в прямом эфире, некоторые СМИ на это надеялись.

***Редакция газеты «Морнинг трибюн», Лондон***

— Энди, нам нужна информация!! Публика знает столько же, сколько мы! Нам нечего ей предложить! Утренние продажи равны нулю!

На наш сайт в Интернете никто не заходит! Рекламодатели притаились, выжидая развития событий! Люди находят информацию на «Фейсбуке», в «Твиттере» и на сайте Альбана М., и им ее достаточно. Никто не заходит даже на наш тэг в «Твиттере». Мы недостаточно быстро реагируем!

— Я ничего не могу сделать… полиция блуждает в тумане.

— Ты уверен? А что твой информатор?

— Он звонил мне вчера вечером, но ничего не мог сказать. Хотел продать информацию о том, что полиция ничего не знает. Зато он дал мне номер, по которому я могу ему звонить.

— А он знает, установлено ли имя человека, чей труп найден в Кэмден-тауне?

— Пока нет.

Главный редактор нервно крутился по кабинету. Даже после тридцати лет, отданных журналистике, он принимал близко к сердцу каждый провал, особенно те, что относились к самой сути его ремесла: информировать. Он никогда не соглашался быть просто передатчиком новостей, предпочитая дергать за ниточки и превращать свою информацию в прочную связь с публикой. Для него была невыносима мысль о том, что он может пропустить важнейшее медий-

ное событие последних месяцев. Он, многие годы выстраивавший свою репутацию благодаря быстроте, чутью на информацию, нюху на сенсацию, оказался на одном уровне с рядовым жалким журналистишкой или владельцем средней газетенки. Он ненавидел проигрывать, становиться вровень с обыкновенным человеком.

— А где наши аналитические группы? Где они? Все настойчиво упрашивали меня нанять специалистов для анализа слухов и отсеивания ложной информации. Чем они заняты в данный момент? Конечно, здорово, что мы следуем за модой, но главным образом это просто выбрасывание денег в окна!

— Они, как и все, в растерянности. Источник информации централизован. Информация передается одним и тем же путем и всякий раз распространяется моментально, как огонь по дорожке пороха. Никто не контролирует ситуацию и не знает, что происходит.

— Первая газета, которой удастся получить хоть какую эксклюзивную информацию, будет продаваться, как горячие пирожки. Так вот: я хочу эту информацию! Если хочешь сохранить свое рабочее место, найди мне ее!

Когда он вышел, Энди Вуд схватился за свой

мобильный, который оставил на рабочем столе, вышел в пустой конференц-зал и позвонил своему источнику в полиции. Тот ответил после первого же звонка. Даже не поздоровавшись, осведомитель приглушенным и измененным голосом быстро произнес:

— Мы в растерянности. Альбан М. не оставляет никаких следов. Мне известно только то, что имя второго убитого Джеймс Гриф. И еще упоминали одно место: скала Тодзимбо. Больше мне ничего не известно. Я боюсь, я не уверена… — И тут же бросил трубку.

Энди остался ни с чем, но в памяти у него отложилось последнее слово: «уверена». Он не ослышался? Сам не зная почему, но он никогда не задумывался о том, что его источник может оказаться женщиной. И хотя это никак не меняло ситуацию, он запомнил данное обстоятельство. Он бросил в сумку блокнот, мобильный и направился к выходу, а оттуда — в Кэмден-таун, на свидание с Альбаном М. В лифте от пустоты в голове, бессилия и отсутствия информации у него закружилась голова. Имени второй жертвы будет недостаточно для того, чтобы удовлетворить шефа, который к тому же потребует перепроверить эти сведения. Он решил немедленно вступить в

контакт с Альбаном М., предложив ему эксклюзивную трибуну в своей газете.

***Бак-стрит-маркет.***

***Запах ладана***

Придя в лавочку, Дженни провела Тома в светлую заднюю комнату. Прежде это был крохотный дворик; установленная стеклянная стенка позволила увеличить площадь магазина. У выложенной плиткой чистой стены справа стояло нечто вроде кресла стоматолога, в которое садились клиенты тату-салона. А слева картонные коробки с азиатскими наклейками были навалены возле деревянных этажерок, полки которых были заняты упаковками различных товаров: иголок, пузырьков с чернилами и прочего… Посреди этого беспорядка в явно неустойчивом равновесии стоял монитор компьютера далеко не новой модели. Том засомневался, устроит ли он его.

— Ты подключена к вай-фаю?

— Да, но устанавливала его не я. Я пользуюсь соседским… Совершенно законно. Мы оплачиваем его пополам.

Том взял стул, сел за компьютер и начал поиски, а Дженни сходила проверить, заперта ли дверь магазина, чтобы их не беспокоили.

— Он всегда такой медленный? — нетерпеливо

спросил Том.

— Прости?

— Интернет. Черепашья скорость!

— Мой компьютер старенький, я его приобрела у одного приятеля, который менял его на новый. Для моих целей он вполне подходит. А ты, вообще, знаешь, что возможна жизнь и вне Интернета? — съязвила Дженни, которая никогда не лезла за словом в карман, если ее задевали.

— Ладно, сейчас попробуем.

Уведомлений на смартфоне Тома становилось все больше и больше. Он быстро просматривал их каждые три минуты. Альбан М. продолжал дозированно выдавать информацию; в социальных сетях шли обсуждения относительно встречи, назначенной в Кэмден-тауне, строились самые разные предположения. Минут через двадцать Том оторвался от экрана:

— Я нашел несколько Джулианов Трентов.

Дженни подошла к нему, чтобы лучше видеть, и положила руку на плечо Тома. Это так его удивило, что на несколько мгновений отвлекло от поисков.

— Смотри. Руководитель экспортной фирмы, пятилетний ребенок, чьи фото родители очень часто выкладывают в Сеть. Можно подумать, они

с этого возраста готовят из него звезду!

— Это ужасно — тратить столько времени на то, чтобы выложить на всеобщее обозрение частную жизнь.

Том не хотел вступать с Дженни в непростую дискуссию о социальных сетях, ясно представляя себе, что они по-разному смотрят на это явление. Он стал пролистывать страницы, выискивая самый странный профиль.

— Посмотри вот это.

Том показывал простую статичную веб-страницу с несколькими строками текста, принадлежащую вроде бы университетскому преподавателю, но не профессору, хотя и часто приглашаемому на коллоквиумы. Ссылки отправляли на другие сайты. В Интернете все-таки можно найти следы, если только ты сумеешь распутать переплетение нитей паутины между малопосещаемыми сайтами и другими заброшенными доменными именами. Их внимание привлекла страница с изложением программы семинара, состоявшегося в амстердамском Университете искусств и гуманитарных наук.

Темы лекций этого семинара ему ничего не говорили: «Истоки конфликта между искусством и политикой», «Медиатизация искусства или

медийное искусство?», «Является ли искусство капиталистическим?», «Эстетические препятствия» или вот такая: «Творящий или сотворенный?» Они отлично знали, что Эразм интересовался всем, прямо или косвенно относящимся к тому, что он называл «разломами мира»: ему нравилось прикасаться пальцем к чувствительным местам, тем самым, которые, оставаясь во внутреннем равновесии, вызывают глубокие перемены. Путешествуя или посещая лекции, он мог встретиться с людьми, близкими ему духовно. Том и Дженни вполне допускали, что он, подобно подростку-идеалисту, мог ввязаться в какое-то предприятие, имеющее целью полное переустройство мира.

Список участников был недоступен, в отличие от имен лекторов, в основном профессоров, которые им ничего не говорили. Им удалось найти адреса их рабочих электронных почт на сайтах университетов, после чего они попытались с ними связаться, чтобы найти хоть какую-то отправную точку. Единственным препятствием оставался ведущий: Джулиан Трент, представленный как президент «Лондон-Трент-клуба». Какую деятельность мог вести этот клуб? Ни Том, ни Дженни никогда о нем не слышали, и Интернет им в данном случае не помог. Гугл

не выдавал никаких результатов, связанных с этими поставленными рядом тремя словами. Дополнительные ссылки, предлагаемые поисковиком, отсылали их к площадке для гольфа в окрестностях Лондона и клубам сальсы. Но связь с Лондоном, какой бы неопределенной она ни была, вызывала у них ощущение того, что они двигаются в верном направлении. Должен же был Эразм, когда приезжал в Лондон в последние месяцы, где-то ночевать, коль скоро не обращался ни к Тому, ни к Дженни. Может быть, приют ему давал этот самый Джулиан Трент? Том листал страницы Интернета одну за другой, пробовал множество ссылок, отправлявших его на другие сайты. От этого лабиринта, казавшегося все более непроходимым по мере того, как они в него углублялись, начала кружиться голова.

Наконец Том изменил метод поисков и забил «Трент» в поисковик «Твиттера». Не высветилось ни одного сообщения, зато появился аккаунт #@jtrent. Том кликнул по нему и зашел на архивную страницу с твитами, датированными прошлым годом. Один из них был составлен в таких выражениях: «Встр в клубе сегодня вечером, Эшбридж-стрит, д. 12». Аккаунт имел пару десятков фолловеров — тех, кто стараются оставаться

в курсе информации, публикуемой на различных профилях «Твиттера». Просматривая их имена, Том обнаружил и имя Эразма. Это, по крайней мере, доказывало, что они были так или иначе знакомы и что это тот самый Джулиан Трент, о котором говорил владелец паба Пол. Он кликнул, чтобы просмотреть сообщения, опубликованные Эразмом, но его профиль был пуст. Он им не пользовался.

— Ну, и какова наша дальнейшая программа? — нетерпеливо спросила Дженни.

— Не знаю. Возможно, мы идем по ложному следу, — умерил ее пыл Том.

— Погоди, это не может быть случайным совпадением. Поехали по адресу, который здесь указан. У меня где-то есть фото Эразма. Мы покажем его соседям и расскажем им про клуб.

— А полиция? Достаточно им позвонить и…

— И ничего не будет. Они нас выслушают одним ухом и даже не задумаются, правы мы или нет. Пока мы не получим конкретной информации, забудь про власти, только даром время потеряем.

— Ладно, тогда — в путь, на Эшбридж-стрит, 12.

Выйдя из магазинчика, они удивились суете и

толчее. Казалось, весь квартал плюс множество приезжих собрались на двух улицах: полиция, журналисты, зеваки — все назначили здесь встречу. Том и Дженни переглянулись. То, что они обнаружили, показалось им гораздо более важным, и они повернулись спиной к толпе, чтобы отправиться по найденному адресу.

***Кэмден-таун.***

***Час приближается***

Полиция сумела эвакуировать людей из большинства квартир домов с 14 по 28 номер на Кэмден-Хай-стрит. Оставались только дома номер 24 и 26, по которым не было точных сведений. Никто из соседей не мог сказать, кто там живет. В регистрационных документах на владение недвижимостью указывались какие-то фирмы, на след которых никак не удавалось выйти. На звонки полицейских в дверь никто не отзывался, из домов никто не выходил. Сначала полицейские хотели ворваться силой, но отказались от этой мысли: дома могли быть заминированы. Тем временем толпа перед домами продолжала увеличиваться. Улица в этом месте расширялась и через сотню метров превращалась в сквер. Подняв голову, можно было различить снайперов, занявших позиции на крышах домов на

противоположной стороне улицы. На данный момент это было скорее предосторожностью, чем действительно необходимой мерой: плотные белые шторы не позволяли рассмотреть, что происходит внутри. Назначенный час приближался, возбуждение нарастало. Телекамеры наставили объективы на фасады домов, многие люди снимали происходящее на свои телефоны. Все — публика, полиция, репортеры — чувствовали, что сейчас произойдет нечто важное.

***Движение в толпе.***

***Над местом действия зависли четыре вертолета***

***12.45***

Толпа начала проявлять нетерпение. Порой, когда кому-нибудь казалось, что в окне появилось лицо, раздавался крик. Им обещали зрелище, а ничего такого не было… Зловещий и мрачный аспект ситуации исчез, сменившись ожиданием, достойным римских амфитеатров, в которых смерть на арене делала событие намного более ярким.

Полицейские с трудом сдерживали толпу, желавшую подойти ближе, чтобы все увидеть. Пока одни миллиметр за миллиметром продвигались вперед, другие не отрывались от сайта Альба-

на М., на который заходили со своих мобильных. За последние полчаса на нем не появилось ни одного нового сообщения. А если он соврал? Если просто посмеялся над ними? Затягивавшееся ожидание только подогревало собравшихся.

Клара решила пережить это событие в толпе, хотя и опасалась спонтанных действий такой массы народа, которые невозможно было ни предвидеть, ни сдержать. Вокруг нее непрерывно гудели голоса, зависшие над улицей четыре вертолета, из которых высовывались стволы винтовок, напоминали об опасном характере ситуации. Клара попыталась передвинуться, чтобы получить лучший угол обзора, но, как на массовых зрелищах, некоторые собравшиеся ревниво охраняли свои места. Она встала между двумя молодыми женщинами, уткнувшимися в экраны своих смартфонов, потом поискала в сумочке бутылку воды. Безуспешно. От волнения у нее всегда пересыхало во рту, а дыхание становилось прерывистым до того момента, когда эмоции выплескивались наружу.

Вдруг раздался глухой звук. Тут же по толпе зрителей пробежал ропот. Потом прозвучал хлопок, похожий на взрыв, из окна второго этажа дома номер 28 вырвалось пламя. Бойцы штурмо-

вой группы высадили входную дверь, затрещали выстрелы. Находившихся на улице охватила паника, каждый бежал, куда глаза глядели. Клару едва не затоптали группы телевизионщиков, спешивших подобраться как можно ближе к месту событий. Чтобы не потерять равновесие, ей тоже пришлось побежать ко входу в дом, ставший местом боя, и тоже расталкивать попадающихся на ее пути. Зрители падали, отчаянно пытались подняться, по ним шли другие. Самые любопытные, привлекаемые вкусом крови и звуками интенсивной автоматной стрельбы, ведущейся, казалось, отовсюду, собирались у дома. Клара безуспешно искала в сумке телефон, несмотря на то что говорить было бы все равно невозможно из-за шума, состоявшего по большей части из криков тревоги, страха и возбуждения. Сила Альбана М., о котором всего несколько дней назад никто не слышал, впечатляла. Ему удалось собрать людей, движимых общей побудительной причиной.

Из окон вырывались клубы слезоточивого газа, создавая странную атмосферу хаоса. Потом стрельба вдруг стихла, через несколько минут полицейские вышли из дома. Одни. Молча. Несколько секунд все, словно завороженные, смотрели на эту группу людей, покидающих

здание.

Снова загудели голоса. Мнения разошлись: «Альбан М. сумел бежать», «Его убили», «Все заложники погибли».

— Он нас снимает! — закричал кто-то из середины толпы.

Клара нашла наконец свой телефон и увидела на сайте www.albanm.net прямые кадры с места события. Он незаконно подключился к городским камерам наблюдения и скромно назвал свою трансляцию: «Живой Лондон». Она так заторопилась, что чуть не выронила мобильный и выругалась.

— Да отвечай же!.. Дэни, этот мерзавец подключился к городской сети видеонаблюдения. Немедленно выруби ее, — прокричала она и нажала на «Отбой», не дав ему времени ответить.

Она стала искать в списке контактов номер своего начальника.

— Он хитер: знает, что мы будем снимать улицу, и показывает, что и сам может нас снимать. Это не простой захват заложников. Он хочет нам показать, что он главный, что может играть с нами. Я убеждена, что он где-то поблизости, наверняка в самой гуще событий…

Не успев договорить, она услышала крик со-

всем рядом с собой:

— Его здесь нет! Он в доме номер 90!

Многие обернулись, и информацию подхватили сразу множество голосов.

Толпа повернулась, точно пчелиный рой, и пробежала двести метров до нового этапа этого квеста.

Людской поток подхватил Клару, но она на секунду задержалась, чтобы посмотреть на молодого человека, крикнувшего первым; он оставался странно спокойным. Этот человек не походил на обычного зрителя, он проявлял интерес только к толпе, лицо его было спокойным, почти довольным. На какое-то мгновение она встретилась с ним взглядом и поняла. Этого времени неизвестному хватило, чтобы рассмотреть ее и исчезнуть.

— Джеймс! Твою мать! Он здесь! Ты еще на линии?

— Что? Что ты говоришь?

Шум толпы заглушал его голос.

— Альбан М.! Я уверена, это он. Он пришел! Вот пидор! — с досадой бросила она, увлекаемая потоком бегущих в противоположную сторону.

Джеймс не мог разобрать ни единого слова, и никто вокруг не обращал внимания на то, что она

кричала в трубку, потому что все были увлечены новым сообщением на сайте Альбана М.: «В доме номер 90 по Кэмден-Хай-стрит вас ждет важная новость. Я вижу, многие из вас откликнулись на мой призыв».

Посреди улицы телерепортеры бежали вместе с толпой, продолжая на ходу свои комментарии в прямом эфире, безо всяких пауз. Операторы пытались защитить свою аппаратуру, но им не удавалось дать четкую картинку. Только установленные на крышах домов камеры работали в прямом эфире. Впервые телевидение не было на первой линии. Каждый хотел рассказать о происходящем первым. Полиция, тоже застигнутая врасплох, пыталась установить оцепление. Ей помогал вертолет, зависший почти над самой толпой. Клара поймала себя на тревожной мысли: «Альбан М. стал королем информации».

Когда первые полицейские добрались до дома номер 90, они уже совершенно не владели ситуацией. Люди их не ждали, и некоторые, безо всяких предосторожностей, вошли внутрь. Клара отчаянно пыталась проложить себе дорогу, размахивая полицейским удостоверением. Животное поведение толпы ее бесило. Они почти заслужили, чтобы нарваться в доме на бомбу.

Сработал стадный инстинкт: эти люди, сознательно игнорировавшие друг друга в повседневной жизни, больше ничего не боялись, как будто их успокаивало то, что они находятся среди себе подобных.

— Внутри кто-то есть. Он связан!

После нескольких предупредительных выстрелов в воздух и демонстрации силы полиция наконец сумела выставить оцепление. Ее сотрудники ворвались в дом и вышли с заложником, набравшим наибольшее количество голосов. Толпа узнала его лицо. Как же его зовут? Никто не имел ни малейшего представления.

Альбан М. прокомментировал: «Он набрал наибольшее число голосов! Поздравляю! Вы его спасли и освободили!»

Информация распространилась с быстротой молнии: один заложник освобожден.

# Глава 7

***Кэмден-таун, Лондон. 13.20.***
***В центре внимания.***
***Клара***

Клара отчаянно жестикулировала перед спокойным инспектором полиции, руководившим операцией:

— Говорю же вам: я его видела, в нескольких метрах от меня! Он за нами наблюдает, играет с нами.

— Почему вы так уверены, что это именно он?

— Неужели вы думаете, что человек, захвативший заложников, такой хитрый и такой самовлюбленный, будет сидеть у экрана телевизора? Он явится на место действия, поближе к нам, чтобы испытать возбуждение.

— Конечно, конечно. Вы способны его описать?

— Пронзительные глаза, лицо белое, рост, я бы сказала, средний.

— Не густо.

— Извините, я видела его всего несколько секунд.

— И нет ни единого доказательства того, что это был именно он…

— Но я же вам говорю, что…

К ним присоединился ее начальник, который остановил Клару:

— Мы соберем все записи со всех камер, установленных здесь. И потом посмотрим. Может быть, удача нам улыбнется.

Клара буквально кипела и с трудом контролировала себя из-за невозможности продвинуться дальше в расследовании. Удручало отсутствие энергичности в действиях традиционной полиции. Но она быстро заставила себя сосредоточиться на освобожденном заложнике, допрос которого должен был произойти через час в управлении уголовной полиции. У них в руках оказался ценнейший свидетель, которого Альбан М. решил им подарить. Зачем он сделал этот новый, на первый взгляд, рискованный для него шаг? Так ли он ловок, как она себе представляла, или же становится жертвой собственного тщеславия? А может быть, он, продемонстрировав таким образом свою добрую волю, хочет вступить в переговоры?

— Ему необходимо время, и он подкидывает нам занятия, — пробормотала Клара.

— Как это?

— Он меняет стратегию: сначала он играл в злобного преступника, а теперь одевается в более презентабельный костюм освободителя. Публика обожает контрастный душ, чередование холода и жара. Это ее возбуждает.

Толпа продолжала прибывать, выплескиваясь уже и на соседние улицы. Тем временем заложником занимались медики. Полиция укрыла его от любопытных взглядов и объективов в легкой палатке из черного пластика. Клара сумела пробраться внутрь, чтобы посмотреть на него. Он выглядел совершенно здоровым, лицо выражало чувство радости и облегчения, хотя темные круги под глазами свидетельствовали о трудных моментах, недавно пережитых им. Клара не имела опыта проведения первых допросов, но соглашение между уголовной полицией и ЦПС предусматривало возможность ее присутствия на них. Наконец-то один конкретный элемент, прорыв в этом захвате заложников, в котором они с самого начала блуждали в тумане. Она бросила взгляд на часы: обратный отсчет напомнил ей о том, что ситуация остается острой и действовать надо быстро.

***Управление уголовной полиции, Лондон.***

***14.00***

Журналисты, гнавшиеся за кортежем автомобилей, который, завывая сиренами, сопровождал машину с освобожденным заложником через Лондон, теперь толпились перед зданием полицейского управления. Эта битва за информацию казалась Кларе смешной. Два десятка сотрудников, окружавших бывшего заложника, сумели проложить себе дорогу, для чего им пришлось поработать локтями. Не отвечая на вопросы, они молча и не оглядываясь прошли в отведенное им помещение. Уэйн наверняка у себя в кабинете, подумала Клара, шагая по коридорам следом за своим начальником. На верхнем этаже они нашли Марка Чемберса, начальника полиции. Тот тоже собирался присутствовать при допросе.

— Следуйте за мной.

Он провел их в соседнюю комнату с приглушенным освещением, где уже стоял в сторонке один из штатных психологов полиции. Перед ними находилось одностороннее зеркало, через которое видна была допросная. Заложник сидел за столом и задумчиво играл бутылкой воды, его лицо осунулось от усталости, глаза были полуприкрыты, пальцы рук постоянно сжимались и разжимались. Первичный медицинский осмотр

не выявил никаких следов жестокого обращения. Тело ослаблено из-за недостаточного питания, довольно большая борода. Одет он был в грязные синие джинсы и простую черную майку.

— Я попросил Уэйна допросить его.

Марк Чемберс бросил взгляд на Клару:

— Мне кажется, он уже успел немного поработать по данному делу.

— А мне кажется, что его уже отстранили от данного дела, — тут же парировала Клара, которая, еще не договорив, пожалела, что вообще открыла рот.

— Напоминаю вам, что это я распределяю работу между моими подчиненными.

Клара сделала над собой усилие, чтобы не реагировать. Она знала, что ее с Уэйном история не осталась секретом для его сослуживцев. Тем временем Уэйн вошел в комнату, где его ждал заложник, и сел напротив него.

— Добрый день, — начал он приветливым тоном, призванным вызвать к нему доверие. — Меня зовут Уэйн Стад, я работаю в уголовной полиции. А как зовут вас?

— Уильям Трайс, — ответил молодой человек хорошо поставленным голосом.

Это имя было Кларе знакомо. Оно входило

в список профилей на «Фейсбуке», которые в самом начале дела давали ссылку на профиль Альбана М.

— Сколько вам лет?

— Двадцать девять.

— Как вы себя чувствуете?

— Никак не могу понять, что со мной произошло.

— Может быть, вы попытаетесь рассказать мне?

— Я работаю официантом в «Старбакс» на Финсбери-Рейвмент. Много дней назад — ну, мне кажется, что много, я не знаю, какое сегодня число, — я возвращался домой пешком. Как обычно. Было около девяти вечера. Я был недалеко от своего дома, когда вдруг почувствовал, что меня что-то поднимает над землей. Я даже не успел среагировать, как мне заткнули рот кляпом и натянули на голову мешок. Я пытался вырваться, отбивался, но мне связали руки и запихнули в машину. Мне показалось, что мы выехали из города, потому что шум движения уменьшился. Потом машина остановилась, и меня перенесли в холодную комнату с вентиляцией. Когда они сняли с меня мешок, я был прикован наручниками к вытяжной решетке, а рядом находились еще

несколько человек.

— Сколько времени вас везли?

— Не знаю… Минут двадцать — тридцать.

Уэйн бросил быстрый взгляд на зеркало. Клара немедленно послала имейл Дэни, чтобы тот составил максимально точную карту, отталкиваясь от места похищения и с учетом плотности дорожного движения в тот день и час; она хотела получить список возможных адресов. Возможны тысячи вариантов, но в первую очередь надо будет отработать самые вероятные места.

— По дороге вы не слышали, о чем они говорили? Может быть, упоминали какое-то место, направление?

— Нет.

— Сколько человек участвовало в вашем похищении?

— Ни малейшего понятия.

— Продолжайте. Что произошло после того, как вас пристегнули к решетке?

— Один человек стоял на ногах и с презрением смотрел на нас. Он постоянно повторял, что мы поможем ему осуществить его план. По поведению остальных я понял, что никто не знает, что с нами будет. Никто, кроме него, я хочу сказать.

Трайс замолчал, словно проверяя, не забыл

ли чего.

— Он был вооружен и снимал нас на видео.

— Вы могли бы его обрисовать?

— Пожалуй, нет. Было темно. Свет падал на нас, а он оставался в тени. Я плохо его различал; только силуэт. Он был высокий и стройный. Судя по голосу, я бы сказал, что ему немного за тридцать.

— Что он сказал вам затем?

— Указал пальцем на троих, в том числе на меня. Последних прибывших, как я думаю. Мы должны были известить тех, с кем контактировали в «Фейсбуке», что нас похитили. Но не говорить этого прямо. Он просил нас придумать, как это сделать, даже подбадривал. Насмехался над нашими ответами, когда они ему не нравились. Но в конце концов мы придумали.

— Да, мы видели статусы. Откуда он узнал, что у вас есть аккаунт на «Фейсбуке»?

— Не представляю. Мы так и не поняли, чего конкретно он от нас хотел, но у нас не было другого выбора, кроме как подчиняться ему. Мы не могли разговаривать друг с другом, потому что находились под постоянным наблюдением видеокамер и охранника в черном. А потом…

Он замолчал, а когда после небольшой паузы продолжил, его лицо исказилось от душевной

боли.

— Потом он убил человека. Перед камерой. Мне кажется, я никогда не смогу забыть эту картину. Он нажал на спусковой крючок и пристрелил его с совершенно естественным видом, как будто от него этого ждали. После повернулся к нам и сказал: «Я убил Свена». И вышел.

Уэйн бросил взгляд на одностороннее зеркало, и Кларе на мгновение показалось, что он ищет ее. Он подождал несколько секунд, давая Уильяму Трайсу время прийти в себя, и продолжил:

— Вы узнали кого-нибудь среди находившихся рядом с вами людей?

— Нет.

— Какой-нибудь предмет обстановки комнаты вам запомнился?

— Нет, у меня не осталось о них четких воспоминаний.

— Вас кормили?

— Да, очень мало. Вода, хлеб. Больше ничего.

— Вы знали, что ваша жизнь зависит от результатов голосования?

— Да. Он объяснил нам правила этой мрачной игры. Он смеялся, а мы были в ужасе от мысли, что один из нас должен по результатам голосования умереть. Он нам объяснил, что это будет «как

на телевидении».

— Как было организовано ваше освобождение?

— Неожиданным образом. Он мне сказал, что я набрал наименьшее количество голосов, и увел в соседнюю комнату. Я уже приготовился к смерти. И пустота… Помню, я очнулся один, в пустой комнате, с кляпом во рту. Потом я услышал громкий шум снаружи. Люди выломали дверь… Дальнейшее вы знаете.

Допрос продолжался больше часа. Уэйн дотошно расспрашивал Трайса о его взаимоотношениях с другими заложниками, о его жизни до похищения. Когда Уильям начал проявлять признаки усталости, психолог, находившийся в комнате наблюдателей, предложил прерваться на несколько минут. Показания свидетеля требовались как можно скорее, но, если бы они начали на него давить, это могло только ухудшить дело. К сожалению, ситуация вышла из-под их контроля. Неизвестно откуда возник адвокат, потребовавший встречи со своим клиентом. Удивленный Марк Чемберс заколебался, но, поскольку помешать ему не было никакого способа, позволил войти в допросную. Трайс едва взглянул на него, оставшись равнодушным к вторжению.

— Здравствуйте, я мэтр Крамп. Мой клиент

устал, и, поскольку у вас нет против него никаких обвинений, он вернется домой; в случае необходимости вы сможете официальным образом вызвать его на допрос завтра.

— Но он главный свидетель по очень важному делу! — запротестовал Уэйн.

— Я сказал: завтра. А пока что попрошу вас, будьте любезны, пропустите нас.

— Ни единого слова прессе, иначе мы выдвинем против вас обвинение в соучастии.

Мэтр Крамп улыбнулся этой угрозе, мало связанной с реальностью.

Клара была в бешенстве. Она подошла к Уэйну в коридоре, когда заложник и его защитник уходили.

— Кто он такой, этот адвокат? Как он мог оказаться здесь так быстро?

— Не знаю. Точно так же, как не знаю, кто такой этот Уильям Трайс, чья судьба, похоже, волнует важных лиц, — ответил Уэйн.

— Я никак не могу поверить в его историю, а его освобождение вообще бессмысленно. От нас что-то ускользнуло, он нам не все рассказал. Вызывайте его завтра на утро, проверим, выдержит ли он интенсивный допрос.

— Клара, не будем же мы его пытать!

— Не будем, но ты сам видишь: он отвечал тебе так, будто читал заученный текст.

Клара по одному перебирала в уме элементы, которые обычно помогают решить ситуацию с захватом заложников:

- личность захвативших заложников;
- место захвата;
- требования;
- связь между заложниками;
- переговоры с захватчиком;
- свидетели.

Ответов на эти вопросы не было. Что это освобождение давало Альбану М.? С самого начала у Клары сохранялось ощущение того, что она опаздывает и ею манипулируют на расстоянии; ни то ни другое ей не нравилось. В управлении уголовной полиции делать ей было больше нечего, и она, разочарованная, отправилась в свое бюро.

***45 минут спустя***

Дом номер 12 по Эшбридж-стрит, расположенной в квартале Мэрилебон, возле Бейкер-стрит, выглядел хмурым и мрачным: фасад из красного кирпича, закрытые ставни. Том подошел к двери и прочитал под грязной и вытертой кнопкой звонка «Трент». Дженни тем временем, пытаясь разузнать побольше, разговаривала с дамой,

стоявшей перед «Уэрдони-гестхаус» — скромным пансионом, состоящим из нескольких домов дальше, дающих постояльцам кровать и завтрак.

— Конечно, бывают гости! Наверняка друзья. Он очень приятный молодой человек. Но я уже давно его не видела. Несколько недель.

— А этого парня вы не встречали? — спросила ее Дженни, достав из сумочки фотографию Эразма, сделанную на одной студенческой вечеринке и случайно не отправившуюся в свое время в мусорную корзину.

— Не помню. Но может быть. Как я вам говорила. Посетителей было много.

***Звонок на работу Кларе***

— Добрый день, это Том Лоутон. Мы с вами уже разговаривали… Я создал на «Фейсбуке» первую группу для Эразма.

— Да, конечно. Что случилось?

— Я вместе с одной знакомой сумел найти один недавний контакт Эразма. Пока еще не до конца ясно, но мы нашли адрес клуба…

— Клуба?

— Да, принадлежащего некоему Джулиану Тренту. Эразм встречался с ним на одной конференции в Амстердаме.

— Послушайте, у меня много работы, и я не

понимаю, что вы хотите мне сказать.

— Мы думаем, что Эразм мог увлечься идеями какого-нибудь умеющего красиво говорить сектанта или экстремиста, готового на все. Уверенности у нас нет, но этот клуб оставил след в Интернете. Дверь закрыта. Нам нужна ваша помощь.

— Дайте мне адрес, я посмотрю, что можно сделать.

— Лондон, Эшбридж-стрит, 12.

— Пока что ничего не предпринимайте. Вы меня поняли?

— Да, хорошо.

Закончив разговор, Том остался стоять неподвижно, держа в руке телефон.

— Ну что? — спросила Дженни.

— Надо ждать. Не думаю, что они приняли нас всерьез.

Клара установила адрес. Она не хотела зря терять время, если это был ложный след, а в противном случае тем более. В любом случае никаких сведений о заложниках у нее не было. Как их похитили? Было ли между ними что-то общее? Если да, то что? В данное время проверки шли по разным линиям: фотографии, имена. Она ждала результатов. Часа будет достаточно, чтобы

съездить туда и обратно и оценить, представляет ли этот звонок интерес. Она быстро набрала в Гугле «Джулиан Трент», не получив никакого ответа. Уверенным движением она сбросила туфли на высоких каблуках, отправив их под стол, и надела кроссовки. Подхватив под мышку куртку, она взяла мобильный. Джеймс был на совещании с уголовной полицией. Она направилась к кабинету Дэни, приоткрыла дверь и просунула голову в щель:

— Я отъеду на час. Надо проверить один дом на Эшбридж-стрит. Адрес здесь, на этой бумажке. Найди мне данные на некоего Джулиана Трента и «Лондон-Трент-клуб». Я хочу знать все. Если будет нужно — звони. Я на связи.

Не успел он ответить, как она уже вышла, второпях едва не сбив с ног Лайзу, принесшую почту.

***Лондон. Эшбридж-стрит, 12.***

***Неожиданные встречи.***

***18.00***

Клара прибавила скорость, пробираясь на своем скутере между автомобилями. Она надеялась, что этот след, вынырнувший ниоткуда, приведет ее поиски к конкретным результатам. Она любила выезжать на место, чередуя часы поисков

в виртуальном мире с выходом в мир реальный. Если бы не эта сторона работы, она бы наверняка ушла в отставку, потому что просиживать целые дни перед монитором — это не жизнь.

Подъезжая к месту встречи, она заметила группу из четырех человек, разговаривавших перед домом в викторианском стиле. Это ее нисколько не обеспокоило бы, не заметь она в руке одного из четверки портативную видеокамеру. Какой журналист смог так быстро узнать этот адрес?!

Если дело приобретет огласку, ситуация может стать очень деликатной. Маневрируя, чтобы припарковать скутер, она узнала насмешливо улыбающегося Энди Вуда, жестом велящего оператору снимать ее. Ну, конечно!

— Надо же, доблестные спецслужбы?! — встретил он ее с наигранным удивлением.

— Почему у меня такое ощущение, что вы меня поджидали? — спросила она, снимая шлем.

— Вовсе нет. Вижу, ваше расследование продвигается. С чем я вас и поздравляю.

Она не ответила и повернулась к третьему мужчине, который мог быть только Томом:

— Я Клара Капланд.

— Том Лоутон. А это Дженни, тоже друг Эразма.

Протягивая им руку, она одновременно энер-

гично увлекла их в сторону. Но не успели они начать разговор, как к ней подскочил Энди Вуд:

— Так что вы можете нам сказать о «Лондон-Трент»?

— Ничего.

— Но вы же здесь оказались не случайно? Полиция рассчитывает найти след, который приведет ее к Альбану М.?

Бросив мрачный взгляд на Тома, Клара шепнула, обращаясь к нему:

— Зачем вы предупредили этого журналиста?

— Я его не предупреждал! — ответил тот. — Я не понимаю, как он узнал этот адрес.

Ей не надо было слушать дальше, чтобы расставить по местам все детали пазла. Либо прослушивался телефон Тома Лоутона или ее собственный, хотя после скандала с «Ньюс оф Уорлд» было маловероятно, чтобы газетчики установили прослушку кому бы то ни было; или же внутри ее службы имелся крот, сливавший важную информацию, невзирая на опасность. Но как в это поверить? Только Дэни знал, что она едет сюда. Неужели ее помощник воспользовался своим положением? И тут его внезапные исчезновения получили объяснение! Необходимо было принимать решительные меры, несмотря

на отсутствие веских доказательств, потому что, не сделав этого, она автоматически упрочивала позиции Альбана М. Она жестом попросила Тома подождать и позвонила в бюро:

— Лайза, это Клара. Немедленно сообщите отделу внутренней безопасности. Пусть изолируют Дэни и заблокируют ему доступ к любым средствам связи. Он не должен ни с кем разговаривать.

— Дэни?

— Да. И поторапливайтесь!

Не вдаваясь в детали, она нажала на «Отбой», испытывая неприятное чувство. Внешние признаки были против него.

Она вернулась к Тому и Дженни, твердо решив, что не позволит еще раз обмануть себя.

— А вы отойдите отсюда, — крикнула Энди Вуду.

— И не подумаю. Я вообще не уверен, что вы можете мне приказывать что бы то ни было. Я на вас не работаю.

— Вы похожи на пса, бегущего к луже крови, чтобы полакать ее.

— Да, как и вы. В сущности, мы с вами одинаковы.

Напряжение становилось осязаемым. Несколь-

ко прохожих, заинтригованных этой сценой и особенно наличием видеокамеры, придававшей ей значительность, остановились.

«Теперь еще и зеваки! — мысленно пробурчала Клара. — В одиночку я не справлюсь».

Она взяла свой телефон:

— Агент Капланд, мне немедленно необходимо подкрепление, чтобы перекрыть улицу.

— У вас есть соответствующие полномочия? — поинтересовался ее собеседник.

— Разумеется, — соврала она. — Я расследую дело Альбана М., так что советую незамедлительно передать мою просьбу кому следует.

Все это время Энди Вуд, насмешливо поглядывая на нее, продолжал разговор с Томом и Дженни, которым она отчаянной жестикуляцией показывала не отвечать ему.

* * *

Скоро раздался вой полицейской сирены. Когда машина остановилась во втором ряду, из нее вышли двое сотрудников в форме. Клара пошла им навстречу, показывая свой жетон.

— Здравствуйте. Клара Капланд, ЦПС. Мне необходимо, чтобы вы удерживали этого журналиста подальше от дома номер 12. Выставьте вокруг этого дома оцепление в радиусе пятидесяти мет-

ров и уберите его за периметр. Я не хочу, чтобы он вертелся вокруг меня.

Должно быть, тон ее оказался достаточно убедительным, поскольку они удалили Энди вместе с его оператором. И сколько бы репортер ни вопил, что протестует и требует соблюдения своих прав информировать граждан во имя свободы прессы, ничего ему не помогло.

Избавившись от этого нежелательного персонажа, Клара принялась опрашивать Тома и Дженни:

— Как вы нашли этот адрес?

— В один из своих приездов в Лондон Эразм спросил Дженни, не знает ли она бара в стиле андеграунда. Мы туда отправились, и хозяин вспомнил некоего Джулиана Трента. Потом благодаря «Твиттеру» мы вышли на этот адрес.

Хотя эти новости обрадовали Клару, она не могла не злиться на себя. Несмотря на все усилия ее службы, решающую информацию добыли обычные штатские молодые люди.

Теперь, когда по стечению обстоятельств она вторглась в область компетенции полиции, она уже не могла дать задний ход. Наблюдая за прохожими и журналистами, предупрежденными Энди Вудом, она чувствовала, что ситуация выхо-

дит из-под ее контроля. И речь шла не просто о ее внутреннем ощущении. Она сама прекрасно знала, что в одиночку никогда не войдет в этот дом. Альбан М. вполне мог заминировать свой дом — не он первый, не он последний. С этого момента делом должна была заниматься полиция: оцепить улицу, эвакуировать жильцов ближайших домов. То, что начиналось как проверка поступившего сигнала, превращалось в масштабную операцию. И все это, возможно, ничего не даст. К сожалению, связаться с начальником ей не удалось, пришлось действовать через его голову.

То, что Альбан М. изначально придал делу медийный характер, помогло ей преодолеть сомнения и неуверенность. В несколько минут улица превратилась в главный аттракцион дня. Люди собирались, хотя смотреть было еще не на что. Некоторые указывали на нее пальцем, другие ее фотографировали. Это был новый центр внимания. Прибывающие подкрепления направлялись к ней, чтобы она их распределяла. Кларе никогда еще не приходилось руководить столь крупной операцией. Она чувствовала растерянность, но не могла позволить себе слабость. Только не сейчас, когда заложники могут в любой момент умереть. Она приняла на себя

командование с самым естественным видом, на какой только была способна, опираясь на помощь командиров групп. Первые наблюдения позволили предположить, что вход не заминирован, а в доме никого нет. Однако действовать все равно решили осторожно. Кларе, желавшей непременно войти внутрь в числе первых, дали бронежилет. После дом будут охранять как место происшествия, ей хотелось почувствовать его атмосферу без полицейского декора.

Двое полицейских подбежали к входной двери и заложили два взрывных устройства малой мощности, для того чтобы выбить дверь. Затем они отбежали назад и заняли позицию, держа в руках оружие. Клара следовала за бойцом штурмовой группы, прикрывающимся щитом. Еще один шаг, и вернуться назад будет невозможно.

Заряды взорвались, дверные петли были разрушены; штурмовая группа ворвалась внутрь, Клара следом за ней. Дом был погружен в темноту. Никаких особых запахов. Первые полицейские, проникшие внутрь, имели инфракрасные камеры. Идя по их следам, Клара вошла в комнату, и тут же один из спецназовцев прижал ее к стене, крича, чтобы она не совалась вперед, пока зона не будет полностью зачищена. Свет давали лишь лу-

чи инфракрасных прицелов автоматов. Наконец включили электричество, никакой опасности обнаружено не было. Клара натянула перчатки, которые протянул ей один из бойцов. В гостиной все казалось на своих местах. Стопка журналов с недавними номерами, пепельница с окурками и странное ощущение смерти, от которого она, сама не зная почему, никак не могла отделаться. Она поднялась на второй этаж по деревянной лестнице, каждая ступенька которой скрипела, и направилась к левой двери. То же мрачное и зловещее ощущение. Она включила в комнате свет. Письменный стол резного дерева, настоящее произведение искусства, из тех, что передаются по наследству, контрастировал с другими предметами меблировки, более простыми и массового производства. Она подошла к нему. В столе имелся всего один ящик, расположенный посередине. Она его осторожно открыла. Стопка бумаг, два карандаша и линейка. Она достала все содержимое ящика, разложила на столе и начала листать и читать. Счета, записные книжки, письма. Все на имя Джулиана Трента. И при этом ни одной бумаги, относящейся к деятельности клуба.

Она продолжила поиски и нашла лист бумаги, наверху которого было напечатано: «Джулиан

Трент, Лондон, Эшбридж, 12». Ниже следовал список, который привлек ее внимание. Никакого заголовка, только имена столбиком, одно под другим. Приблизительно полсотни. Просматривая их, она задержалась на трех, которые надеялась найти: Дэвид Бёрнс, Уильям Трайс и Рами Свахати. Три профиля «Фейсбука», связанные с Альбаном М., опять оказались вместе. Связь была очевидна, но все это не объясняло факта захвата заложников. «Лондон-Трент-клуб» оставался загадкой, так же как и роль Джулиана Трента. Клара считала, что эта загадка связана с Альбаном М. Возможно, она оказалась даже ближе к человеку, захватившему заложников, чем сама полагала. На этаже было еще две двери. Одна вела в ванную комнату, другая — в пустую грязную комнату. Клара спустилась в гостиную и быстро осмотрела ее.

У нее мелькнула мысль, что собрания членов клуба проходили здесь. Несколько кожаных клубных кресел, дубовый буфет, бутылки спиртного, красивый низкий столик. Не хватало только сигарного дыма. Она стала поочередно открывать ящики и дверцы буфета, продолжая обыск по всем правилам. Среди множества папок она обнаружила одну надписанную: «Лондон-Трент».

Название было выписано аккуратным красивым почерком с завитушками. Хотя внутри оказалось всего два листка, разочарование быстро исчезло, стоило ей только прочесть следующий короткий текст:

«Задача “Лондон-Трент” стать динамичным клубом. Цель его существования будет раскрыта позднее. Все члены берут на себя обязательства сохранять в полной тайне свое членство в клубе. Только председатель, Джулиан Трент, может объявлять публично, что состоит в нем. Если мы должны выбрать девиз, объединяющий нас, то им будет следующая фраза: „Творческий акт и политический акт связаны между собой”».

Далее следовали нереализованные планы действий, говорящие об их желании заявить о себе, график их собраний и т. д. Какая связь с криминальной историей, разворачивающейся в Интернете? Эти обрывки теории не являлись уликами. Клара могла потерять найденный след или же, следуя по нему, зайти в тупик. Но ее заинтриговал тон этой писанины. Похоже, Джулиан Трент имел психологическую власть над прочими членами клуба. Но в каких целях он ею пользовался? И чем был его клуб — одним из студенческих обществ типа «Череп и кости»,

которые скорее представляют собой объединения представителей будущей элиты, чем настоящие центры власти, или опасной религиозной сектой? Клара видела черты, присущие не столько клубу, сколько секте или тайному обществу, руководствующемуся одной из красивых теорий, служащих низменным инстинктам.

Необходимо было срочно побольше узнать об этом таинственном человеке. Пазл оставался в отдельных разрозненных деталях. Тем временем полицейские продолжали обыск дома.

— Клара, у тебя с головой все в порядке?!

В комнату ворвался Джеймс Маклейн, запыхавшийся от бега. Он был настолько взбешен, что, не проявив никакого интереса к обстановке, бросился сразу к Кларе:

— Как ты могла войти в этот дом? Ты не имеешь права. К тому же это опасно!

— Скажешь наверху, что это антитеррористическая операция! Представь себе, я нашла связь с Альбаном М.!

— Очень на это надеюсь! Ты себе даже не представляешь, куда ты влезла. Как ты вышла на этот адрес?

— Я получила информацию о некоем Джулиане Тренте и его возможной связи с одним из залож-

ников. Информация поступила от Тома Лоутона, человека, создавшего первую группу на «Фейсбуке» и проявившего активность в «Твиттере» в связи с первым видеороликом.

Ее начальник никак не мог успокоиться:

— Что ты нашла?

Она протянула ему «манифест» клуба и список имен:

— Я пока еще не совсем уверена относительно связи с захватом заложников, но эти сведения заслуживают того, чтобы мы внимательно их изучили. Возможно, именно этого нам не хватало, чтобы выйти на Альбана М.

— Забирай это все и пошли отсюда. Предоставим полиции делать ее работу. И журналисты тут, никак от нас не отцепятся. Я не хочу, чтобы ты мелькала в новостях каждый день. Ты не кинозвезда. — И Джеймс резко перескочил на другую тему: — А Дэни? Что это за история с карантином?

— Он сообщил этот адрес Энди Вуду. У меня не было выбора.

— Поспешим, пока ситуация не ухудшилась.

Сверху донесся голос:

— Агент Капланд?

— Да?

— Идите сюда, посмотрите! На втором этаже.

Клара и Джеймс бросились наверх.

— Что случилось?

— Мы нашли потайную дверь за этажеркой.

Она посмотрела на начальника, потом на командира штурмовой группы, который подтвердил кивком головы.

Один из бойцов спецназа, прикрываемый коллегой, ударом ноги вышиб дверь. Лучи лазерных прицелов пробили темноту потайной комнаты. Красные точки обошли помещение. Клара и Джеймс оставались в стороне, с нетерпением ожидая, когда можно будет что-то увидеть. В небольшую щель в стене пробивался слабый свет. Клара и Джеймс вошли; их глаза привыкли к полумраку. Один угол комнаты оставался темным. Вдруг там вспыхнул ослепительно яркий свет и раздался оглушительный шум. Все закрыли глаза руками.

— Что это за бордель? — вскричал Джеймс.

Они увидели целую стену телевизоров. Полсотни экранов, все включены на разные каналы. Перед ними стояло простое кресло.

Они еще только приходили в себя от шума и вспышки света, а по всем каналам прошло объявление: «Эксклюзивное интервью освобожденного

заложника Уильяма Трайса сегодня в 20.00 на «Скай ньюс».

***«Скай ньюс», 19.50.***

***Напряжение эксклюзивного прямого эфира. Туда-сюда бегают ассистенты***

— Я не хочу никаких накладок. Каждый должен находиться на своем посту.

Возбуждение достигло пика. Прямой эфир — это всегда напряжение, но этот вечер был особым. «Скай ньюс» получил сенсацию. Главный редактор не мог опомниться. Без всяких переговоров, упрашиваний он получил интервью, которого ждала вся публика. Он будет первым.

— Грим наложен? Выводите его в студию.

Едва переварив информацию про эксклюзивное интервью, Клара бросилась вниз по лестнице, чтобы тотчас лететь в телекомпанию.

— Черт его возьми! — крикнула она. — Ему же запретили выступать!

— Клара, подожди! — попытался остановить ее Джеймс.

Пока она неслась на своем скутере, ее одолевали разные мысли. Ею манипулировали, ее выставили на посмешище — вот первое, что приходило ей в голову. Задумавшись, она дважды чуть не столкнулась с автомобилями.

Примчавшись в «Скай ньюс», она предъявила удостоверение и помчалась через лабиринт коридоров и опенспейсов. На многих контрольных экранах она увидела Трайса, на которого как раз накладывали грим. Ведущей пока не было. Ей удалось убедить пропустить ее в студию, но, распахнув дверь, она столкнулась нос к носу с адвокатом Уильяма Трайса.

— Куда это вы так разбежались? — спросил мэтр Крамп.

— Во что вы играете?

— Ни во что. Мой клиент хотел рассказать о своем заточении, ничего больше.

— Вы шутите? Жизненно важно, чтобы он ничего не говорил. Альбан М. знает, как работают СМИ. Действуя таким образом, вы помогаете ему.

— А вы, вы мешаете прессе делать ее работу, — заявила ведущая программы; Клара не заметила, как она вошла. — А теперь всем посторонним покинуть студию. Или предъявите ордер!

Клара увидела Уильяма, уставившегося в одну точку, которого одна из ассистенток решительно вела к креслу. В этом расследовании все было непросто. Под давлением ей все-таки пришлось выйти. Она стала ждать в длинном коридоре, куда выходила дверь студии, а тем временем

стрелка часов приближалась к 20.00.

***Кейт Харпер, телеведущая.***

***Брюнетка, прическа с шиньоном.***

***На шее — серебряный кулон.***

***20.00***

— Добрый вечер. Сегодня мы выходим в эфир со специальным выпуском. Многие из вас на протяжении последних дней следили за захватом заложников в Интернете, организованным таинственным Альбаном М., которого никто еще не видел в лицо. Вам наверняка известно, что несколько заложников были убиты по результатам смертельного голосования, устроенного в Сети. Однако со вчерашнего дня мы знаем, что есть один выживший, человек, находившийся бок о бок с жертвами и палачами… И сегодня вечером он с нами, в этой студии, и даст эксклюзивное интервью. Здравствуйте, Уильям Трайс.

Оператор сменил план в тот самый момент, когда журналистка заканчивала свою фразу, и показал лицо Уильяма Трайса.

— Здравствуйте.

— Вы были освобождены Альбаном М. Вы можете нам рассказать, при каких обстоятельствах это произошло?

После своего рассказа, того же, что он пред-

ставил полиции, Уильям стал рассказывать все сначала и по порядку. Журналистка кивала, поджав губы и сохраняя на лице выражение сочувствия.

В режиссерской главный редактор не мог усидеть на месте. Он воображал себе зрителей перед экранами их телевизоров, неотрывно следящих за драмой с заложниками. Это был огромный триумф. Он решил дать интервью в прямой эфир, даже без нескольких секунд отставания, что иногда практикуется для удаления неудачной картинки или реплики. Он объяснил это тем, что не хочет, чтобы его обвинили в монтаже. Но в действительности он не хотел дать властям ни единой возможности прекратить трансляцию в случае возникновения проблем. Он был в нетерпении, он гордился своей сенсацией. Он знал, что, даже если в интервью не будет ничего особенного, все равно присутствие Уильяма в студии станет событием. К тому же он, похоже, вполне удобно чувствовал себя перед камерой: никаких слов-паразитов, почти нет растерянности. Он достаточно четко излагал события дней, проведенных во власти Альбана М.

Ведущая продолжала задавать вопросы, не отклоняясь от предварительного плана:

— Каковы его требования?

— Не знаю. Он нам об этом ничего не говорил.

— Как, на ваш взгляд, закончится эта история? Альбан М. пойдет на переговоры?

— Не думаю. Он кажется очень решительно настроенным и знает, что делает. Он очень тщательно подготовился. Я думаю, что ничего еще не закончилось, и сейчас для него самое время ускорить события, — заявил он, прямо сидя на стуле и положив руки на стол. От волнения его левый глаз постоянно дергался.

— Простите?

— Я думаю, дело еще не закончилось.

— Почему вы так считаете? Вы располагаете точными сведениями?

Возбуждение в режиссерской зашкаливало. К главному редактору присоединился директор, а полиция не переставала названивать, требуя прекратить трансляцию интервью. Высокие чины угрожали, обвиняли журналистов в том, что они играют на руку захватчику заложников. Клара, к которой присоединился офицер уголовной полиции, ждала, кипя от злости, у двери студии.

— Нет, ничего конкретного. Просто ощущение.

— Вы отдаете себе отчет, что пугаете тысячи человек, открывая это?

— Я ничего не открываю. Вы хотели услышать слова очевидца, мои ощущения, я вам отвечаю. Я провел много дней рядом с Альбаном М., думая, что никогда не выберусь. Сегодня я понимаю, как мне повезло, но другие продолжают оставаться в незавидном положении. Он настроен очень решительно. И их ждет смерть. Наверняка.

Главный редактор передал ведущей, у которой для связи был вставлен в ухо наушник, чтобы заканчивала интервью после этих слов; ожидание неотвратимой смерти — это был первоклассный финал.

Клара повторяла фразу: «Сейчас для него самое время ускорить события». Почему она услышала в ней уверенность, которой там не должно было быть? Как будто зашифрованное послание.

— Вот теперь я хочу с ним поговорить. Уильям! — окликнула она, заходя в студию.

Но адвокат и его клиент уже выходили через дверь с противоположной стороны. Она побежала за ними, но налетела на стол ведущей и больно ударилась левым коленом. Теперь было уже слишком поздно. Прикрываемый своим адвокатом, Уильям исчез.

***ЦПС, кабинет Клары Капланд.***
***Поздний вечер. Круг белого света на столе***

Когда Джеймс и Клара вернулись в бюро ЦПС, она хотела немедленно допросить Дэни, но директор этому решительно воспротивился: она была слишком вовлечена в дело, чтобы сохранить объективность в отношении своего подчиненного. В его отделе не было компетентного сотрудника для данной работы, поэтому пришлось бы звать такового со стороны.

Никому не понравилось исчезновение Уильяма Трайса из телестудии.

— Просто чудо, что ты еще не вылетела со службы. Но после первой же ошибки, после нового убийства у нас не останется поля для маневра. Найди мне конкретные улики, — приказал Джеймс Кларе.

Хотя Трайс не сделал никаких важных откровений, все равно он разгласил считавшиеся конфиденциальными сведения, потенциально важные для ускорения полицейского расследования. Но с точки зрения телекомпании это был успех. По самым предварительным оценкам, передачу посмотрела огромная аудитория, не считая спутникового вещания, а также фрагментов, показанных по всему миру другими телекомпаниями или интернет-СМИ. Публика, просматривая передачу, «проголосовала кноп-

кой». Так легко было играть с ее любопытством, удовлетворять ее жажду крови. Фактически своим рассказом о пережитом Уильям Трайс сослужил службу своему похитителю. Страх расползался, интерес к продолжению игры вырос. Какую роль Трайс сыграл на самом деле? Невозможно доказать, что его освобождение не было устроено с целью усилить распространение информации о захвате заложников. Теперь уже никто не мог игнорировать этот эпизод криминальной хроники, ставший общественным явлением. Не желая ждать, Клара официально вызвала Трайса на допрос. Если ему так хочется поговорить и рассказать свою историю, она предоставит ему такую возможность. Затем она включила видеозапись интервью на своем компьютере, чтобы в деталях проанализировать поведение этого заложника с весьма странными реакциями.

***Середина ночи.***

***Голубоватый свет экрана.***

***Стрекотание клавиш***

Клара решила не ходить домой и осталась в кабинете, темноту которого нарушал лишь свет от монитора ее компьютера. Все ее мысли занимал Джулиан Трент. После продолжительных

настойчивых поисков разведслужбам удалось достать его фотографию. Едва взглянув на нее, Клара поняла: да, это был тот самый молодой человек, которого она видела в толпе. Досье также содержало краткую биографию объекта. Он блестяще учился в университете, отметился несколькими заметными публикациями на тему влияния СМИ. Сокращенный вариант одной из них она нашла в Интернете.

«Дать человеку то, чего он хочет.

Сегодня уже бесполезно кричать «Караул!». Общество, сформировавшееся на наших глазах, не встречая какого бы то ни было противодействия со стороны политических структур, есть не что иное, как воплощение того, что во все времена характеризовало человека: его подчиненности самым низменным инстинктам. Прогресс, который кое-кто превозносит, принес изменения лишь в область технологий. В действительности же мы все еще живем под девизом: Panem et circenses (хлеба и зрелищ). Зная, чего бы мы желали увидеть, политики, найдя значительную поддержку в лице средств массовой информации и крупных корпораций, формируют потребности, разжигают страсти, которые человеку никогда не удавалось контролировать по-настоящему: его

низменные инстинкты.

Философы и религиозные деятели убеждают нас, что мы становимся лучше и добрее. Они так легко набрасывают вуаль на некоторые наши поступки. Но кое-кто прекрасно понимает, как реагирует толпа. Это те же самые люди, которые начинают возмущенно кричать, когда кто-нибудь громко вслух заявляет, что человек не эволюционировал. Оглянитесь по сторонам. Сколько действий, совершается «на публику»: политических, юридических, даже эстетических? Каждому достаточно сделать над собой некоторое усилие, на несколько мгновений прислушаться к себе, осознать те образы, что заставляют трепетать его маленькое сердечко, и станет понятно, насколько просто дать ему то, чего он хочет…

Страх есть нездоровое состояние, вызывающее самые неожиданные реакции. Не только защитную, но и любопытство. Зло, или то, что воспринимается как зло, когда его невозможно остановить, завораживает и притягивает, по меньшей мере, с такой же силой, с какой останавливает. Достаточно просто показать на экране дым. Публика только и ждет, чтобы что-то произошло. Настала эра хеппенингов, когда искусство становится политическим действием».

Клара не могла поверить в то, что можно излагать мысли в такой циничной манере. Это было скорее символом веры некоей секты, чем научной статьей, появившейся в специализированном журнале. А что, если отсутствие требований объяснялось желанием устроить хеппенинг, описанный Джулианом Трентом? Она знала, что следует воздерживаться от поспешных выводов. Не было никаких надежных доказательств, позволяющих связать Джулиана Трента с Альбаном М. Но его рассуждения относительно СМИ и публики находили конкретное воплощение в данном деле. Она попыталась подойти к анализу с другой стороны. А что, если единственной целью захвата заложников было стремление привлечь к себе внимание? И никаких других мотивов у этой жестокой акции нет. В прочитанном ею «символе веры» Клара находила ум, так тщательно проработавший различные этапы этого необычного захвата заложников.

Она внимательнее рассмотрела фотографию: красивый стройный парень с растрепанными волосами стоит на трибуне. Снимок зафиксировал его абсолютно уверенный взгляд. Она никогда не понимала, как в умах некоторых людей вызревают столь невероятные планы. Сейчас она

испытывала страх, что Альбан М. больше не проявит себя после освобождения Уильяма Трайса. А тот оказался на первых полосах всех ночных газет, цитировавших фрагменты его интервью.

Если публика, обычно остающаяся зрителем, стала одним из действующих лиц, Кларе следовало придумать другой способ ведения расследования. Какой смысл держаться за традиционные методы, если противник вышел за пределы освоенного вами пространства? Она тоже использует СМИ. Эта фотография стала реальным, осязаемым элементом. Однако, как и все, относящееся к Альбану М., она, казалось, несла на себе печать неопределенности. Что, если поиски, которые привели Тома и Дженни в этот клуб, были ходом, предусмотренным Джулианом Трентом? Что, если фото, найденное в его университетском досье, было намеренно оставлено в общем доступе? На эти вопросы невозможно было дать определенный ответ. Как бы то ни было, Клара намеревалась использовать слабое преимущество, которое, по ее мнению, она сейчас имела.

Она подозревала, что события ускорятся. Оставалось еще три заложника. Смертельное безумие, убийственный бред — она уже не знала, какими

словами точнее определить эту ситуацию. Надо спасти три жизни. Место, где скрывается Альбан М., ей неизвестно. Разумеется, спецслужбы ничего не нашли. Но Клара не сомневалась, что в Интернете сохранился след, который они еще не использовали. Ей часто говорили, что полностью стереть информацию из Паутины практически невозможно. Но как ее найти? Ей нужен был Дэни. Молодого человека перевели в камеру предварительного заключения в уголовной полиции, чтобы затем допросить. У нее не было возможности поговорить с ним с глазу на глаз. Предатель? Наверняка нет. Признать его таковым означало фактически обвинить саму себя в том, что не разоблачила его раньше. Денежные затруднения? Вместо того чтобы тратить время на предположения, она решила поговорить с ним. Ее часы показывали пять утра. Не самое привычное время для визитов в уголовную полицию. Но ей было все равно. Она взяла его досье и села на свой скутер.

Ей пришлось проявить настойчивость, чтобы получить доступ в камеру. Дежурный полицейский вообще не был уверен в том, что у нее есть право туда войти, но срочность дела, на которую напирала Клара, в конце концов убедила его, тем

более что он не представлял себе, как будет в этот час докладывать о гостье своему начальнику.

Дэни спал в камере с ржавыми решетками на окнах. Постелью ему служил рваный матрас, брошенный прямо на пол, в дальнем углу стоял зловонный горшок. Она удивилась, что так обращаются со своими, ну, то есть до того, как доказано, что они не свои. Тем более что она не давала никаких объяснений, почему потребовала его изолировать.

— Дэни! Дэни! Проснись.

Он поднялся. Его глаза были красными от усталости.

— Клара?! Что происходит? Никто мне не говорит, почему я здесь.

— Сохраняй спокойствие. Мне нужно знать, могу ли я на тебя рассчитывать. Скажи, почему ты продал информацию этому журналисту?

— Да ничего я ему не продавал! — бурно запротестовал он.

— Послушай меня, Дэни, — строго произнесла она. — Ты один знал, куда я направилась вчера. И это не считая твоих непонятных отлучек и твоего подозрительного поведения, этой твоей привычки всегда закрывать окна на компьютере. Так вот, или ты скажешь мне, что ты сделал,

или останешься за решеткой надолго. Я об этом позабочусь, не сомневайся!

— Это не я, клянусь тебе. Я не понимаю, что происходит. Я ничего не сделал!

Он старался не встречаться с ней взглядом, что выдавало его смущение. Если он и не врал, то уж точно не говорил всего. Но у Клары не было времени углубляться в психологию. Ей предстояло решить: может ли она доверять ему в поисках необходимых ей данных?

— Значит, твое странное поведение никак не связано с этим делом? Клянешься?

— Да.

— Хорошо. Мне нужна твоя помощь для того, чтобы найти информацию.

— Я готов.

— Надеюсь, что ты сказал мне правду. Это в твоих же интересах. Пошли.

Она повела его к выходу.

— Эй! Вы не можете его увести! — возмутился дежурный, увидев ее с Дэни.

— Форс-мажорная ситуация.

— Я должен доложить начальству.

— Я и есть один из ваших начальников. Если вас устроит, могу дать вам расписку, подписку или что там требуется… Но, уверяю вас, подозре-

ваемый мне совершенно необходим, и я уведу его с вашего позволения или без такового!

Удивленный напором инспекторши, дежурный некоторое время ничего не мог сказать.

— Ладно… ладно, — ответил он более уверенно и сделал им знак следовать за ним к выходу.

* * *

Вернувшись в бюро ЦПС, Клара объяснила молодому человеку, чего от него ждет. Есть имя: Джулиан Трент. Дэни дается карт-бланш для того, чтобы найти все, что связано с этим именем: фотографии, адреса, банковские счета, различные виды деятельности. Вторая задача: зайти в базы данных всех интернет-магазинов с целью найти следы заказа экипировки и снаряжения, которые могли помочь Джулиану Тренту разместить и содержать заложников, а также распространять информацию. Спеша реабилитироваться и вернуть доверие начальницы, Дэни включил свой компьютер и взялся за работу. Клара придвинула стул и через его плечо наблюдала, как множатся окна и линии с кодами. Это был язык, в котором она знала только самую основу. Когда стало ясно, что в ближайшие минуты желаемого результата она не получит, она разочарованно вздохнула и направилась в свой кабинет.

— Я сейчас вернусь. Мне надо кое-что проверить.

Не успела она дойти до двери, как Дэни ее окликнул:

— Кажется, нашел.

Клара бегом вернулась.

— Слушаю тебя.

— Заказ, сделанный меньше двух месяцев назад. Поставка на имя мистера Джулиана: 6 мониторов, 4 сервера, 8 веб-камер малого формата, но большой четкости, несколько штук роутеров. Ничего такого особенного, но достаточно, чтобы создать собственную сеть. Адрес: Равенскорт-роуд, дом 48.

— Покажи мне, как он выглядит.

Он опередил ее вопрос и кликнул новую закладку. Он, как простой смертный, просто использовал Гугл-карты; наилучший способ установить место.

— Это трехэтажный дом неподалеку от Равенскорт-парка. Похоже, в нем много квартир. Он невысокий, зато длинный. Главный вход не со стороны улицы, а с переулка, только для жильцов.

— Отлично. Посмотри, может быть, найдешь еще что-нибудь.

С самого начала Джулиан Трент проявил большой ум и предусмотрительность. И если сейчас его план начинал трещать по швам, Клара не хотела допустить ни малейшей ошибки. В этой борьбе за информацию каждый ход следовало делать очень осторожно.

***Равенскорт-роуд, дом 48. Фасад дома, выходящий***

***на Равенскорт-парк, слева несколько гаражей.***

***8.00 утра***

Целых три часа Дэни был занят тем, что проверял и сопоставлял информацию по данному адресу: поставки продуктов питания, счета за электричество, имя владельца. О том, чтобы отправиться туда самим, не могло быть и речи. Рано утром Клара позвонила Джеймсу и Уэйну. Оба, быстро одевшись, примчались в бюро.

— Пока у нас не будет подтверждения, что этот Джулиан Трент находится там, я отказываюсь запрашивать помощь, — отрезал Джеймс. — Вы знаете, что должны делать.

— Хорошо. Я немедленно еду туда проверять.

— Одна? — встревоженно спросил Уэйн. — Я с тобой.

— Но у тебя нет разрешения, — возразил

Джеймс.

— Думаю, это не самая крупная проблема в данном деле. Пока что мы все нацелены на получение результатов. Этот Альбан М. загнал нас в окопы, — твердо ответил Уэйн.

У Клары вдруг появилось ощущение, что он знает о деле больше, чем показывает.

Приехав на Равенскорт-роуд, Клара и Уэйн припарковались, не доезжая нескольких сотен метров до интересующего их дома, чтобы не рисковать и не вызвать ни малейших подозрений. Вызвать общую тревогу, если адрес окажется неверным, было бы слишком опасно. И для заложников, и для их карьеры. Молодая женщина открыла дверцу машины, чтобы выйти, но Уэйн удержал ее и включил радио.

— Клара, — тихо сказал он, наклоняясь к ее уху, — я тут немного покопался в этом деле. Не уверен, но думаю, что в нем есть нечто, что от нас ускользает и, главное, выходит за рамки нашего понимания. Я не стал говорить об этом в конторе при Джеймсе, потому что не знаю, какую роль он играет. Полиция и высшие инстанции могут иметь и другие интересы, помимо простого ареста человека, удерживающего заложников.

— Не понимаю. Ты хочешь сказать, что кто-то

наверху прикрывает Альбана М.?

— Может быть. Я ничего не знаю, но мне дали понять, что не следует брать на себя инициативу. Например, твой Уильям Трайс. На него имеется досье, хотя судимостей на нем нет. Он обыкновенный официант в кафе. Я попытался узнать, почему к нему проявили интерес.

— И?..

Все двери закрыты. Ни до кого не достучаться. Никто не в курсе. В это как-то замешан мой босс, напоминаю: начальник британской полиции собственной персоной, имеющий прямую связь с министром внутренних дел. Он отвел меня в сторону и посоветовал заняться чем-нибудь другим, забыть Уильяма Трайса и все «ненужные дополнительные поиски». Для них приоритетным является «установить место, где удерживают заложников, и положить этому конец, стереть все это». Вот что он мне сказал. Я уж не говорю тебе, каким угрожающим тоном он это сказал.

— Получается, они хотят, чтобы все заложники погибли?

— Без понятия. Будь осторожна, ты можешь столкнуться с вещами, к встрече с которыми ты не готова.

Клара смотрела на Уэйна, дававшего совет

памятным ей покровительственным тоном. Все-таки хороший он парень… Она взяла себя в руки. Сейчас не время отвлекаться.

***9.00***

Заняв позицию у выезда с огромной автостоянки, они стали ждать, пока из дома начнут выходить люди. Когда они сворачивали за угол, Клара и Уэйн их расспрашивали, показывая фото Альбана М. Первые отвечали неуверенно, одна женщина сказала неопределенно: «Может быть». В этом доме жило слишком много народу, чтобы она могла быть категорична.

***9.02***

Джулиан Трент оторвался от экрана и повернулся к центру комнаты:

— Они здесь.

***9.10***

В тот момент, когда Уэйн опрашивал прохожего, Клара заметила тяжело идущую женщину с пластиковым пакетом, полным одежды.

— Простите, мэм!

— Да?

— Вы живете в этом доме?

— О нет! Я просто здесь убираю.

— Меня зовут Клара Капланд, я из полиции, — солгала она, быстро показав собеседнице слу-

жебный жетон так, чтобы та успела рассмотреть только британский флаг. — Мне нужна ваша помощь. Вы знаете кого-нибудь из этих людей? — спросила она и стала показывать ей одну за другой фотографии.

— Да, вот этого, — ответила она, указывая пальцем в фото Джулиана Трента. — Я его часто вижу.

— В какой квартире он живет?

— На первом этаже, дверь как раз напротив главного входа. Соседи жаловались, что у него очень шумно.

— Вы не знаете, он сейчас дома?

— Понятия не имею. Но вчера, когда мыла пол перед его дверью, слышала какие-то звуки в квартире.

— Большое вам спасибо. Я попрошу вас никому не рассказывать о нашем разговоре. Речь идет об уголовном преступлении. Я запишу ваши имя и телефон, чтобы иметь возможность связаться с вами в случае необходимости.

Уборщица кивнула, вдруг встревожившись из-за этого утреннего допроса. Клара записала ее координаты и попросила вести себя как обычно, словно ничего не было. Потом вынула свой мобильный.

— Джеймс? Мы получили подтверждение соседки насчет Джулиана Трента.

…Не думаю, что это хорошая идея. У него есть такое оружие, как его сайт в Интернете. Мы должны привести его в замешательство, опубликовав его фото, его биографию и сообщив, что нам известно его местонахождение, вокруг которого мы сейчас замыкаем оцепление. Надо загнать его в угол. Мы удостоверимся, что Альбан М. и есть Джулиан Трент.

…Мы должны контролировать информацию. Раз он хочет, чтобы все было публично, примем его правила игры, но с нашими изменениями.

…Я в этом не уверена.

…Если ошибемся, скажем, что проводили отвлекающий маневр, чтобы спокойно отработать другой след.

…О'кей, решаете вы. Отлично. До скорого.

Джеймс не хотел ничего предпринимать, пока не получит визуального подтверждения присутствия в доме Альбана М. и заложников. Клара была готова рискнуть и пойти позвонить в дверь, но Уэйн ее отговорил. С одной стороны, Альбан М. ее уже видел, с другой — она не была оперативником. Он решил пойти сам.

Но Клара не могла его прикрыть. Пространство

от автостоянки до входа в дом было совсем открытым, и ей просто негде было там спрятаться. Что же касается огороженного места для мусорных контейнеров справа, оно просматривалось со всех сторон. Поэтому Кларе пришлось остаться на противоположной стороне тротуара, за заборчиком, на слишком большом расстоянии, чтобы можно было вмешаться в случае возникновения осложнений. Со сжавшимся сердцем она смотрела, как Уэйн идет к дому уверенным шагом, не оборачиваясь. Он коротко переговорил с каким-то мужчиной, потом постучал в указанную дверь. Сцена продолжалась всего несколько секунд, потом Уэйн вернулся.

— Это он!

Он поговорил с Трентом, придумав объяснение: он должен доставить товар, но перепутал адрес. Однако Уэйн не смог подтвердить присутствие в квартире других людей, тем более заложников.

«Наконец-то это дело снова у меня под контролем!» — подумала Клара.

***9.25***

Ее радость оказалась недолгой. С конца улицы донесся гул голосов, и, обернувшись, она заметила людей, занимавших проезжую часть, — факт, совершенно необычный для этой тихой улицы.

Журналисты и толпа зевак были уже здесь!

— Но как они узнали? — со злостью произнесла она вслух.

Уэйн, сосредоточенно смотревший в свой смартфон, дал ей ответ, который должен был превратить следующие часы в настоящий вызов.

— Пять минут назад на сайте *www.albanm.net* опубликовано коммюнике. Указан адрес, дана фотография дома и подпись к ней: «Гвоздь программы!»

На сайте появился даже указатель маршрута до дома, как на сайте любого ресторана или гостиницы «Как нас найти?».

— Он понял! Он понял!! — повторял Уэйн. — Ну, он силен.

— Это правда. У нас не было полной уверенности в существовании связи между Джулианом Трентом и Альбаном М. и в том, что центр действия находится здесь. Но он это подтвердил. Мы в нужном месте. От нас зависит, сделаем ли мы правильный выбор.

Джулиан Трент снова надел костюм ловкого манипулятора. Он не растерялся, не запаниковал, когда понял, что полиция вышла на него и готовится арестовать. Возможно, сосредотачиваться на этом визуальном подтверждении было ошиб-

кой, но у Клары не было времени на сожаления. С этого момента дело обретало новую форму, предстояло принимать меры, применяемые при классическом захвате заложников. Теперь все должны были занять свои места: снайперы, врач, психолог, переговорщик.

***9.40***

Джулиан Трент проверил магазин своего пистолета и снял оружие с предохранителя.

Затем он обвел взглядом комнату, желая убедиться, что на каждой камере горит красная лампочка. Всей конструкцией он управлял со своего смартфона, который держал в правой руке.

Прежде чем приступить к продолжению действа, он надел на глаза Колина черную повязку. Оставалось лишь ждать, когда полиция выполнит свою работу.

***9.40***

Быстро разворачивались штурмовые группы, оцепленный квартал превратился в запретную зону. Двое бойцов спецназа проникли в квартиру, смежную с той, в которой засел Альбан М. Джулиан Трент. Они установили микрофоны, чтобы прослушивать, что происходит за стеной. Первые звуки были очень слабыми. Они не могли точно определить, что именно происходит, но уверенно

говорили, что в помещении находятся несколько человек. Заложники были там.

В обоих концах улицы и у решетки ограды парка, выходящей на дверь дома, скапливались любопытные. Полиция выставила оцепление, за которое не пропускала журналистов. Как и в Кэмден-тауне, в небе над местом действия зависли вертолеты полиции и телевизионщиков.

Клара и Уэйн прошли в штаб — палатку, установленную за несколько минут бойцами штурмовой группы. Джеймс выступал перед различными ответственными лицами, вводя их в курс дела. Ситуация была необычной: жильцы из дома эвакуированы, на входную дверь направлены камеры, в отдалении сдерживаемая оцеплением толпа, в которой кое-кто продолжает голосовать. В доме находятся заложники, по последним данным — трое. Офицер, командовавший подразделением спецназа, слушал внимательно, чтобы не совершить затем трагической ошибки. Официально ЦПС не имел полномочий командовать штурмовой группой, но, учитывая, что именно эта служба лучше всего знала личность человека, удерживающего заложников, Джеймсу удалось получить решающий голос. Борьба облегчалась тем, что его друг Марк Чемберс, начальник уго-

ловной полиции, находился рядом с ним. В штаб, по просьбе Клары, привезли Дэни, чтобы он руководил компьютерно-информационной частью операции.

Молодой человек отвел свою начальницу в сторону и принялся яростно стучать по клавиатуре, а потом повернул экран к Кларе, чтобы та все увидела и поняла.

— Ты уверен?

— Да, я работал над этим несколько часов. Отследил все контакты вне конторы. Нет никаких сомнений.

— Но если она узнает, что это ты?

— Не волнуйся, я ничего не делал. Этим занялся мой друг.

— Без доказательств я не могу…

— Со мной же смогла! К тому же я думаю, она расколется на первом же допросе. Лайза неплохая девчонка. Должно быть, просто соблазнилась деньгами…

Может быть, но когда помощница начальника оказывается кротом, лучше, чтобы эта информация не распространялась. Только Джеймс мог решить данный вопрос, но сейчас он был занят совсем другим. А Лайза в этот момент никак не могла помешать готовящейся операции уже по-

тому, что не имела к ней никакого отношения.

Неподалеку от штаба был развернут полевой госпиталь. В палатке Джеймс и Уэйн обсуждали вопросы стратегии перед экранами, на которые транслировалось изображение с камер, установленных вокруг дома. Присутствовал заместитель министра внутренних дел собственной персоной. На случай возможных осложнений была установлена прямая линия связи с министром. Всем раздали наушники, чтобы обеспечить поступление информации в режиме реального времени. Дэни расположился в уголке на табурете, разместив компьютер на коленях.

Клара попросила его сосредоточиться на конфигурации сети Интернета в квартале, чтобы взять под контроль адрес Альбана М. Дэни снова принялся лихорадочно барабанить по клавиатуре.

Напряжение перед домом росло. Пока в штабе обсуждали детали штурма и прикидывали риск для заложников, в Интернете продолжалось зловещее голосование. Приближался момент окончания срока подачи голосов, до которого оставалось чуть больше часа, и в толпе некоторые написали и подняли над головой плакаты с именами своих фаворитов, надеясь таким об-

разом получить дополнительные голоса в их поддержку. В этой борьбе за выживание кипели нешуточные страсти. Клара недоверчиво наблюдала за этой игрой, ставшей за несколько дней столь популярной, что никто не задумывался об аморальности и опасности участия в ней.

Клара надеялась, что Джулиан Трент, зная, что окружен, согласится на переговоры, выдвинет требования, которые позволят им выиграть время для освобождения заложников. Никто не собирался сложа руки ждать, пока произойдет новое убийство в прямом эфире. Приехал мэр Лондона. Было очевидно, что толпа, собравшаяся вокруг дома, исключает любую поспешную акцию. Провал операции грозил спровоцировать реакцию, которую трудно было бы удержать. Вопрос заключался в том, чтобы быть готовым к переговорам, если Альбан М. на них согласится, параллельно готовя силовую операцию, чтобы избежать казни очередного заложника.

— Есть в нашем распоряжении кто-нибудь, кто находится или находился в контакте с заложниками или с их захватчиком? — спросил заместитель министра.

— Нет, — ответил Джеймс.

— Вообще-то да, — поправила Клара. — У нас

есть двое знакомых заложника Эразма.

Немедленно привезите их сюда. Мы используем их в случае, если на переговорах с захватчиком заложников придется попытаться его разжалобить… И почему я не в курсе их существования?

Он в раздражении ушел и присоединился к мэру и Марку Чемберсу, начальнику уголовной полиции, оставив в стороне Джеймса и Уэйна. Разговор, похоже, был напряженным.

***10.00***

В толпе на улице раздались крики, все уткнулись в экраны своих смартфонов. На сайте albanm.net появилось видео. В полумраке различались двигающиеся тени. Джулиан Трент открывал доступ внутрь квартиры.

***10.04***

В штабной палатке командир спецназа выразил удовлетворение, показавшееся Кларе преждевременным:

— Он не мог дать нам более полной информации. Теперь, на случай штурма, мы знаем расположение комнат и место, где находятся заложники. Микрофоны нам такого не давали. Альбан М. не производит никаких шумов. Мы можем быть уверены, что изображение передается в прямом эфире?

Да, это прямая трансляция. Мы проанализировали изображение по степени интенсивности освещения из окон, оно соответствует нынешнему времени и облачности. Но я призываю вас оставаться начеку, — ответила Клара. — Этот человек далеко не дурак и с самого начала играет с нами. Самое меньшее, что о нем можно сказать: он знает наш способ действия.

— Мне это известно, — сухо ответил заместитель министра. — Мы начнем действовать в тот момент, когда он устанет. Если повезет вступить с ним в контакт, надо поддерживать его до ночи, а если получится, то и до утра, — обратился он к специалисту по переговорам. — Настанет же момент, когда ему захочется спать!

— Напоминаю вам, что в той же комнате находятся и заложники, чьи жизни зависят от нас. Нельзя сосредотачиваться исключительно на нейтрализации Альбана М., — настаивала Клара.

— Мэм, — несколько нервозно ответил он ей, — давайте будем каждый заниматься своим делом. На данный момент у нас нет никаких подтверждений его готовности вступить в переговоры. Следовательно, если мы туда войдем, то для того, чтобы убивать. И ни для чего другого.

— Есть способ вырубить трансляцию на время

штурма? Я не хочу, чтобы у моих людей возникли сомнения, стрелять или нет, из-за того, что на них смотрят миллионы людей, — вступил в разговор командир спецназа.

— Дэни занимается этим, — объяснил Джеймс, озабоченный укреплением авторитета своей службы. — Мы отключим Сеть, как только вы начнете штурм.

***10.55***

Уэйн подал Кларе знак отойти с ним в сторону от штабной палатки. Он наклонился и шепнул ей на ухо:

— Я только что получил подтверждение, которого ждал. Не могу тебе сказать, как именно я его получил, но источник надежный: Эразм — полицейский агент. И никто в полиции, за исключением самого шефа, об этом не знал.

Клара хотела ответить, но он сжал ее руку, строго глядя ей в глаза:

— Это совершенно секретная информация, как ты понимаешь. Не знаю, почему шеф полиции, выполняя приказ министра внутренних дел, приставил его следить за Джулианом Трентом, но этот момент придает делу совсем другой оборот.

Несмотря на желание выразить свое недоверие, Клара прошептала:

— Вот, значит, почему они так хотят убить Альбана М.? Как они вошли в контакт?

— Есть много темных зон.

Клара быстро размышляла. Сведения Уэйна полностью переворачивали эту историю с захватом заложников. Если Эразм внедренный агент, он не может быть настоящим заложником. У нее еще раньше появились сомнения насчет Уильяма Трайса. Альбан М. заставлял их играть роль, но с какой целью? А другие заложники, они кто? Если вся эта информация останется в секрете, штурм может привести к катастрофе.

Когда она вернулась в штабную палатку, командир спецназа продолжал объяснения:

— Наши бойцы оснащены миниатюрными инфракрасными камерами. Они ведут вещание по внутреннему каналу, что позволит вам наблюдать за штурмом.

— Решение о штурме уже принято? — спросила Клара.

— Пока нет. Оно будет зависеть от реальности нового убийства, — ответил заместитель министра. — Решение придет прямо с Даунинг-стрит, 10.

Клара сделала глубокий вдох и решилась:

— Сэр, я полагаю, что мы не можем отдать ко-

манду на штурм, не обсудив положение.

— Какое положение?

— Заложников. И в первую очередь — Эразма.

Заместитель министра мрачно посмотрел на нее, затем повернулся к командиру спецназа:

— Продолжайте без меня, я на секунду.

Он в ярости направился к выходу из штаба, жестом велев Марку, Джеймсу и Кларе следовать за ним.

— Так. Теперь я могу узнать, что означает ваш намек?

— Мы имеем дело с заложниками, которые, кажется, таковыми не являются, и я думаю, что вас этот факт не удивляет, — заявила Клара.

— Это угроза?

— Клара, что происходит? — вмешался в разговор Джеймс, встревоженный тоном своей подчиненной.

— Дело в том, сэр, что от нас с самого начала скрывают, что Эразм не такой же заложник, как остальные, а полицейский агент, внедренный в окружение Альбана М. Это позволяет предположить, что все, что нам демонстрирует человек, захвативший заложников, является масштабной мистификацией, о которой кое-кто знает больше, чем до сих пор признавался.

— Это правда? — спросил Джеймс.

— Не важно, поскольку… — начал было заместитель министра.

— Не важно?! Штурмовые группы заняли позиции, люди рискуют жизнями, а вы посылаете их в дом, не говоря, что опасности подвергается один из их коллег! И вы считаете это мелочью? — возразил Джеймс, повышая тон. — Марк, ты не можешь оставить это так!!

— Вы не знаете ни ситуацию в полном объеме, ни ставки. Поэтому решаю здесь я. И сейчас уж точно не время для дискуссий! Просто делайте то, что вам говорят, и все. Понятно? — занервничал заместитель министра и направился обратно в штаб.

***10.58***

Джулиан Трент посмотрел на часы и встал.

***11.00***

Время голосования закончилось.

Теперь, когда Альбан М. был разоблачен, продолжит ли он осуществление своего плана и доведет ли до логического завершения свою мрачную игру?

Клара видела на экране установленного в штабе монитора картинки из главной комнаты квартиры. Джулиан Трент с невероятным спо-

койствием готовил заложника к казни. Комната была по-прежнему погружена во мрак. Заложником, которому предстояло умереть, был Колин Стирл. Он набрал наименьшее число голосов. Возможно, публика не успела проникнуться к нему симпатиями, или ради его спасения не работала целая сеть друзей и близких.

Напряжение за столом в штабе усиливалось. Заместитель министра теперь вел переговоры с министром, описывая ему различные сценарии, предложенные командиром штурмовой группы.

— Да, сэр, мы предпримем все необходимое, чтобы спасти заложников и нейтрализовать Альбана М.

…Понимаю, сэр.

…Мы тоже на это надеемся.

Энди Вуд затерялся в толпе, беспомощный, отчаявшийся. Он, журналист, оказался низведенным до уровня рядового зрителя. Толпа отняла у него его работу. Альбан М. организовал событие, не нуждавшееся в освещении его в СМИ. А публика никогда еще не получала такого объема информации по одному делу. Симптоматично, что вокруг него все стоят, уткнувшись в свои смартфоны, в ожидании очередной новости; реальность уже никого не интересовала. Они

старались не понять, а пережить момент с помощью Интернета. Страница изменилась, и в толпе раздались крики, когда спецназовцы заняли позиции для штурма.

***11.01***

— Надо принять решение немедленно, господин министр.

…Да, прямо сейчас.

…Вы подтверждаете?

Он повернулся к командиру спецназа, который тут же отдал своим людям команду на штурм.

Клара наблюдала за происходящим по главному монитору, разделенному надвое: на одной половине изображения с камер на касках бойцов штурмовой группы, готовых ворваться в дом, на другой — видео с сайта albanm.net, показывавшее крупные планы главной комнаты. Установленные вне квартиры микрофоны продолжали работать, но в ней по-прежнему стояла тишина. Клара удивилась тому, что не видит других заложников. Штурмовая группа не знала, где они находятся. Колин Стирл теперь сидел на стуле, лицом к камере. Во рту у него был кляп, руки за спиной, возможно, связаны. Ноги примотаны скотчем к ножкам стула. Клара читала в глазах этого человека тоску и непонимание. Альбан М.

крутился возле него, спокойно переходя из одного угла комнаты в другой; казалось, он раскладывает какие-то предметы по их местам, наводит порядок. Потом он вынул пистолет, тот самый, из которого убил уже двоих заложников, и положил его на колени Колина Стирла. Тот зашевелился. Альбан М. подошел к нему положил руку ему на плечо, словно успокаивая. Потом, улыбаясь, повернулся к камере; несколько секунд смотрел в объектив, потом по-театральному поклонился. Клара вздрогнула. Безумец, за которым она гонялась последние три дня, смотрел на нее. Глаза в глаза.

Трансляция на несколько секунд прервалась. На черном экране появилась надпись «Разоблачения». Снова включилось видео, но изображающее Альбана М. перед стеной с экранами на Эшбридж-роуд, 12.

«Приближается развязка, но не беспокойтесь: вы будете в первом ряду. В ближайшие часы и дни вы услышите обо мне много всего, в том числе и полной чепухи. Многие люди будут давать свой анализ мотивов, побудивших меня сделать это. Возможно, меня даже объявят сумасшедшим. Итак, какова моя правда?

Я знаю этих политиков и журналистов, кото-

рые совместно работают против вас. Я отлично знаю министра внутренних дел, который еще несколько лет назад обращался ко мне за советами. А потом я стал персоной нон-грата, передо мной закрыли все двери. Они испугались, что я раскрою их маленькие секреты, которые они без стыда и сожаления прячут от вас.

Так вот, знайте: они с самого начала знали, кто я такой. С первого же видеоролика. Однако расследование продвигалось крайне медленно, они допустили смерть двух человек, лишь бы не подвергнуть опасности собственные карьеры. Теперь выбор за вами: позволить им действовать или потребовать у них отчета».

Едва прозвучало последнее слово, как возобновилась прямая трансляция. Альбан М. стоял неподвижно, направив ствол пистолета в голову Колина Стирла.

В этот момент командир спецподразделения отдал команду «Штурм!», которую в наушник услышал каждый боец на месте. Приказ был ясен: возврат невозможен. В распоряжении у Дэни имелась одна секунда, чтобы отключить Интернет, прежде чем первая группа ворвется в квартиру.

— Дэни, вырубай. Через две секунды.

— Дэни, мать твою, давай!

— Не могу! Пидор! Он использует пиратскую коробку.

— Что-о-о?!!!

Я выключил Интернет во всем районе, но он продолжает передачу, потому что использует параллельную сеть. Ей не нужны ни телефонные реле, ни кабели, ни спутники. Сигнал идет через роутеры вайфая, находящиеся вне этой зоны. Придется отключать Интернет во всем Лондоне!

Делать это было уже слишком поздно. Значит, публика увидит все происходящее внутри.

В эту самую секунду полицейские выбили дверь и ворвались в квартиру. Угол обзора камеры Альбана М. изменился, и Клара узнала Уильяма Трайса, также вооруженного! Сообщник, как она и подозревала! Но почему он здесь? Вдруг он поднял револьвер и выстрелил в потолок. На экранах во все стороны метались точки света и тени.

— На пол! На пол! Внимание, справа впереди! Огонь! Огонь!

Затрещали автоматные очереди, сея панику. Люди бежали через комнату, общаясь между собой знаками. Лучи фонарей перекрещивались, выявляя возможных врагов. Потом среди стрельбы раздался крик, крик победы, за которым последовали несколько хлопков взрывов.

Прямая трансляция на сайте Альбана М. прервалась — один из спецназовцев уничтожил вебкамеры. Все присутствующие в штабе продолжали смотреть картинки, передаваемые камерами, установленными на шлемах полицейских. Кларе показалось, что Эразм прыгнул на Колина Стирла, но она не знала, что точно там произошло.

***11.08***

На квартал навалилась тяжелая тишина. Штурм закончился. Полицейские, журналисты, публика — все следили за операцией спецназа в реальном времени и теперь ждали ее результатов. Хотя темнота в комнате не позволила хорошо рассмотреть все, что там произошло, публика была поражена жестокостью происшедшего.

Клара услышала из динамика рации сквозь треск:

— Трое убитых, в том числе подозреваемый. Двое заложников живы. С нашей стороны раненых нет. Прием.

Нет раненых? Это казалось невероятным. Даже если спецназовцам противостоял дилетант, в такой тесной комнате ему трудно было ни разу не попасть ни в кого из штурмующих. Кто же остался в живых?

*Надо будет пересмотреть кадры штурма.*

Слово взял заместитель министра:

— Вы можете подтвердить смерть захватившего заложников?

— Подтверждаем.

— Отлично. Операция окончена, всем отбой. Изолируйте выживших и приведите врачей. Никаких контактов с внешним миром, пока я не прибуду на место. Повторяю: никаких контактов с внешним миром.

Даже не взглянув на Клару, он поспешно вышел из штаба. В этот момент полицейский привел Тома и Дженни, которых не удалось доставить до начала штурма из-за царившей неразберихи. Клара попросила их немного подождать. Пока она не могла им ничего сказать об Эразме. Она обратилась к Уэйну, Джеймсу и Дэни:

— Надо пересмотреть запись. Я видела Трайса, который стрелял в воздух.

Ни слова не говоря, Дэни запустил видео. Клара очень скоро получила подтверждение своей догадке. Трент даже не пытался сопротивляться. Несмотря на плохое качество картинки, запись позволила ей увидеть, что Уильям Трайс и один из заложников выстрелили в воздух в тот момент, когда в комнату ворвались спецназовцы. Оба

они были убиты на месте. Это не могло оказаться случайностью. У нее сложилось впечатление, что это было тщательно продуманным шагом. Никакого возбуждения, никакой паники, вызванной страхом. Форма самоубийства, как будто они не желали, чтобы их освободили. Смертельный маскарад, еще одна безумная выдумка Альбана М., решившего исполнить свой последний трюк.

Через несколько минут на сайте Альбана М. появилось новое видео, датированное сегодняшним числом. Время: 10.59. Без единого звука Альбан М., Уильям Трайс и двое их товарищей, в том числе Эразм, пожимали друг другу руки, словно прощаясь, а Колин Стирл ждал, привязанный к стулу.

Завибрировал телефон Джеймса.

— Заместитель министра уехал. Нам разрешили войти. Пошли.

Когда Клара переступила порог квартиры, в нос ей ударил запах пороха. В главной комнате все было перевернуто вверх дном, мебель опрокинута, повсюду дырки и вмятины от пуль. Джулиан Трент лежал на спине, лицо у него было удивительно спокойным, как будто он ожидал такого трагического финала. Сначала им не удалось подойти к Эразму и Колину. Но шеф Чемберс разрешил им зайти за установленные ограждения.

— Мы проведем допросы двоих выживших, и я хочу, чтобы вы при этом присутствовали. Я не все решаю, но хочу, чтобы это дело было прояснено полностью. Наш агент Эразм нам в этом поможет. Доктор, мы можем ехать?

— Да, конечно. Серьезных ран у них нет, только ушибы и истощение. Советую вам перемещать их на креслах-каталках.

Когда они вышли из дома следом за двумя креслами-каталками, плотная толпа пришла в движение. Их маленькая группа проследовала мимо штаба, возле которого с нетерпением ждали Том и Дженни. Они узнали своего друга и в нерешительности ждали, пока он улыбнется им, чтобы подойти к нему.

— Ты как?

— Бывало и получше, — с иронией ответил Эразм. — Извините, что впутал вас в эту историю, особенно тебя, Том, но у меня не было выбора. Пока что не могу рассказать тебе все, но — спасибо!

Дженни взяла его за руку, чтобы приободрить себя и убедить, что он вышел живым из этого ожесточенного штурма. Эразм успокоил ее взглядом.

— Мне надо идти. Скоро увидимся.

***Управление уголовной полиции.***

***Комната для совещаний на четвертом***

***этаже.***

***13.00***

Эразма привезли на обычной машине без полицейской раскраски и маячка; по бокам сидели двое оперативников. Когда Клара вошла, он сидел за деревянным столом, держа в руке стакан воды. Следы заточения читались на его лице. Он был бледным, с многодневной щетиной, с темными кругами под глазами. Начальник полиции, Джеймс и Уэйн также сели. В углу работала видеокамера, чтобы записать отчет агента. Прежде чем они обменялись банальными фразами, чтобы начать разговор, Эразм сказал им:

— Я уж думал, мне конец. И ничего не мог сделать. Все вышло из-под контроля.

— Не расстраивайся, ты сделал, что мог. Задание было непростым, — уверил начальник полиции и повернулся к Джеймсу: — Прошу прощения, но некоторые сведения должны остаться в тайне, как затрагивающие вопросы национальной обороны. Заместитель министра дал на сей счет четкие инструкции.

Клара не была уверена в пользе этого разговора. Казалось, все ведут двойную игру, а она среди них пытается составить пазл, несмотря на отсутствие многих частей. Но не получалось ли

так, что только она искала истину?

— Не могли бы вы начать с самого начала? — попросила Клара. — Не скрою, мы только недавно узнали о вашей истинной роли.

Эразм посмотрел на Чемберса, тот кивнул, и он начал рассказ:

— Прежде чем согласиться стать полицейским осведомителем, я входил в различные сообщества интеллектуалов, этаких интернет-партизан. Я много путешествовал еще со студенческих лет, встречал много увлеченных и ярких людей, но также много таких, кто могли бы скатиться в экстремизм. И когда однажды британская полиция предложила мне внедриться в некоторые такие группы, я не колебался, потому что хотел помочь своей стране и развеять сомнения, которые у меня были относительно самого себя. Я знал, на что иду. Поначалу речь шла только о добывании информации. Потом я получил это задание.

— Что конкретно вам сказали о Джулиане Тренте? — спросила Клара.

— Что это опасный человек с экстремистскими идеями. Не было никаких сведений о том, какую акцию он готовит.

— Что конкретно вы должны были делать? — попытался понять Уэйн.

— Внедриться в его группу, раскрыть ее ответвления и связи, понять цель.

— А вам известно, почему этого человека сочли опасным?

Эразм бросил взгляд на своего начальника:

— Нет, к этой информации я доступа не имел.

— Давайте продолжим с того момента, когда вы вступили в контакт с Джулианом Трентом.

— Поначалу, честно скажу, я ничего не понимал ни в его философии, ни в политических амбициях. А потом я понял, что Джулиан Трент начал решительно и быстро радикализироваться. Однажды он решил, что мы должны удалиться от мира, но истинную цель этого шага он держал при себе. Каждому из нас предстояло сыграть свою роль, все как будто было расписано заранее. Мы знали, что будем участвовать в масштабной акции и не сможем отказаться в последний момент.

— Кто в этом участвовал?

— Все, кроме последнего заложника, который прибыл позднее. Атмосфера была тяжелая. Все следили друг за другом. Я не мог ни сбежать, ни связаться с внешним миром. Каждый знал только свою роль. Джулиан Трент всеми манипулировал.

— Вы не знали, что он собирается убивать?

Догадался, но ничего не успел сделать. Я часто задавал себе вопрос: не разгадал ли он мою двойную игру? А потом, другие не боялись, они как ослепли. Были заворожены его словами еще больше, чем действиями, как, например, когда он рассказал о голосовании в Сети или о том, как он побывал в Кэмден-тауне, смешавшись с толпой.

— Все-таки это был он! — воскликнула Клара. — Вы говорите, что не имели связи с внешним миром. Но ведь это вы вышли на связь с Томом Лоутоном?

— Чтобы создать шумиху вокруг этого захвата заложников, Тренту нужны были внешние связи. Мы дали ему координаты некоторого количества своих знакомых, которые могли быть ему полезны, а он выбрал из них.

— Кому вы должны были докладывать в полиции?

— Напрямую мистеру Чемберсу.

— До какого момента вы продолжали поддерживать связь с ним? — спросил Джеймс, все сильнее нервничавший и испытывавший разочарование от того, что его друг все эти последние дни обманывал его, многое недоговаривая.

Клара чувствовала, что Марк Чемберс чувствует себя неуютно; он то и дело бросал взгляды на

камеру и ерзал на стуле, словно готовый вскочить и что-то предпринять, если Эразм расскажет о какой-нибудь компрометирующей детали.

— Связь прервалась за много недель до начала истории с захватом заложников. Как только Джулиан Трент решил нас изолировать, я лишился всех средств связи. Наши телефоны были уничтожены. Работал только его аппарат, но он, как мне кажется, часто менял симку.

— Остальные, заложники или нет, ни о чем с вами не разговаривали?

— Нет.

— Вы даже не знали их имен? — спросил Уэйн.

— Нет.

— А заложник, который остался в живых?

— Он прибыл последним. Джулиан ждал его с нетерпением, много говорил по телефону, но мне так и не удалось узнать — с кем.

— И Джулиан Трент ни разу не имел внешнего контакта, который вы могли бы идентифицировать?

— Нет.

— Что он вам сказал перед штурмом?

— Что теперь надо идти до конца. Я понял, что он готов устроить кровавую баню, и решил найти себе укрытие. Я спрятался, закрыл глаза и стал

ждать, когда все закончится. Но тут меня словно подбросило. Я сказал себе, что настоящий заложник — единственный человек в этой компании, которого следует спасти. Он был привязан к стулу и не мог защититься. В тот момент, когда в комнату ворвались спецназовцы, я бросился к нему, чтобы повалить на пол. Я увидел, что Альбан М. направил свой пистолет на меня, но выстрелить он не успел, потому что раньше его убили.

Клара повернулась к начальнику полиции. Она рассчитывала, что отчет Эразма станет и его отчетом. Конечно, это было неуместно, но она хотела получить ответы.

— А как вы получили распоряжение внедрить вашего осведомителя в окружение Джулиана Трента?

— Приказ пришел непосредственно из канцелярии министра. Мне дали четкие указания, а я должен был только выбрать агента, способного выполнить это задание. Что я и сделал сам, ни с кем не обсуждая.

— И у тебя даже на секунду не мелькнула мысль ради спасения заложников рассказать нам, что происходит? — спросил Джеймс.

Марк Чемберс резко встал, показывая, что разговор с Эразмом окончен. Он был в безвыходном

положении. Нервно махнув рукой, он обратился непосредственно к своему другу.

— Ты прекрасно знаешь, как работает система. Моя власть имеет свои границы, а главным было защитить прикрытие Эразма до конца. — После этих слов он вышел в коридор.

Джеймс и Клара последовали за ним.

— Ты не можешь вот так взять и уйти. Слишком много людей погибли из-за этой секретности. И ради чего?

Марк посмотрел на него и приложил палец к губам, призывая к молчанию. Они быстро поднялись на верхний этаж и вышли на крышу. Лондон лежал у их ног.

— Что ты делаешь, Марк?

— Мой кабинет могут прослушивать. Вы даже не представляете себе, во что влезаете. О чем вы думаете? Министр внутренних дел рискует в этом деле своей карьерой, и он без колебаний принесет в жертву осведомителя.

Казалось, Марк хотел на этом остановиться.

— И что? Почему эта история вдруг приобрела политический окрас? — нетерпеливо спросил Джеймс.

Марк был подавлен и испытывал отвращение к этому миру без чести и совести, где даже чело-

веческая жизнь ничего не стоила. Он решился поднять завесу тайны:

— Министр внутренних дел — политик, который за время своей карьеры на пути к власти контактировал со многими людьми, общение с которыми может его скомпрометировать. Джулиан Трент был одним из них. Министр консультировался с ним относительно способов ограничения воздействия на массы традиционных СМИ, а также на предмет использования социальных сетей для борьбы с политической оппозицией и для урезания гражданских свобод. Разумеется, публично он в этом признаться не мог по политическим соображениям. Придя к власти, он, как делают в этой ситуации многие политики, велел установить наблюдение за определенным числом людей, носителей потенциально опасной для него информации. В их числе оказался и Джулиан Трент, человек слишком свободомыслящий и неуправляемый, чтобы его можно было приручить. Через несколько месяцев, получив сведения о том, что Джулиан Трент проявляет все большую активность, начал вращаться в экстремистских кругах в Великобритании и за границей, министр забеспокоился. И засомневался: не имел ли Трент доступа к документам с грифом «Совершенно сек-

ретно»? Он попросил внедрить в его окружение осведомителя, каковым стал Эразм. Первые донесения от него не вызвали особого беспокойства, потому что в них говорилось о возможности какого-то художественного хеппенинга. Но несколько недель назад связь с Эразмом прервалась. Вплоть до первого видео.

Мы с первого дня поняли, что Альбан М. — это Джулиан Трент, когда увидели, что задействован профиль Эразма. В первый же вечер я был вызван к министру на совещание кризисного штаба с его заместителем. Мы решили ничего не говорить, чтобы не раскрывать причины, по которым внедрили своего осведомителя. Кроме того, раз там оказался наш агент, не могло быть и речи о том, чтобы подвергать его опасности. К тому же Эразм находился в привычной для него обстановке и мог выкрутиться сам. Когда мы увидели первое убийство и получили подтверждение, что это не монтаж, министр стал на нас давить, чтобы история с захватом заложников закончилась как можно скорее и чтобы никто не мог установить связь между ним и Джулианом Трентом. Надо было во что бы то ни стало не допустить нового скандала вроде истории с Эдвардом Сноуденом. Даже ценой жизни заложников.

Джеймс и Клара замерли, ошеломленные как самими откровениями, так и цинизмом, демонстрируемым Марком Чемберсом. Кларе понадобилось два дня, чтобы сорвать маску с Альбана М. и установить его подлинное имя. А министр и начальник полиции знали его с самого начала!

— По вашим глазам вижу, что вы готовы броситься в крестовый поход за правду. Бросьте, — проворчал Чемберс. — Это обернется против вас. Власть вышвырнет вас из системы и будет безжалостно преследовать.

Клара не могла не подумать, что под видом предостережения он высказывает угрозу, которую сам же и приведет в действие, если почувствует опасность для себя.

В этот момент зазвонил его телефон: можно было начинать допрос выжившего заложника.

Эта история до самого финала сохраняла свою необычность. Кларе открылось, что двойная игра оказалась намного сложнее, чем она себе представляла. Фальшивые заложники вместо настоящих, настоящие жертвы вместо других. Но как в этой истории оказался Колин Стирл?

Вроде бы он был жертвой, но допрашивать его следовало осторожно, на случай, если и он,

вопреки показаниям Эразма, окажется адептом Альбана М.

Колин ждал их в комнате для допросов. Сначала Клара понаблюдала за ним через одностороннее зеркало из соседней комнаты. Он неудобно сидел на металлическом стуле и дрожал, несмотря на наброшенное ему на плечи одеяло. На запястьях у него были синяки, он с трудом держал чашку кофе, принесенную ему по его просьбе. В шоковом состоянии он смотрел в пол, уставившись в одну точку, словно не понимая, из-за чего вокруг него такая суета. Клара добилась разрешения первой поговорить с ним. Она сделала Уэйну знак идти за ней, потому что хотела, чтобы он находился рядом.

— Здравствуйте. Я Клара Капланд, веду расследование для Центра правительственной связи.

Колин поднял голову, и Клара вздрогнула, увидев его пустой усталый взгляд.

— Я больше не могу.

— Я понимаю, но я должна задать вам несколько вопросов. Вы действительно Колин Стирл?

— Да… — ответил он, отводя взгляд.

— Вы можете мне рассказать, что произошло?

— Нет, все слишком смутно, сумбурно. Я был привязан, потом взрыв. Я закрыл глаза и стал

молиться, чтобы все это поскорее закончилось.

— Вы можете опознать человека, удерживавшего вас в заложниках?

— Не знаю. Может быть. Что я здесь делаю?

— Что вы помните о происходившим до того, как вы попали сюда? — продолжала Клара, которая не хотела, чтобы он пришел в себя.

Сейчас, когда он слаб и растерян, он может проговориться и сказать нечто важное.

— Я пытался бежать на корабле, но они меня поймали. Нас было много, запертых в кубах.

«В кубах? Этот бедолага спятил», — подумала Клара.

— Надо найти остальных, — продолжал Колин. — Где Рашель?

— Кто такая Рашель?

— Молодая женщина, которая была на корабле. Но я убежал на острове, я всех их подверг опасности.

— Я не очень хорошо вас понимаю, мистер Стирл. Давайте с начала. Вы можете мне рассказать, что произошло после окончания последнего голосования?

Колин инстинктивно отпрянул, заново переживая ту сцену.

— Я сидел на стуле. Он мне сказал, что я по-

следний, что после меня все закончится, но он должен меня казнить. Я думал, что умру. После всего, что мне пришлось пережить: куб, корабль, молчание, убийство. Он направил на меня пистолет. Я подумал о своей жене. Потому что я ее не убивал, эту студентку. Я не понимаю, как я туда попал. Они спасли меня, чтобы продать этому сумасшедшему. Но почему именно меня?

— Тихо, тихо. Успокойтесь. Я хочу, чтобы рассказали мне о последних минутах.

— Это все. Он сказал, потом я почувствовал, что пистолет уперся мне в голову. Дальше взрыв, и я оказался на полу. Кто-то повалил меня. Я не мог пошевелиться. Отовсюду стреляли. Это продолжалось несколько секунд. Возможно, я потерял сознание.

— А тот, кто держал вас в заложниках? Вы не были с ним знакомы?

Колин поднял на нее вопросительный взгляд:

— Почему вы думаете, что я мог быть с ним знаком? Я похож на человека, поддерживающего знакомство с подобными типами?

— Нет, но я знаю, что у вас были большие проблемы в Японии…

— Это не я! Суд оправдал меня, и я знаю, в чем я виноват, а в чем нет.

— Вы сказали, что вас продали, — вступил в разговор Уэйн, почувствовавший, что допрос может далеко уклониться от темы и ничего связного от Колина они уже не добьются.

— Да, я слышал на корабле, что мы очень дорого стоим, цифра со многими нулями.

— Получается, Альбан М. купил его специально для этого захвата заложников? — спросила Клара Уэйна.

— Возможно. Во всяком случае, определенно, что деньги он должен был перевести. Но я не уверен, что нам удастся отследить их.

— Кто были люди на корабле? — продолжал Уэйн.

— Не знаю. Они работали на тех, кто нас запер.

— То есть?

— Когда я решил покончить с собой, потому что не мог больше выносить обвиняющих взглядов моих знакомых, я отправился на скалу Тодзимбо и прыгнул с нее. Не понимаю, как и почему, но я очнулся, запертый в кубе где-то в Австралии.

Детективы переглянулись: торговля самоубийцами?!

— Бежать было невозможно, — продолжал Колин. — В конце концов охранники спешно перевезли нас на корабль, как будто их кто-то

вспугнул. Там я с другими пленными захватил судно, но когда мы прибыли на место назначения, не сумели удержать ситуацию под контролем. Помню, я пытался бежать, но меня схватили и оглушили.

— А эта Рашель?

— Пленница, как и я. Не знаю, как она там оказалась, но она выглядела очень хрупкой и беззащитной. Я боюсь, ей угрожает опасность. Надо ее найти.

Клара открыла для себя еще один аспект этого дела, совершенно невероятный. Как многие люди, пытавшиеся покончить с собой, могли превратиться в живой товар? Кто стоял за этой торговлей людьми? В ближайшие дни следовало плотнее изучить эти показания, чтобы положить конец подобной криминальной практике. Пока что у нее была одна мысль, как это сделать: следить за деньгами, как обычно.

# Эпилог

Двенадцать часов спустя на сайте *albanm.net* было выложено последнее видео. Джулиан Трент стоял спиной к зрителям, лицом к стене с телевизорами в потайной комнате своего клуба. На экранах непрерывно шли разные передачи. Он повернулся к камере и сделал заявление:

«Сейчас я наверняка мертв — полиция смогла выйти на меня по следам, которые я специально для нее оставил в разных местах. Эти следы должны были занять их, пока я выполнял мою миссию: придумать из разных элементов криминальную историю, лишить журналистов эксклюзивной информации, а вам, зрителям, дать возможность не только следить за развитием сюжета в прямом эфире, но и стать участниками событий, распоряжаться жизнью и смертью людей, знакомых вам или незнакомых. И мое предприятие увенчалось успехом! Полиция, политики и СМИ не смогли между собой договориться и создать фильтр, задерживающий информацию. Я сделал так, что все вы сидели в первом ряду, что вы могли сами принимать решения или, по крайней мере,

создать себе иллюзию, что это так, как и во всем остальном.

А сейчас вы, очевидно, думаете, что я проиграл, поскольку я мертв. Ошибаетесь. Я не один. Я лишь первый боец в большом сражении. Будут организованы новые акции. Уверяю вас, вы еще ничего не видели».

Клара смотрела видео в своей квартире, куда вернулась с ощущением, что отсутствовала полгода. Чистое и холодное жилище, которое в последнее время она не хотела делать уютнее, несмотря даже на то, что новая встреча с Уэйном, пускай только по работе, вызвала у нее другие желания.

Она знала, что Джулиан Трент проиграл, проиграл совершенно. Он считал, что управляет целым миром, а в действительности был орудием в руках тех, кого ненавидел и с кем боролся. Политики уже ухватились за этот случай, чтобы на его примере доказать необходимость установления контроля над СМИ и Интернетом.

Несмотря на обиду из-за того, что ее обманывали коллеги, Клара не подала в отставку. Она смирилась, потому что работа была для нее на первом месте и потому что, находясь внутри системы, она может хоть как-то повлиять на

изменения в настроениях. Странно: она так ненавидела СМИ, а теперь спрашивала себя, не стоит ли ей обратиться к ним и рассказать всю эту историю целиком. Пусть журналисты раскрутят дело, и каждый узнает, что творится за кулисами. Но это означало открыть дверь непредвиденным последствиям, которые могли оказаться еще хуже, чем существующее зло. Кроме того, ее заинтересовала торговля самоубийцами. Ей не терпелось выяснить, кто стоит за этим бизнесом.

Прежде чем выключить телевизор, она в последний раз посмотрела информационный выпуск по новостному каналу, где постоянно крутили видео Альбана М. Никто не мог сказать, какое влияние это пугающее дело окажет на мир. Возможно, никакого. Но Клара не могла не думать о том, что, в конце концов, для общего блага было бы лучше, если бы послание Трента услышали.